

Я ДЛЯ ТЕБЯ ОСТАНОВАЮ ЭТУ ПЛАНЕТУ

МИЛЕНА СТАИЛ

Annotation

Никогда не стоит играть чувствами женщины, однажды она изменится, и ты не заметишь, как окажешься в аду.

ПРОЛОГ

Он стоял посреди кухни в одних джинсах, и с серьезным, слегка надменным взглядом наблюдал за изящными, раскованными движениями красивой голубоглазой блондинки. Весь ее вид говорил одно — уверенность, она была до безумия уверена в себе, ни взглядом, ни жестом не выдавала какого-либо страха или признака нервозности. Наоборот, глаза сверкали задорными искорками, а в уголке губ можно было прочесть заигрывающую улыбку, которая страстно увлекала мужчину в свои сети. Нет, он не впервые видит эту улыбку на губках, которые уже успел опробовать, даже вкусить, наслаждаясь пьянящим ароматом клубники. Точно, клубники, и сама девушка выглядела настолько сладко, настолько красиво, что другое сравнение и не придумаешь, просто не посмеешь.

С грацией, подобной кошке, она стояла у обеденного стола, слегка касаясь бедром стула, и призывно, одним взглядом, словно хищника, манила его к себе. Изумительная, в его белоснежной рубашке, которая едва прикрывала ей попу, и он не был уверен, есть ли на ней трусики, но до зуда в пальцах скорее хотелось выяснить это. Конечно то, что она была без лифчика, сомневаться не приходилось, соски, призывно торчащие под тонкой рубашкой, возбуждали его с невероятной силой, и мужчина уже готов был сорваться, отпустить свою напускную сдержанность и наконец-то овладеть этим стройным, сексуальным телом. Погрузиться в него настолько, чтобы из ее дурной головы вылетели все глупые мысли, чтобы стонала под ним там громко, как только позволяет ее голос, и дрожала, чтобы дрожала в конвульсиях, испытывая дикий оргазм от его глубоких и мощных толчков.

— Что смотришь так, словно хочешь меня тра*нуть? — совсем не приветливо и без капли нежности произнесла Марго, откидывая белокурую прядку волос за плечо, да так изящно, что у него не оставалось сомнений — сейчас точно сорвется, набросится, как изголодавшийся тигр, и вы*бет из нее всю дурь.

— Ты раздетая передо мной, и смеешь спрашивать такие вещи? — ехидно произнес он, делая расслабленные шаги в ее сторону, и наблюдая за выражением лица, прищуренным хмурым взглядом.

— Извини, после вчерашнего мне больше нечего надеть, — тут же состроив из себя милую невинность, очень ласково произнесла она, хлопая длинными ресницами, и умудряясь при этом с ним кокетничать.

— Не делай из себя суку, — совсем грозно прорычал Максим, и одной рукой рванул пуговицы на своей рубашке, представляя своему взору небольшие округлые груди, которые, как он догадался раньше, оказались без лифчика. — А бюстик тоже не в состоянии надеть?

— А я и есть сука, Вишневский, — злобно ответила на первую его фразу и, пропустив мимо ушей вопрос, она рывком попыталась притянуть его к себе за ремень, что, к слову, вышло очень плохо, учитывая его габариты. А сама, оказавшись прижатой к сильному телу слишком близко, грудью скользнув по крепким мышцам, встала на колени, и пока пальцы проворно расстегивали пряжку кожаного ремня, язык изящно выводил влажные узоры на каменном прессе горячего мужчины.

2016 год. Офис Вишневского.

— Максим Иванович, к вам Маргарита Герц, говорит, вы лично назначили встречу, — прозвучал голос его секретарши из селектора, отрывая мужчину от чтения очередного контракта, который он уже несколько дней не может подписать из-за отсутствия своего помощника.

Дело не в том, что мужчина глуп или не образован, наоборот, его уму могли позавидовать многие, просто такие важные дела он предпочитал обговаривать с Константином Вениаминовичем или со своим отцом. Иван Сергеевич был профессионалом в своем деле, и сына научил тому же. А такие вопросы, как подписание контракта на очередное поступление строительных материалов евро-класса, не решаются в одиночку, ибо рискуешь поплатиться не только своим положением в обществе, но и материальным благосостоянием.

— Катерина, я никого не жду, — вот и все, большего говорить он был не намерен, его не волновало, кто и что именно от него хочет, Макс всегда делал только то, что нужно ему!

Больше не отвлекаясь на ненужные вещи, мужчина продолжил изучать документы, как вдруг дверь с грохотом открылась, ударяясь ручкой о стену, а в кабинете появилась статная блондинка с разъяренным взглядом голубых глаз. Он ни хрена не понимал, что происходит, но тут же поднялся с кресла и, не спеша, достал сигарету из пачки, лежавшей на его столе. Прикурил, сделал глубокую затяжку и, преодолев расстояние, выпустил дым прямо в лицо наглой сучки, которая посмела побеспокоить его.

Девушка слегка, совсем немного, скривилась, но взгляд выдержала достойно, ни на миллиметр не опустив свой гордо поднятый подбородок. А она не привыкла отступать, и сюда пришла не для того, чтобы быть униженной, ей нужна работа, и она ее получит. Здесь, сегодня, сейчас. Но, черт возьми, почему ей кажется, что она где-то видела этого Максима? Да и поведение его кого-то ей напоминает, но вот кого?

Мужчина грозно смотрел на нее с высоты своего роста, делая очередную затяжку, и девушка чувствовала себя маленькой по сравнению с ним, возвышающимся над ней сантиметров на двадцать. Кем он себя возомнил, пупом земли, или президентом? И что с того, что она нагло ворвалась в кабинет директора фирмы, это лучше, чем сидеть в приемной, часами выжидая, когда этот тип все же соизволит ее принять. Его там толпы ждут, и что, он себе спокойно сидит здесь и курит, даже не думая о людях.

А Вишневский, и правда, не привык думать о людях, которые не были ему дороги. Кто он такой, чтобы заботиться обо всех?

— За такое вторжение я могу наказать очень жестко, и поверь, мне за это ничего не будет, — без эмоций проговорил он, приближаясь к лицу девушки так близко, что она могла почувствовать его дыхание, смешанное с сигаретным дымом.

За спиной послышались шаги, и в проеме двери показалась Катерина, видимо, пришедшая объяснить шефу это недоразумение, но Вишневский рукой показал, что все нормально, и секретарь, кивнув, прикрыла дверь, удаляясь подальше.

Приструнив внутреннюю ярость, которая бушевала в ней после тех его слов, услышанных из селектора, Маргарита очень медленно повернула голову, и буквально наткнулась на взгляд точно таких же, как у нее, голубых глаз. Он не смотрел. Он пожирал,

пытаясь пробраться в нее, прочесть мысли, залезть в душу, но точно не смотрел. Слишком глубокие его глаза, и злые, точно, злые. А губы — они были так близко, что ей захотелось провести по ним языком, попробовать на вкус, отдаться им, но она гордо держалась, не поддаваясь этому искушению.

Так же медленно девушка отвернулась и плавно прошлась по кабинету, удобно устраиваясь в кожаном кресле с противоположной стороны от хозяйского.

Максим задержался, стоя на том же месте, уделив внимание разглядыванию ее стройных ножек, облаченных в черные чулки, которые, су*а, он точно видел, держались на подвязках пояса. Ее юбка — она не была слишком короткой, нет, но разрез сзади дал четко определить части ее гардероба, и будь он проклят, если ошибся, ему срочно стоило бы это проверить.

Он тут же сорвался с места и в три шага оказался около этой наглой особы, посмеившей вести себя так по-хамски, как и он ведет себя со всеми. И ему это не нравилось, будто видит свое отражение. Наклонившись, он руками уперся в ручки кресла, нависая над девушкой, и губами касаясь ее уха, отчего та почувствовала мимолетные мурашки по телу.

— Я не приглашал тебя присесть, не люблю наглых девиц, но твои ноги смягчат наказание, это твое везение, — хрипло прошептал он, так и продолжая касаться губами ее кожи, от чего красотке захотелось замурлыкать, прильнув затылком к его груди.

— Ты не можешь заставить эти прекрасные ноги стоять целый день, да еще и на таких каблуках, — продолжая смотреть перед собой, произнесла она, и тут же, за секунду, оказалась лицом к лицу с разъяренным Вишневым. Мужчина сделал последнюю затяжку и потушил окурок в пепельнице, стоявшей на его столе, все это время не отпуская ее взгляда.

Он возбужден, Маргарита не была душой, чтобы такое не заметить — его напряженные скулы, плотно сжатые губы и жилка, пульсирующая на шее, выдавали его с головой. Но, по всей видимости, мужчина не переживал по этому поводу, скорее наоборот, гордился, что в принципе не казалось глупым. Было бы куда хреновей, если бы он не возбуждался.

— Я бы предпочел оказаться между ними, — и его рука с жадностью легла на коленку, отчего Марго вздрогнула, но не от страха, а, скорее, от неожиданности, но не отстранилась, продолжая смотреть ему в глаза.

Сильная рука поднялась выше, проникая под юбку, и наконец-то касаясь кружева, которое он увидел несколькими минутами раньше. Макс немного сжал бедро, а девушка задержала дыхание, не в силах противостоять такому соблазну. Бред полнейший, впервые видит мужика, и так возбуждается от его прикосновений. Да что там, его взгляд завел ее еще у двери, точно, с ума сошла.

Он пальцами коснулся кожи над чулками и едва не зарычал от ее нежности, которая манила в свои сети, а он хотел в них попасться, и чем скорее, тем лучше, но с этой штучкой не знал, что будет через секунду. Рука поднялась еще выше, нащупав подвязку, и, не зная предела проворности своих рук, он щелкнул крючком, который тут же поддался натиску пальцев и немного освободил места для мужчины. Максим полностью положил ладонь на голое тело. Большим пальцем он ощущал жар ее лона, но туда он сам себе запретил лезть, иначе сорвется, а у него и так выдержка уже ни к черту.

Небольшая округлая грудь, идеально упакованная в красную блузу, то и дело нервно вздымалась перед его глазами, а страстное дыхание девушки горячило его кровь. А он не железный, да и далеко не монах, чтобы не реагировать на такие вещи.

— Нравится то, что чувствуешь? — прозвучало над его ухом, и он, не спеша, повернул

голову, заглядывая в ее небесные глаза.

— Иногда лучше попробовать, чем трогать, — ответил и отстранился от нее, усаживаясь, наконец, в свое кресло, а она не поняла, не смогла так быстро отреагировать на смену его поведения, и почувствовала какое-то опустошение, или даже обиду. — Но меня интересуют совершенно другие женщины.

— Прости, силикон не в моем предпочтении, — уела су*ка, но он не мог не согласиться — она права, мужчина привык к силиконовым куклам, у которых, порой казалось, даже вместо мозгов вставлено это холодное вещество.

— Перейдем к сути. Кто ты, и зачем пришла? — тут же сменил тему, не собираясь обсуждать свою личную жизнь с этой девчонкой.

— Ты слышал, меня зовут Маргарита Герц, — ее голос звучал уверенно, что добавляло ей плюсы в его глазах.

— Меня не интересует твое имя, — холодно ответил мужчина, продолжая держать ее взгляд, а она не растерялась, хмыкнула и провела языком по верхней губе.

Зараза, знает, как мужика отвлечь. Такая умная, или действительно обольстительная?

— Мне нужна работа!

Он локтями уперся в стол и с вызовом посмотрел на те самые пухлые губы. И вспомнил, вспомнил, откуда она показалась ему знакомой. Надо же, года три прошло, а она только похорошела, ярче стала, эффектнее, что уж скрывать — сексуальнее.

— Зареванная девочка из темно-синего ауди, так быстро утром исчезнувшая из моей кровати... — задумчиво произнес красивый, подкачанный мужчина, который продолжал пожирать ее взглядом, а она дернулась от этих слов, но осталась сидеть на месте. Вспомнила, она тоже его вспомнила. — Разве у меня на двери написано, что мне нужны работники?

— Ты можешь подписать этот контракт, останешься им доволен, я тебе гарантирую, — стрельнув глазками на бумаги, которые лежали под его руками, проговорила она, немного подвигаясь ближе, так, чтобы он мог снова ощутить аромат ее духов.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, женщине не место в моем офисе!

— Ах, да, в твоем понимании, они должны быть только в постели.

— Не всегда, но в твоем случае!

— Не забывай, Максим, у нас в стране демократия.

— Плевать. Плевать, как ты считаешь, плевать на твое мнение, я в тебе не нуждаюсь.

В дверь осторожно постучали, и, не ожидая ответа шефа, в кабинет вошла та самая секретарша, держа в руках поднос с двумя чашками кофе. Поставив его на стол, девушка принялась расставлять чашки, а Марго, ничуть не смущаясь, задрала юбку и, приподняв левую ножку, демонстративно принялась застегивать подвязку.

Катерина сделала вид, что не заметила этого, а вот Вишневский — наоборот, уставился на нее во все глаза, в принципе не имея сил оторвать взгляд от красных кружев ее трусиков. Маргарита нарочно долго застегивала крючок, при этом слегка поправляя чулок, проверяла его, Максима, сто процентов. Он понял это по ее лукавому взгляду, который она мимолетно бросила на секретаршу.

Когда они остались одни, Максим рывком поднялся из-за стола и, обойдя его, снова оказался впритык к девушке, только на этот раз он слегка грубовато схватил ее за локоть, поднимая из кресла и усаживая на стол, удобно разместившись между стройных ножек.

Она руками уперлась в стол позади себя, и с вызовом продолжила смотреть ему в глаза,

ни капли не стыдясь своего поведения. А мужчина тем временем мгновенно расстегнул две пуговицы ее блузки и отодвинул осточертевшую ткань в сторону. Его взору предстали два упругих небольших холмика, обтянутых таким же красным кружевом, что и ее трусики.

Блондинка видела голод в его глазах и возбуждение, доказательством которого являлась твердая плоть, упирающаяся ей в бедро. И она могла поклясться, что слышала его рык, перед тем как он погрузил свои пальцы в ее волосы на затылке, и крепко прижал свои губы к ее губам, терзая их в грубом поцелуе.

Он впился в них настолько сильно и жадно, с пониманием того, что не хочет отпускать ее, по крайней мере — сейчас. Ему хочется снова ощутить ее всю, как раньше, давно, и услышать стоны, взрывающие его мозг, ведь сейчас она явно еще более страстна, чем тогда. Весь ее вид кричал — взять ее и отг*ахать, и он жутко хотел поддаться этому желанию. Ее губы отвечали ему не менее страстно, порождая в нем бурю эмоций, вызывая мурашки по телу. Мужчина почувствовал, как по спине покатилась капля пота. Су*а, как же он ее хотел.

А Маргарита едва не стонала под его губами, грудь высоко поднималась при каждом вздохе, и она чувствовала, как горячо и мокро у нее в трусиках. Девушка все порывалась прекратить это, ведь пришла действительно устраиваться на работу, услышав от Константина Вениаминовича о должности в этой фирме. Но она хотела еще хоть чуточку насладиться ласками красивого мужчины, который когда-то подарил ей кучу эмоций и страсти.

На секунду она почувствовала, что поцелуй прекратился, и услышала слова, которые ну никак не вязались с нынешней ситуацией.

— Даю тебе месяц, — тяжелое дыхание, и глухие слова, вырвавшие ее из мыслей. — Нет — вышвырну к чертям собачьим.

Девушка поняла, о чем он говорит. Чрезвычайно обрадовавшись, она силком оттолкнула мужчину от себя и, встав на пол, принялась быстро приводить себя в порядок. Глазами метала молнии в его сторону, а Макс ошарашенно смотрел на девушку, не до конца понимая происходящее.

— Не разочарую, обещаю, — и, подмигнув, она резко развернулась, так что при повороте ее волосы взметнулись, задевая кончиками его лицо, и снова развевая свой аромат, который тут же ударил ему в нос.

Плавнo покачивая бедрами, она покинула его кабинет, оставляя мужчину с его каменным стояком, а сама, довольно улыbnувшись секретарше, грациозно прошла по приемной, вызывая интерес находящихся там мужчин.

— Вот су*а, — громко произнес Вишневский, проводя рукой по волосам. И как раз в этот момент в двери оказался его друг и по совместительству замдиректора. Тот удивленно, немного с насмешкой уставился на шефа, не понимая его взрыва, но умышленно промолчал, зная характер Макса. — Меня только что уела баба. Но красивая, чертовка!

Он никак не мог прийти в себя после такого неоднозначного собеседования, перед глазами стояла эта шальная блондинистая красотка, которая смогла легко обвести его вокруг пальца, как никому и никогда не удавалось. Всегда мог держать свои эмоции при себе, тем

более — с женщинами, которых с некоторых пор не слишком-то и уважал, но единственная правда в том, что эта Марго — не силиконовая кукла. Может, потому он так и возбудился, что она не была одной из его подружек? Да, женщин в свою постель он получал легко, стоило только глянуть своим фирменным глубоким взглядом, и любая красotka вешалась на него с радостью. Главной задачей было сразу показывать той ее место, чтобы не рассчитывала на дальнейшие отношения. И пока с этим проблем у мужчины не было.

— О! Кофе, — восторженно проговорил Глеб, который удобно разместился в кресле, в котором недавно сидела причина задумчивости его друга. — О! Остыл, — уже грустно добавил мужчина и отставил чашку с холодным напитком.

Глеб Варшавский — симпатичный коренастый мужчина со светлыми волосами и карими глазами. Не женат, постоянной подружки нет, но очередь выстроилась давно, и достаточно большая, о чем он, не скрывая, болтает на каждом шагу. Макс к другу претензий не имеет, ну или практически не имеет, учитывая характер самого Вишневого. Сам Глеб такого же возраста, как и его друг, но иногда ведет себя, как подросток, о чем напоминают ему сами же женщины.

С Максом они дружат еще с детского сада, потом родители повели их в одну школу, и ребята едва ли не все одиннадцать лет сидели за одной партой. Девчонок никогда не делили, считая, что дружба должна быть куда сильнее. Если нравилась одна и та же девочка, они просто прекращали с той общение, а если разные, то шли в разгул, и надолго. Молодость — как у всех, кто же не любил позависать на вечеринках, да еще и с красивыми девушками. Потом из парней выросли красивые мужчины, которые так и остались верны дружбе.

В ВУЗы поступили разные, учитывая выбор будущих профессий: Макс — адвокат, а Глеб — финансовый менеджер, но в итоге судьба свела их снова вместе, и теперь Максим Вишневский являлся шефом своему другу.

— Глеб, ты что-то хотел? — прозвучал злой голос, отрывая друга от созерцания чашки с холодным кофе.

— Вообще-то кофе, но, смотрю, ты меня не ждал, — разочарованно проговорил Глеб, но увидев рассерженный взгляд шефа, немного стушевался, дабы не накалять обстановку. — Константин Вениаминович звонил, просил передать, что придет девушка на собеседование, он лично ее рекомендует.

— Я ни х*ра не понял, он что, на пенсию собрался?

— Собрался, сердечко у нашего старичка шалит.

— А меня, значит, уже не нужно предупреждать лично.

— Макс, ты же знаешь Вениаминыча.

— Допустим, но что это он всяких девиц посылает? Он знает, как я отношусь к женщинам в офисе, мне его Катерины хватает.

— Так что, позвонить, сказать, что мы не нуждаемся?

— Я сам позвоню ему.

— Как жаль, говорят, эта Маргарита очень красивая...

— Кто? — удивленно переспросил Макс, уставившись на друга вопросительным взглядом.

— Константин Вениаминович сказал, что ее зовут Маргарита Герц, очень смышленная, сильная, красивая, а еще сказал, что она и нам может нахлопать. Только я не понял — это физически или словесно?

— Черт, — тяжело вздохнул мужчина, потирая лицо ладонями. — Ладно, разберемся.

Ты что-то еще хотел?

— Ага, — легкая ухмылка и заинтересованный взгляд. — Кто эта цыпа, которая так красиво выпорхнула из кабинета?

— Мой новый помощник.

Глеб замер с открытым ртом и неопределенно начал махать рукой в сторону двери...

— Все вопросы к нашему многоуважаемому пенсионеру, — Глеб так же молча закрыл рот и, поднявшись с кресла, кивнул другу, отправляясь в свой кабинет.

А голубоглазый мужчина остался один, размышляя над сложившейся ситуацией, которую он пока не до конца понимал. Константин Вениаминович был с ним уже семь лет, и все по наводке отца, который упорно желал сыну самого лучшего, а его нынешний помощник таковым и являлся. И Максиму совершенно не хотелось заменять мужчину кем-то другим, тем более — женщиной, тем более! Марго.

Почему он согласился взять ее на испытательный срок, еще не зная того, что ему потребуется помощник? Почему давний друг отца прислал ему именно женщину? И как он теперь собирался работать с ней, если только от одного взгляда в красивые небесные глаза хотелось позабыть о прочих делах, только бы вонзиться в ее изящное тело, и доказывать, насколько она не права в своем поведении. Сколько вопросов крутилось в его голове, только бы теперь получить на них ответы.

Около десяти лет назад он, не сомневаясь, принял бы девушку на работу, но сейчас, после того, через что ему пришлось пройти, он не мог так поступать. Нет, не физически не мог, а морально, просто запретил себе когда-либо устраивать женщину на работу в свой офис. Катерина была единственным исключением из его правил, внучка того самого Вениаминыча, и никто, даже сам Макс, ни разу не покусился на ее честь. Уважал, как и помощника, так и его внучку, да и не тот он человек, чтобы приближаться к девушке, которую сам не интересуется.

Отмахнувшись от своих мыслей, мужчина поднялся с кресла, натянул пиджак, схватил ключи от машины и пачку сигарет с зажигалкой со стола и покинул кабинет, отправляясь в гости к своим родителям. А незадачливому пенсионеру он позвонит завтра с утра, чтобы выяснить всю нужную информацию, и насчет контракта — он его подпишет, понимал ведь, что девочка неглупа, и просто так на рожон не полезет.

Квартира Марго.

Довольная собой, Марго зашла в квартиру, кинула ключи на полочку и, сбросив туфли, босыми ногами прошлепала по паркету, направляясь напрямиком в ванную. Включив кран с теплой водой, скинула с себя юбку и блузку, и в одном белье прошла в гостиную к мини-бару. Достала любимое красное вино и наполнила им бокал на высокой ножке. Все, как она любила — изыск и роскошь, два ее верных друга, сопутствующих последние годы повсюду.

Приподняв бокал к свету, она с оценивающим взглядом посмотрела на красную жидкость и, поднеся к губам, сделала маленький глоток, пробуя на вкус терпкий напиток. Ей понравилось то, что она ощутила, и, забрав его с собой, девушка вернулась в ванную, где уже достаточно набралось воды. Отставив бокал на стиральную машину, она взяла с полочки маленькую капсулу с ванильным эфирным маслом и капнула несколько капель в воду, тут же ощутив любимый аромат.

Марго с улыбкой, блуждающей на губах, осмотрела себя в зеркале, подняла волосы на затылке, заколов заколкой, и изящно, со всей своей грацией подняла ножку, облаченную в чулок, и поставила ее на бортик ванны. Пальцы скользнули по бедру и задержались там, где

пару часов назад была рука страстного мужчины с пронзительным взглядом.

Она вспомнила его, вспомнила, как стонала под этим мощным, каменным телом, извиваясь, словно змея, билась в конвульсиях от оргазма, и жалела, что сбежала утром, не попробовав этого мужчину вновь. Но тогда все в ее жизни было иначе, она не смела думать о развлечениях, не имела права даже представить, что достойна такого мужчины, не после того, что произошло с ее жизнью. Чувствовала ли она себя грязной? Нет! Но разбитой и униженной — в первую очередь, и не из-за этого Макса, которого забыла в ближайшие дни, чтобы не питать себя пустыми иллюзиями, а из-за другого человека, перевернувшего ее жизнь навсегда. Безвозвратно сделав ее замаскированной, надменной и холодной, какой она себя прекрасно продемонстрировала в офисе наглого красавца.

Отметая ненужные мысли, Марго расстегнула крючки, сняла белье, спустила по ногам чулки, и все с тем же изяществом окунулась в воду, полностью расслабив тело. Она погрузилась в сладкую полудрему, которую сопровождала классическая музыка, льющаяся из динамика ее телефона. Всегда предварительно включала мелодию и нежилась под нее, лежа в ванне, так поступила и сегодня, дабы немного успокоить напряженное тело, помнящее прикосновения сильных рук.

Спустя минут пятнадцать, девушка снова пригубила вино и, оставив бокал на пол, принялась с легкостью намазывать тело гелем со вкусным запахом манго.

Она уже облачилась в банный халат, когда из коридора ее светлой квартиры послышался звонок. Распустив волосы, которые плавно рассыпались по спине и плечам, девушка с легкостью в теле пошла открывать дверь незваному гостю. На секунду остановившись около зеркала, Марго с каким-то девичьим взглядом осмотрела себя в нем и, забавно подмигнув, открыла входную дверь, негромко щелкнув замком.

— Добрый вечер, Вы Маргарита Герц? — уверенным голосом поинтересовался парень, с интересом пройдясь взглядом по голым ступням, уделив особое внимание пальчикам, на ногтях которых был ярко-алый лак.

В руках молодой человек держал недешевую охапку красных роз, а на губах его блуждала надменная улыбка, говорящая о его мнении об этой девушке. Но саму Марго то не интересовало, и она, слегка приподняв брови, кивнула, и все также молча ожидала объяснений от наглого паренька.

— Эти цветы просил передать Ваш очень хороший знакомый, — она поняла, о ком речь, и, приняв букет, сухо поблагодарила парня, закрывая дверь прямо перед его носом.

Девушка знала, от кого этот щедрый жест, и, поставив себе на заметку поблагодарить завтра этого человека, она отправилась в ванную, чтобы набрать в высокую вазу воду для шикарных цветов.

Первый рабочий день. Нет, она не проснулась пораньше, чтобы все успеть, и, не дай Бог, не опоздать на работу к грозному шефу. Все шло свои чередом — несколько минут среди простыней, потом душ и, конечно же, любимый кофе, сваренный в кофе-машине, и выпитый на лоджии с видом на море, и с зажатой между пальцами с аккуратным маникюром тоненькой сигаретой.

Так начинался любой ее день, только в различное время, естественно, в зависимости от ситуации. Всегда выпивала чашку кофе, выкуривала одну сигарету, и только потом шла наряжаться, опять же, если это следовало дальнейшим планам ее дня.

Вот и сейчас, потушив окурок в пепельнице, поднимаясь из плетеного кресла, девушка блаженно потянулась и, вернувшись в спальню, скинула шелковый халатик, отбросив его на

край кровати. Вчера вечером она долго думала, что бы ей такое надеть, перебрала уйму вариантов и остановилась на самом подходящем, к которому грех придаться в чем либо.

Раньше все ее рабочие наряды начинались и заканчивались обычными классическими костюмами и блузками, застегнутыми на все пуговицы, теперь же она решила немного погрешить, учитывая, что работать ей придется с сексуальным шефом.

Нет, блузка, а вернее — ее отсутствие, не была с глубоким вырезом — наоборот, кофта, которую она собралась надеть, полностью скрывала все. Воротник практически под горло, кружевная ткань с подкладкой отлично как прятала тело, так и выделяла все его изгибы, а вот руки хорошо очерчивались, затянутые в прозрачную ткань. Сама кофта доходила до середины живота, ее продолжением была не менее шикарная кожаная юбка-карандаш длиной немного ниже колен. И если немного нагнуться, то будет прекрасно видно тонкую осиную талию.

Вот здесь-то, на юбке, и был разрез, он прятался, но кому нужна эта скромность, когда дело касается красивого мужчины? Впереди, на правом бедре, красовалась длинная молния, и если замочек потянуть вверх, глазам предстанет красивый вид стройной ножки через тонкое черное кружево. А значит, сегодня в ход снова пойдут чулки.

Нанеся макияж и подкрутив волосы в легкие локоны, Марго облачилась в свой сексуальный наряд и, завершив образ черными матовыми туфлями, закинула в миниатюрную сумочку телефон, зеркальце и сигареты, взяла ключи от квартиры и машины и уверенным шагом покинула свою маленькую берлогу.

В общей сложности дорога заняла около получаса, и до начала рабочего дня оставалось еще пятнадцать минут, которые девушка решила посвятить себе, любимой, оставшись на улице и прикурив тонкую сигарету.

Сделав затяжку, она разомкнула ярко-красные губы и выпустила дым, поворачивая голову в сторону ступенек, по которым поднимался невысокий мужчина в черном костюме. Она еще вчера его заметила, когда выходила из кабинета Вишневого, тот с удовольствием пялился на нее, не скрывая своего интереса, в принципе, сейчас происходило то же самое.

— Ох*еть, с утра, и так меня завести, — это и различная брань послышались со стороны двери кабинета хозяина фирмы.

Сегодня Макс приехал раньше, и уже изучал какие-то документы, попивая из своей чашки кофе без сахара. Мания друга заваливаться без стука давно прекратила его удивлять, и поэтому он сейчас просто выжидающе смотрел на Глеба. Тот, закрыв дверь, подошел к столику, где всегда стояла бутылка виски, и, откупорив ее, приблизил к стакану:

— Закрой, и поставь на место, — строго проговорил Вишневский, откладывая свои бумаги.

— Жмот! — наигранно выпалил мужчина, но бутылку отставил и, скинув пиджак, удобно развалился на диване. — Там эта блондинка вчерашняя, — начал он, а шеф только слегка склонил голову, требуя объяснений. — Теперь я понимаю, что она и есть Маргарита Герц.

— К сути, Варшавский!

— А ты сейчас сам увидишь, только предупреждаю — работа остановится, наши мужики с таким помощником — цей — дольше пяти минут не протянут, — исправившись, пожаловался он.

— Что ты имеешь в виду? — не понимая, о чем именно говорит Глеб, решил уточнить начальник и, не дождавшись ответа, застыл с изумленными глазами, когда после тихого

стука в двери показалась миниатюра с изящно выставленной ножкой вперед, как раз там, где находился разрез.

— Тук-тук, мальчики. Можно?

2012 год. Дом Ржевских.

По всей гостиной разливался задорный смех белокурой красавицы, которая то и дело убегала от своего любимого мужа, гонящегося за ней по всему дому. Они часто так развлекались, играя в догонялки, смеясь, после чего все перерастало в страсть и заканчивалось любовью в их спальне, ну, или не только в спальне. Парочка буквально светилась счастьем, стоило им только оказаться на горизонте друг друга, и тут же появлялись море улыбок и искр, которые сверкали вокруг Риты и Сергея.

Познакомились они совершенно случайно на дне рождения общей подруги два года назад, долго улыбались друг другу, а потом мужчина пригласил ее прогуляться по парку, в котором в тот же вечер и сделал предложение. Девушка, конечно, долго смеялась тогда, не веря в происходящее, а вот Ржевский на утро пришел и увез ее в ЗАГС, где уже через месяц их поженили.

Рита иногда до сих пор не верит, что вот так просто доверилась человеку, но она уже два года замужем, и не просто замужем, а еще и очень счастлива, что является прямым доказательством. И никто из друзей не верил, что они продержатся больше месяца, но вышло совсем наоборот. Только, чем могло для молодоженов это все обернуться, никто предвидеть не мог.

Все также хохоча, Рита остановилась на заднем дворе около бассейна, чтобы хоть немного отдышаться, и не ожидала, что муж так быстро нагонит ее, и с диким визгом они оба рухнут в воду, погрузившись полностью, с головой. Немного погодя, вынырнули, и Рита, набрав в ладошки воды, плеснула ее на мужа, и снова расхохоталась, глядя, как тот отплевывается от неожиданного броска.

— Это тебе за мое промокшее новое платье, — без капли злобы пояснила свою проделку девушка и для наглядности показала мужу язык.

— Совсем маленькая девчонка, — посетовал он с улыбкой на устах и схватил жену за талию, придвигая поближе к себе. — Озорная, красивая и сексуальная, — уже шепотом добавил он, от чего девушка вздрогнула, почувствовав мурашки по телу от его слов.

— Я всегда рядом с тобой становлюсь такой, так что все жалобы к мистеру Ржевскому, — в тон мужу ответила она и рукой нежно коснулась его щеки, спустилась к шее и, наклонившись, слегка прикусила ключицу, а в ответ услышала тихий стон.

— Проказница, — он приподнял ее голову за подбородок, чтобы было удобно смотреть в голубые глаза, и с возбужденным взглядом кивнул на грудь, которая четко очерчивалась под мокрой тканью. — Твои соски требуют, чтобы я их наказал...

— Что поделать, и здесь твоя вина, — намекнула на то, что она возбуждается даже от легкого его касания.

Сергей передвинул ее ближе к бортику и рукой провел от талии к груди, одну помещая в свою ладонь, и большим пальцем надавливая на затвердевший сосок. Рита застонала, откинув слегка голову назад, отчего белокурые пряди упали на кафель бассейна, а ее ручки крепко схватились за мужские плечи.

— Моя любимая, страстная девочка, — снова приглушенным шепотом произносит муж, после чего его губы обрушиваются на тонкую изящную шею в сладком поцелуе.

Он целует так, словно в губы, иногда прикусывает, а Рита стонет от очередного маневра

языка и просто расслабляется от ласк мужа.

— Сергей Захарович, пришла Ваша мама и попросила передать, что ждет в гостиной, — сухо, без каких-либо эмоций произнесла женщина невысокого роста, лет сорока, с вечно скучающим выражением лица.

Не ожидая ответа, она так же, молча, как и появилась на террасе, покинула хозяев, и выглядело это так, словно ее здесь и не было. Конечно, именно так прислуга и должна вести себя — незаметно, но это не значит, что ей позволено поведение нахалки. Ведь, по сути, Сергей с Ритой могли заниматься в бассейне чем угодно, а та даже не извинилась за то, что помешала или прервала их.

— Наша домработница иногда меня бесит, вроде, взрослая женщина, но тактичности ей очень не хватает, — немного зло пробурчала девушка, отстраняясь от мужчины, и приближаясь ближе к ступенькам.

— Не злись, любимая, пойдем лучше, узнаем, с чем пожаловала моя мама, — спокойно ответил Сергей, помогая выбраться ей из воды.

Марию Геннадьевну спасало только то, что Рита, если и злилась, то максимум пять минут, и никогда бы не смогла уволить женщину, которая появлялась в их доме три раза в неделю, и прекрасно выполняла свою работу, а именно — убирала все помещения.

Что касалось приготовлений в кухне, молодая хозяйка полностью отдавала себя этому, а муж с радостью пробовал ее всё новые и новые кулинарные шедевры. Маргарита любила готовить, и никогда себе в этом удовольствии не отказывала, тем более, раз уж было кому поглощать ее стряпню. А Сергей даже пару раз предлагал ей отправиться на известное кулинарное шоу, на что девушка только качала головой и с видом «сейчас тебя отругаю», отвечала:

— Я без тебя так долго не смогу.

А ведь на шоу действительно нужно было находиться несколько месяцев, а эта парочка расставалась максимум на день, когда уходили на работу.

Сейчас они, мокрые и босые, вошли в гостиную, и Рита сложила руки, прикрывая грудь, и немного покраснела, а Сергей улыбнулся на это и, приобняв, поцеловал в висок.

— Обожаю тебя, — прошептал он и тут же отстранился, чтобы подойти и поприветствовать мать. — Здравствуй, мама.

— Привет, дети мои, — с любовью улыбнулась женщина пятидесяти двух лет и по очереди поцеловала молодежь.

— Здравствуйте, — негромко поздоровалась блондинка, все больше смущаясь своего вида. — Я скоро, только переоденусь, — и, взбежав по лестнице, исчезла на втором этаже.

Алиса Романовна только улыбнулась вслед невестке и перевела добрый взгляд на сына — единственного и обожаемого. Вообще она славилась своей добротой и заботой, и многие часто не понимали, как такая мягкая женщина смогла выстроить серьезный бизнес, одна. Это только когда Сергей вырос, то присоединился к маме, и даже принял от нее большую часть акций.

Ржевская не выглядела на свой возраст, и зачастую ее принимали за сестру Сергея. Она была невысокого роста, но всегда с прямой спиной, показывая свою силу и статность. Седина уже коснулась русых волос, всегда прекрасно уложенных в замысловатую прическу, и женщина стала краситься в черный цвет, что, к слову, ей очень шло, придавая еще большей строгости, которая так необходима в их бизнесе. А вот глаза были точно такие же, как у сына, серые и холодные, но если присмотреться, как, например, это делала Рита, которая в

своих единственных родственниках видела только хорошее, то можно было заметить в них добрые искорки.

— С чем пожаловала к нам? — с интересом спросил мужчина, снимая свою мокрую футболку и отбрасывая ту на пол около дивана.

— А просто так я не могу прийти? — с лукавой улыбкой ответила вопросом на вопрос мама, слегка приподнимая аккуратную тонкую бровь.

— Мама-мама, — шутливо покачал головой мужчина и поднял взгляд на лестницу, по которой уже, со счастливой улыбкой, спускалась к ним его жена, переодетая в другое платье.

— Я все, Сережка, иди, переоденься, а мы с мамой в кухню пойдем пока, — он подошел, поцеловал девушку и отправился наверх, с легкой душой оставляя своих любимых женщин наедине.

Те вдвоем прошли в смежную с гостиной кухню. Алиса Романовна уселась за обеденный стол, а Рита прошла к плите и, включив чайник, принялась готовить заварку.

— Ритуля, повезло моему сыну, хозяйственная ты, — с теплом сказала женщина, отпивая апельсиновый сок, принесенный ранее домработницей.

— Вы же знаете, Алиса Романовна, это все благодаря нашей любви. Разве можно не ухаживать, не заботиться о любимом мужчине?

— Тут я с тобой согласна. Кстати, Сережка постоянно в уши жужжит, как вкусно ты готовишь, а мне вот удавалось попробовать твою готовку, чтобы так, с толком, с расстановкой, всего-то несколько раз.

— Ой, так мы легко сейчас это исправим, давайте, я что-нибудь вкусненькое наколдую, — с блеском в глазах предложила кулинарка.

— Э, нет, красotka, не сегодня, я ненадолго приехала, — отказалась мама, и даже немного расстроилась из-за того, что снова не удастся насладиться обедом, приготовленным невесткой.

— Ну вот, потом не сетуйте на меня, — наигранно обиженно покачала головой Ритой.

— Не буду, — так же ответила Алиса, после чего по кухне раздался веселый женский хохот.

Редко, но они проводили время вместе, и очень даже ладили, что также удивляло многих друзей. Казалось бы, что молодая девушка может обсуждать со взрослой женщиной? Но этим двоим всегда удавалось найти легкие темы, и они никогда не упускали возможности посмеяться и просто отдохнуть в хорошей компании.

Смех — это вообще любимое занятие Риты, нет, она не была дурочкой, просто любила позитив и все, что с ним связано. Конечно, если находилась с мужем на важной встрече, или же в суде, она вела себя достойно и презентабельно, даже не придерешься, что очень часто норовили сделать.

— Так и знал, стоило мне только выйти, и вы начнете надо мной смеяться, — словно ругая, проговорил Сергей, который уже переоделся в сухие штаны и футболку.

— Ты же знаешь, милый, женщины любят перемывать косточки мужчинам, — Алиса говорила так, словно именно это серьезно и имела в виду, а Рита видела задорные смешинки в ее глазах, единственное, что выдавало ее настроение.

Пока они перебрасывались веселыми словечками и репликами, девушка успела заварить ароматный чай и разложить по тарелкам пирог, испеченный ею же утром.

— Ну, вот, Ритуль, все же умудрилась и я отхватить кусочек, — свекровь поддела ложкой ломтик пирога и положила в рот, с наслаждением прикрыв глаза. — Вкуснотища...

— А я тебе о чем всегда говорю, мамуль? — прищутив серые глаза, поинтересовался Сергей, и сам откусил пирог, только держа его в руке, более по-домашнему.

— Ты прав, ничего лучшего я не ела, даже в европейских ресторанах.

— Не преувеличивайте, я самоучка, а там известные шеф-повара.

— Спасибо, что напомнила, нужно будет их к тебе отправить, пусть поучатся у тебя.

Они снова все засмеялись, и продолжили пить чай уже более спокойно. Когда с десертом было покончено, Маргарита быстро вымыла посуду, и все вместе перешли в гостиную, где удобно устроились на диване и кресле.

— Ребят, я, вообще-то, зачем к вам заглянула. Завтра состоится юбилейный вечер в честь нашей компании, двадцать лет, как ни как.

— Ух, ты, круто, — с восторгом отозвалась Рита, захлопав в ладоши.

— Я что-то совсем подзабыл об этом.

— Это и не удивительно, дома красавица жена, любой нормальный мужчина больше бы ни о чем и не думал.

— Ты права, мама, — ответил Сергей и с любовью глянул на жену, в глазах которой плескалось счастье. — А что с приготовлениями?

— Не переживай, все отлично, я об этом позаботилась, — будничным тоном ответила Алиса, улыбаясь своему сыну, и тут же перевела взгляд в сторону девушки. — Рита, дорогая, у тебя нет сейчас никакого дела?

— Нет, к сожалению, или к счастью. Сижу теперь, бездельничаю, это так скучно.

— Значит, завтра устрой шопинг и купи потрясающее платье для такого вечера.

— Чтобы Сережка от моего вида в обморок упал?

— Чтобы все мужчины были у твоих ног.

— Эй, эй, эй, хотите, чтобы все эти мужики остались без зубов? Мама, тебе ведь тогда придется подыскивать новый персонал.

— Ой, да ладно тебе, ревнивец, — пожурела сына женщина и перевела взгляд на Риту. — Твоя жена всем отпор даст.

Со стороны двери послышался звонок, и Сергей хотел пойти узнать, кто пожаловал в гости, но девушка остановила его:

— Болтай с мамой, родной, я посмотрю, кто там пришел, — и, поднявшись с дивана, она легонько чмокнула мужа в губы и направилась к экрану домофона.

Мария Геннадьевна вряд ли спустится, ведь ее время сейчас — убирать комнаты, а раз внизу находятся хозяева, значит, сами откроют, так они делали всегда. Вот и Рита подошла к двери, и на небольшом экране увидела засвеченное солнцем лицо женщины и, нажав на кнопку открытия, вышла на улицу, чтобы встретить неизвестную гостью.

Девушка спустилась с высоких ступеней, прошла по выложенной кирпичом узкой дорожке, с двух сторон обсаженной высокими красивыми кустами, и, практически дойдя до кованой калитки, застыла с едва приоткрытым ртом. По телу прошел озноб, живот скрутило в тугий узел, а в горле встал ком. Она не знала, что нужно делать, как себя вести, в голове грохотала кровь и бился учащенный пульс, а язык не хотел поворачиваться, чтобы произнести хоть что-то, кроме одного единственного тихого слова:

— Мама...

Рите казалось, что она вросла в землю, даже пальцами на ногах не могла пошевелить, настолько онемело ее тело, но только не душа. Там как раз происходили невероятные вещи, будоражащие прошлое и сотрясающие настоящее, рушащие ее спокойный устойчивый мир.

Разум вопил «беги», а тело не давало никаких шансов, только принимать еще один удар, чувствовать боль, которую она все эти годы старалась прятать, подавлять. И ей даже в какие-то моменты это удавалось, по крайней мере — до этой минуты.

Что здесь делает этот человек, здесь, у них дома, где Рите так хорошо и уютно, где она больше не чувствует себя одинокой и брошенной? Зачем снова эта женщина появляется в ее жизни, что хочет от нее? Снова выскажет, кто виноват во всем случившемся, или потребует чего-то взамен?

Девушка по-прежнему не могла сделать ни шага, а ей так хотелось убежать к мужу, обнять его, уткнуться в родную шею, чтобы вдыхать любимый запах, который так успокаивал и дарил надежность, защищенность. Только с Сергеем она ожила, или даже вернее будет сказать — зажила, ведь то, что было прежде, нельзя назвать жизнью. Разве есть жизнь в детдоме, где не услышишь ласкового слова, не почувствуешь родных и таких важных объятий, где все игрушки — общие, а на ужин — извечная каша, да компот. Это ли жизнь счастливого ребенка?

Когда маленькой Риточке было пять лет, она мечтала поскорее стать взрослой и отыскать свою маму, но этого делать не пришлось. На третьем курсе университета «мама» пожаловала сама, ожидая девушку возле учебного корпуса.

— Рита, — громкий окрик со стороны небольшого сквера заставил молоденькую девушку обернуться, и заприметить там невысокую женщину лет сорока. Та стояла и беспрерывно смотрела на нее. Одетая в серое пальто и черную шапку, она не выглядела богато, скорее наоборот, потрепанная жизнью или же спитая.

Маргарита подошла немного ближе и увидела в глазах этой женщины что-то такое знакомое, но что, понять не могла. Сначала не могла.

— Риита, — протянула незнакомка и, слегка скривившись, хмыкнула, плотнее кутаясь в свой шарф зеленого цвета. — Так вот ты какая — Маргарита Герц. Откуда только имя такое дурацкое взяли?

— Кто Вы такая, и какое Вам дело до моего имени? — ничего не понимая, поинтересовалась девушка, за что снова получила кривую ухмылку.

— Я Наталья Олеговна Долматова, тебе это о чем-то говорит? — слишком грубо прозвучали слова, отчего Рита немного сжалась, но тут же подняла подбородок повыше, чтобы не показывать свою слабость.

— А разве должно? — постаралась ответить холодным тоном.

— Еще и как. И ты мне должна, — все так же грубо говорила Наталья Олеговна.

Девушка сглотнула и, немного прищутив глаза, спросила:

— Что же я Вам должна?

— Жизнь! Целую жизнь, дорогуша... Я твоя мать, подарившая тебе жизнь в этом мире, и ты должна быть мне благодарна.

Девушка стояла, как громом пораженная, тело задрожало, в горле встал ком, перед глазами — пелена, а в голове закрутилась, словно метель, только одна фраза: — «Мама, это моя мама, она родила меня. Мамочка...»

Глаза, полные слез, нос защипал, губы приоткрылись, и девочка смогла выдать из себя такие дорогие ей слова:

— Ма-ма...

— Стой там, где стоишь! — едва ли не выкрикнула женщина, когда ее дочь хотела подойти к ней, чтобы обнять. — Прокаженная, и зачем только Бог создал тебя?

— Что?.. — практически прошептала Рита, а глаза все больше и больше наполнялись слезами, нос покраснел от холода, тонкие пальчики на руках онемели, воздуха не хватало, потому что она не смогла сделать очередного вдоха.

— Ненавижу тебя, всю жизнь ненавижу, ты моя ошибка, ты и твой папаша, который подвернулся мне по молодости, нищета никчемная, — злобно плевалась Наталья, сверкая своими злыми глазами, и казалось, что она вот-вот набросится на свою дочь.

— А я... в чем... в чем я виновата перед тобой? — еле выдавила из себя эти слова, так больно чувства резали душу молоденькой девочки.

— Из-за тебя меня выдали замуж за нелюбимого, с которым я практически двадцать лет мучаюсь. Из-за тебя! А знаешь, что приятного во всей этой ситуации? Не одна я страдала все эти годы. Я рада, что твоя жизнь прошла в детдоме, а не у приемных родителей, это Бог тебя наказывает за ошибку. За то, что ты родилась.

На этих словах у Риты по щекам покатались два ручья горьких слез, нет, она не рыдала на всю улицу, не кричала, не билась в истерике, а просто глотала тихие слезы, кусая губы до крови и заламывая пальцы, не в силах сдерживать эмоции. Ей было так больно, и в то же время так пусто внутри, словно все ее чувства вырвали руками, потоптались по ним и уничтожили. Это была та боль, которая больнее физической. Та, которая может быть только из-за ненависти собственной матери. Боль, которая не лечится.

Та маленькая девочка, мечтавшая найти свою маму, она не собиралась упрекать ее в том, что ее бросили, она мечтала просто обнять, почувствовать такое важное тепло, запах, почувствовать все то, что так необходимо ребенку. Но Рита никак не ожидала, что мама сама найдет ее для того, чтобы оттолкнуть от себя, ударить побольнее, уничтожить. Зачем? Зачем она пришла?

— Плачь, дорогая, плачь, девочка, мне нравится видеть твои слезы, хоть они и не смоят твоих грехов, но мне радость принесут, — сколько злобы сочилось изо рта этой ужасной женщины! И кто бы знал, как та ненавидит свою дочь.

— Зачем ты так говоришь? — снова шептала девушка, глотая слезы. — Неужели тебе не хочется меня обнять? Я же твоя дочь, мамочка, — зубы стучали, подбородок дрожал, а предательские слезы так и продолжали литься из глаз, затмевая собой взор. — Я всегда мечтала тебя обнять, мама...

— Не подходи ко мне, я сказала, — снова прикрикнула Наталья, когда Рита сделала вторую попытку обнять маму. — А я всю жизнь мечтала сказать тебе, как ненавижу, презираю за то, что родила тебя, как ненавижу твоего отца. Да будь проклят тот день, когда ты появилась на свет! — снова выкрикнула женщина и засмеялась, заливисто, так, словно произошло что-то прекрасное, да, по сути, для этой жестокой тетки это и было прекрасным. Ей понравилось видеть боль дочери, она ею упивалась, мстила и наслаждалась.

— Мама, ты ведь не можешь так говорить, это же неправда, мамулечка, — Рита почувствовала, как ее ноги ослабли, и она начала оседать на землю, в снег.

— Могу, мечтала об этом всю жизнь! Ненавижу тебя, дрянь! — выплюнула та последнюю желчь и, развернувшись, просто ушла, словно и не она была здесь и говорила ужасные вещи своему брошенному ребенку.

А девушка рухнула в снег и зарыдала во весь голос, сжимая в кулаках белые пушистые хлопья, так отличающиеся от ее разодранной души.

— Мама, — кричала она во все горло, и била рукой по земле. — Мама, прошу, не уходи.... Мама, — она звала удаляющуюся женщину, а та делала вид, что не слышит, что нее

зовут. — Мамочка, ты не можешь, — уже шептала девушка хриплым голосом.

Маргарита долго еще рыдала, лежа в снегу, на морозе, и даже не помнила, кто вызвал врача, и как она оказалась в больнице с воспалением легких.

Прошло почти восемь лет, и она заглушила свою боль, отодвинула подальше в своей душе, старалась никогда не вспоминать о случившемся. Один Бог знает, чего ей стоило тогда не сойти с ума, не убить себя, а продолжать жить. Это сейчас вместе с Сергеем она счастлива, именно этот мужчина подарил ей любовь, о которой она раньше не ведала, и все сейчас казалось иначе. Но не тогда, когда она сидела в серой палате, и игнорируя врачей и их указания принимать таблетки. Когда жить не хотелось, разговаривать, и даже есть, одно удивляло, как ее в дурку не упекли. Видимо, здесь Бог смилостивился.

Но сегодня судьба распорядилась иначе, решив снова вскрыть старые раны, встряхнуть ее душу, истерзать и так искалеченное сердце. Ее мама снова рядом, так же, как тогда, восемь лет назад, и стоит только протянуть руку, и она сможет коснуться, почувствовать, попробовать. Только на этот раз Рита этого не хотела. Нет, она хотела обнять маму, которая без всяких «но» должна любить своего ребенка, но не эту женщину, ненавидящую ее.

— Здравствуй, дочка, — мягко произнесла Наталья, так, кажется, ее зовут, и слегка улыбнулась, что Рите на миг захотелось поверить — это мама, любимая и любящая, но в памяти всплыли воспоминания. Нет, это не так. — Не хочешь обнять?

— Кого? — хриплым голосом поинтересовалась Рита, сделав шаг назад. — Чужую женщину?

— Я же твоя мама...

— У меня никогда не было мамы, и не будет. Теперь можете уходить! — чуть громче попросила она, и тут же развернулась на пятках, кое-как преодолев свой страх, и мигом покинула Долматову, рванув в дом, на пороге которого столкнулась со взволнованными мужем и свекровью. — Там эта... Женщина, которая родила меня. Я больше никогда не хочу ее видеть, — едва сглотнув ком в горле, прошептала девушка, почувствовав, как по щеке покатилась первая слезинка.

Новая вспышка боли пронзила израненное сердце, и было такое чувство, что кто-то вцепился ногтями в тело, нанося новые раны, свежие, которые сразу начали сочиться. А девушке заново придется обрабатывать их, залечивать, только жаль, что ни зеленка, ни перекись здесь не помогут.

В этот момент Рита не знала, что это только первый удар судьбы, и нанесен он с неожиданной стороны, и совсем не сильно, ведь это самое малое, что могло произойти. Обычное появление «мамы».

Успокаивало девушку только одно — у нее есть Сережа и Алиса Романовна, которые всегда поддержат, и никому не дадут ее в обиду, единственные ее родные люди.

2012 год. Дом Ржевских.

— Любимая, я тебе чай принес, — спокойно произнес Сергей, заходя в спальню в одних спортивных штанах, и держа в руках поднос, на котором удобно разместились чашка с ароматным чаем и любимые сырники девушки.

Он уже давно проснулся и успел принять душ, позволив Рите еще немного насладиться сном. Вчера она поздно уснула, постоянно находясь в размышлениях о той женщине, которая пожаловала совсем неожиданно, и которую теперь она не считала своей матерью. Теперь нет. Теперь, когда Рита встретила Сергея, ее жизнь круто изменилась, настолько, что порой самой до конца не верилось. Но сомнений нет, она заслуживает счастья, заслуживает, чтобы ее любили; и ее любят, самые близкие, а больше никто ей не нужен.

Вчера девушка пожелала остаться одна, попросив мужа, чтобы он пришел только когда она уснет, а он и пришел, взял из шкафа подушку и одеяло и ушел в гостевую комнату, спокойно устроившись на одинокой кровати.

— Ммм... Заботливый мой, — она сладко потянулась, отметив про себя, что настроение значительно улучшилось, да и солнце светит в окно яркими лучами, что вообще не оставляло сомнений — пора прекращать хандру.

Муж чмокнул ее в губы и поставил поднос на кровать, придерживая его, пока Рита приподнимется на подушках. Она взяла чашку и с огромным удовольствием вдохнула приятный аромат, сделала глоток и немного виновато посмотрела в серые глаза. Вчера они так и не поговорили, оттого ей и было неудобно, даже немного стыдно за свое поведение.

— Прости меня, — сказала как-то неуверенно.

— Ты у меня спрашиваешь?

— Спрашиваю, — произнесла Рита совсем тихо и отхлебнула чай, опустив взгляд в чашку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Сегодня уже хорошо, — улыбнулась Рита, понимая, что муж не злится, и взяла любимый сырник, макнув его в сметану, откусила, снова прикрыв глаза от наслаждения. — Я так крепко спала, что даже не слышала, как ты вчера пришел спать, и утром не слышала.

— Я был очень тих, не хотел тревожить свою принцессу.

— Спасибо, — так же улыбаясь, сказала она и потянулась за поцелуем, — Спасибо за все. И за завтрак.

Мужчина почувствовал теплые губы на своих губах, и вкус сметаны, от чего скривился, но так легонько, чтобы Рита не заметила. Не любил он сметану, с детства не любил.

— Пора вставать, сегодня праздник, тебе платье нужно купить, — на одном дыхании произнес Сергей и, поднявшись, поставил поднос на тумбочку.

Чай она уже выпила, теперь с удовольствием уплетала сырники, не особо заботясь, что находится в кровати.

— Ты прав, — положив в рот последний кусочек, произнесла она и, вытерев пальцы о салфетку, выбралась из-под одеяла. — Я в душ.

Стоя под теплыми струями воды, девушка понимала, что не должна больше страдать из-за человека, который привел ее в этот мир. Больше не хотелось называть ту женщину мамой, потому что она не мама, просто женщина, незнакомая и чужая. Мама бы так не поступила,

не отправила бы в детдом, не причиняла бы боль, снова отрекаясь и ненавидя, не выкрикивала бы те гнусные слова при их первой встрече. Мама бы любила — всем сердцем, всей душой, но Рите этого никогда не понять, не почувствовать. Она тяжело вздохнула и нанесла гель на мочалку, с удовольствием вспенила и принялась намыливать тело.

Смывая мыло, она представляла, что смывает с себя прошлое, смывает ту грязь, которую оставила Наталья вчера. Да, недолгим присутствием, взглядом и словами «я же твоя мама» нанесла на Риту грязь, которая снова могла поглотить девушку, но она не позволила. Маргарита не позволила самой себя утопить, она захотела вынырнуть из болота, сюда, в свет, к мужу, и она это сделала, проснувшись утром от его ласкового взгляда.

Да, больно, да, тяжело, ведь ее презирала та, кто должен любить, но после услышанных слов тогда, восемь лет назад, и после перенесенной боли, она не хотела больше страдать, закрыв ту часть души на семь замков, и еще не представляя, как легко их скоро сорвут.

Юбилей.

Банкет проходил в большом конференц-зале, в котором удобно разместились все приглашенные гости. Рита чувствовала себя вполне удобно и к месту, учитывая, что бывала здесь всего несколько раз.

Присутствующие разделились по интересам. Кто просто наблюдал за происходящим, кто-то стоял со своими товарищами и обсуждал насущные дела, кто-то, вроде девушек, искоса поглядывали друг на друга, и саркастично ухмылялись, оценивая наряды и драгоценности. Рите нравилось за всем этим наблюдать, да и сама она чувствовала чужие взгляды, особенно женского пола, ведь являлась невесткой президента компании, и все так и норовили узнать, сколько стоит ее шикарное длинное платье, в котором она сегодня блистает на вечере. Бред, подумала про себя девушка, они бы еще трусами интересовались, чтобы уж наверняка быть уверенными, что на ней все брендовое.

— Что это моя девочка скучает? — За спиной послышался голос свекрови, и девушка обернулась, послав ей теплую улыбку.

— Вовсе не скучаю, Алиса Романовна, я забавляюсь.

— От чего же? — вздернув бровь, поинтересовалась та.

— Да вот, стою и думаю, какие же женщины все разные. Вы посмотрите на них, они просто готовы сожрать друг друга, лишь бы выглядеть в глазах других самой лучшей.

— Да, Ритуля, увы, сейчас так все и живут, деньги правят миром, — пропела женщина, слегка раскинув руки.

— Но я ведь так не делаю, мне совершенно безразлично, в чем они пришли, какой бренд, и какого года. Главное, что все нарядные, красивые, и это же здорово! — едва ли не воскликнула девушка и улыбнулась своей очаровательной улыбкой, обнажая белоснежные ровные зубы.

— Тоже мне, нашла, с кем сравнивать, ты у нас, Рита, особый экземпляр, таких больше нет.

— Вы преувеличиваете, Алиса, — милая улыбка и лукавый взгляд так и не сходили с ее лица, настолько хорошо было девушке и тепло, в душе тепло, не только телу.

— Ты же знаешь, ни грамма! А где Сергей? — неожиданно спросила она, когда глазами пробежалась по залу, выискивая сына.

— Ушел в свой кабинет с каким-то мужчиной, документы просмотреть.

— Да, твой муж — прирожденный трудоголик, не может без работы и дня.

— Согласна с Вами, но, к тому же, он очень заботливый.

— Попробовал бы он не заботиться о тебе, имел бы дело со мной, — Алиса улыбнулась и подмигнула блондинке, после остановила возле себя официанта, взяла два бокала с шампанских и один передала Рите, — Давай выпьем за хороший вечер.

— А я выпью за Вас, за сильную и мудрую женщину, которая сама возвела такой бизнес, — искренне проговорила Маргарита и, легонько стукнув бокалом о бокал, поднесла его к губам и сделала сладкий глоток.

— Спасибо, — ответила статная женщина и тоже отпила шампанское. — Ммм, мне вот что интересно, что вы думаете о детях?

— Последний месяц очень думаем, — немного неуверенно ответила Рита.

— Что такое, милая? — ее неуверенность заметила и свекровь, которая тут же поспешила узнать причину.

— Мне, конечно, уже двадцать девять, но я боюсь...

— Это из-за?..

— Да. Из-за той женщины. Я боюсь, что, не дай Бог, или со мной, или с Сергеем что-то произойдет... — она замолчала на некоторое время, а потом попросила. — Простите, не хочу об этом.

— Не переживай, Рита, все будет хорошо, — приободрила девушку Алиса Романовна и, снова стукнув бокалом о бокал, они выпили немного сладкой жидкости.

Женщины еще некоторое время стояли около огромного фикуса и наблюдали за гостями и тем, чтобы все проходило по статусу. Чтобы на столе не заканчивались закуски, чтобы официанты ходили с завидной регулярностью и подносили выпивку, и чтобы звучала теплая, атмосферная музыка.

Насчет ребенка Рита не солгала, они в последний месяц с мужем очень старались забеременеть, хоть девушка и боялась. Она часто представляла себя вот такой крохотной, никому не нужной, брошенной на произвол судьбы. Ведь дети — самые беззащитные в мире, ей ли об этом не знать...

Со стороны кабинета прозвучал громкий, оглушающий выстрел, вырывая Риту из задумчивости. Она вздрогнула и выронила свой бокал, который тут же разлетелся на мелкие осколки, разбрызгивая остатки шампанского на коралловое платье. По позвоночнику прошел озноб, и, совсем не замечая замершую публику, девушка мгновенно рванула на поиски мужа, стараясь не думать о худшем, и не обращать внимания на окрик Алисы.

— Снова ты.

— Снова. Снова нужна твоя помощь.

— Что на этот раз?

— Дашь показания в суде, и помусолишь девчонке глаза.

— Надеюсь, это того стоит...

— Тебе до конца жизни хватит!

— Тогда давай подробности...

Спустя полгода.

Сегодня Рита впервые осталась дома, не потому, что не хотела никуда ехать, или кому-то помогать, осталась потому, что была обессилена, подавлена, у нее просто не было того «хочу», которое заставило бы что-то делать. А что, собственно, делать, когда вокруг тебя, твоей жизни рушится мир, устойчивый, когда-то, казалось, нерушимый, а теперь в один момент все изменилось. Все вокруг — все стены, предметы, и даже люди — поменяли краски, утратили возможность как-то придавать настроение, приносить хоть толику тепла и уюта в ее душу. Она же такая светлая, такая теплая, словно лучик солнца, никто и никогда не слышал от этой девочки плохого слова, приносящего в мир зло. Ей всегда хотелось поделиться своей добротой, своим залиvistым смехом, хотелось, чтобы люди улыбались так же. Рита не знала, откуда это в ней взялось, кто заложил в нее добро, может быть, отец, которого она и вовсе никогда не видела, но хотела верить, что он совсем не такой, как та женщина. Она верила, что, возможно, в один прекрасный момент в ее жизни появится тот, кто подарил ей право на существование, действительно подарил, а не так, как сделала это мать. Верила до последнего, но не теперь. Не сейчас, когда тяжело даже вдох очередной сделать, который ни к чему ее не приблизит. Перестала плакать, чем занималась в первый месяц после случившегося, душа рвалась, терзая и разум, и сердце, а слезы закончились, в один миг, как и ее жизнь. Жизнь Маргариты закончилась полгода назад, на том юбилейном вечере, рядом с мертвым телом мужчины, лежавшего на деревянном паркете темного кабинета.

Наступил сентябрь, холодный, как никогда, без бабьего лета, с легким запахом ночных заморозков, все так, как в душе этой ныне одинокой девушки, потерявшей цвет жизни. Ее отстранили от важного дела, которое она, по всей вероятности, смогла бы раскрыть, доказать, но не позволили, и причину этого она не знала. Просто отгородили от всего, что связано с ее мужем, и пригрозили даже не лезть в это дело, что еще больше пугало хрупкую и ранимую девушку.

Через два месяца после случившегося судьба преподнесла ей подарок, вселив в ее голову, что все наладится, образуется, и снова будет так, как раньше. Теперь под ее сердцем билось еще одно сердечко, совсем крохотное, еще не видевшее свет сердечко, и Рита пообещала любым путем все исправить. И она исправляла, помогала сама себе, в ее душе горел маленький огонек счастья, но на лице так и продолжалась таиться боль. Тут-то Бог и умерил ее пыл, так скоро отняв то маленькое, крохотное сердечко, отнял, словно оторвал часть ее души, снова, еще раз. И хоть когда-то девушка боялась, что может стать мамой, то теперь она едва ли не сошла с ума, понимая, что никогда не увидит этого ребеночка, частичку ее любимого мужчины. Еще один месяц безумных, безутешных страданий, и еще одна стена в ее душе. Если так будет и дальше продолжаться, то внутри у нее будут одни сплошные стены, которые отделят теплого человека от внешнего мира, и она превратится в

непробиваемую скалу.

Маргарита заварила чай, стащила с дивана теплый плед и, удобно разместившись возле огромного окна на первом этаже гостиной, сделала глоток горячего ароматного напитка. Виском облокотилась о холодное окно и устремила пустой взгляд на пожухлые листья, плавающие в лужах дождя. Практически все ветки были голые, только розы странно цвели на ее клумбах ярко красным цветом, резко выделяясь из серой осенней массы. По щеке покатила слеза, тут же плюхнувшись в чашку хозяйки, душу снова сдавило, будто тиски сжали со всей мощью, и желудок связало тугим узлом. Снова не получилось попить спокойно чай, ведь раньше в эти моменты с ней был Сергей, и они часто разговаривали по душам, или хохотали, после чего уединялись в своей спальне. Все слишком сказочно было у них, за что теперь и пришлось расплачиваться. Иногда Рите казалось, что ей проще было бы перенести еще один порыв презрения матери, нежели то, с чем столкнулась сейчас.

Со стороны холла послышался шорох, а через несколько секунд в большом проеме арки показался темно-русый мужчина среднего роста с легкой улыбкой на губах. Девушка замерла от изумления и, неосознанно ставя чашку на пол, немного не рассчитала, поместив ее на плед, и с порывом отбрасывая его и поднимаясь, столкнула ту, от чего она перевернулась, разливая почти остывший чай. Так быстро рванула в объятия мужа, за секунду пересекая гостиную, и буквально цепляясь за Сергея, обхватив его руками и ногами.

— Отпустили! — как-то неосознанно произносит, и тут же ощущает теплые, любимые руки, которые уверенно держат ее за спину.

Она подрагивающими ладошками касается его лица, проводит по щекам, пальцами очерчивает родные губы, и с особой пылкостью жадно приникает к телу, наслаждаясь любимым теплом.

Когда они, наконец-то, немного успокаиваются, Рита быстро накрывает на стол, слава Богу, еды много, за что спасибо Марии Геннадьевне. Та регулярно приходила убирать, а теперь еще и готовить, ибо сама хозяйка не особо заботилась о себе последние два месяца.

Ужин проходит в более спокойной обстановке, Сергей с удовольствием уплетает мясные рулеты, а его жена не положила и кусочка в рот, не может налюбоваться лицом мужчины. Он дома, что ей еще нужно?

— Через три месяца будет суд, — говорит Ржевский, когда девушка ставит перед ним чашку с чаем. Она окаменеет рядом с ним.

— Я верю, что все будет хорошо, — произносит Рита, и мужчина усаживает жену к себе на колени.

— Тогда мы с тобой, наконец-то, сможем заняться зачатием ребенка, — от этих слов у нее мурашки по коже пробегают, и девушка прикрывает глаза, утыкаясь в его шею. — Что такое, родная?

Прежде, чем ответить, она глубоко вздыхает и набирается смелости, ведь в случившемся винит только себя:

— Я потеряла ребенка, — совсем неуверенно, очень тихо, едва различимо произносит она и тут же на щеках ощущает горячие слезы боли.

Три месяца пролетели, как три дня, и с каждым прожитым мгновением Рита боялась все больше и больше, боялась, что ничего не выйдет, и тогда она надолго потеряет мужа. Боялась, что его признают виновным, и тогда их жизнь изменится навсегда. Все было бы ничего с ее нервами, если бы едва ли не каждый день появлялась Наталья около их дома, и даже пару раз пыталась пробраться к ним, что еще больше причиняло девушке боль.

Один раз Сергей даже предложил жене поговорить с матерью, а вдруг та вспылала чувствами к дочери, но Рита наотрез отказалась, не веря в такой бред.

Долматова не унималась. Она явилась в день суда, явно решив окончательно подпортить нервы дочери.

— Идет, вся такая гордая, и до ужаса отвратительная, ничего, скоро тебе подрежут планку, — слова прозвучали очень грубо и, как всегда, словно резали и так израненную душу.

Рита старалась всем своим видом показать, что не обращает внимания на женщину, и с напускным спокойствием уселась в машину. Сергей захлопнул дверцу с ее стороны и прошел к своему авто, как раз в момент, когда Наталья подошла к открытому окну Риты.

— Чтобы ты всю жизнь мучилась, тварь! — злорадно произнесла та и ногой стукнула дверь.

Рита вздрогнула и с особой силой сжала руль руками при этом, глубоко вздохнув, завела машину и тронулась с места. Как же ей было больно снова и снова, но девушка старалась не выпускать свои эмоции наружу, не показывать, чего ей стоят эти слова, она просто молча вела ауди в направлении набережной. Ей нужно побыть одной, хотя бы несколько секунд, а суд все равно состоится только через час, это Сергею нужно быть раньше, оттого они и поехали на разных машинах. Девушка просто не хотела оставаться дома одна, снова, ведь стены давили на нее тишиной.

— ... суд ухвалив визнати громадянина Ржевського Сергія Захаровича невинним у вчиненні злочину, і звільнити від варті в залі суду. Оскарження...

Что судья говорил дальше, Рита не слушала, ее взгляд был прикован к мужу, который довольно улыбался, смотря на своего адвоката. Девушка с легкостью выдохнула, понимая, что теперь, наконец-то, все станет на свои места, все успокоится, и они снова заживут, как раньше, без этих проблем и трудностей. В их дом снова вернутся смех и счастье, и, даст Бог, у них появится долгожданный малыш.

В знак поддержки Алиса Романовна сжала ее руку, лежавшую на подлокотнике, и, обернувшись, они со спокойствием во взгляде улыбнулись друг другу.

— Все закончилось, — шепотом произнесла Рита, до сих пор не веря в благополучный исход дела.

— Да, детка, теперь да, теперь точно все закончилось, — ответила свекровь голосом, от которого у девушки почему-то мурашки по телу пробежали.

Но она не придавала этому значения и поднялась, видя, что муж, наконец, направляется в их сторону. Они обнялись, крепко, счастливо, так, словно не виделись снова полгода, и последними покинули зал суда.

Идя по коридору, Рита все крепче и крепче прижималась к мужу, прильнув под бочок, он также обнял ее за талию, и ей было так хорошо чувствовать тепло его руки, что она на миг прикрыла глаза, и тут же ощутила крепкий удар спины о стену. Пораженная, она открыла глаза и наткнулась на два неожиданно злых серых взгляда, которые так и сочились ненавистью и презрением.

— Что случилось? — удивленно спрашивает девушка и потирает ушибленное плечо. — Зачем ты...

— Закрой рот! — зло выпаливает мужчина.

— Ну, сынок, тише, тише, не кричи так на девочку, можно спокойно объяснять, — начала Алиса, похлопав сына по руке, и Рита непонимающе перевела на нее взгляд. — Дело все в том, Ритуля, что ты заигралась, засиделась на наших плечах...

— Что???

— Эдакая сиротка отхватила богатого мужика и удобно устроилась на его шее.

— Я, я работаю... — неуверенно начала она.

— Да, что приносят твои заседания?! — чуть громче произнесла женщина, и спокойнее добавила: — Ты думаешь, это твои победы в судах возят тебя по курортам, одевают тебя в шелка и меха? Думаешь, хватает твоей адвокатской зарплаты на нынешнюю шикарную жизнь? Да если бы не Сергей, жила бы до сих пор в каком-нибудь загаженном районе, и носила бы легкие курточки зимой, а, может, и того хуже — подохла бы уже.

— Это неправда, я никогда у Сережи ничего не просила, — с болью в голосе проговорила девушка, она слышала, как к горлу подступают слезы, но держалась, из последних сил держалась.

— Конечно, не просила, ему стоило глянуть на тебя, обиженную, и он понимал, что скандала не избежать, вот и выполнял все твои прихоти.

— Нет, зачем Вы так? Сережа, любимый, — от этих слов он поморщился. — Скажи, что все не так, скажи, мы ведь с тобой никогда не ссорились, у нас не было скандалов, скажи.

— Нет! Это ты мне скажи, зачем ты вот это сделала? — он резко протянул руку к ее глазам, крепко держа пальцами какую-то бумажку.

— Прежде... что? — она не смогла выговорить до конца написанное, внутри все сковало болью, девушка схватилась за живот и сильно укусила нижнюю губу, почувствовав привкус крови во рту.

— Какая же ты тварь, убила нашего ребенка, всю вину свалив на нервы и стрессы, — он рывком подался вперед и схватил пальцами ее подбородок, желая ближе заглянуть в глаза. — Каково было идти на аборт? Какие ощущения, когда убиваешь собственного ребенка? Говори! — крикнул он, и щеку обжог хлесткий удар, а по лицу покатались первые горячие слезы.

Рита схватилась за ушибленное место и огромными глазами уставилась на мужа, который так и горел яростью.

— Что, мразь, думала, меня посадят, а я пожалею тебя, такую несчастную, с выкидышем, и отпишу часть своих акций?

— Сереженька, зачем ты так, ты же знаешь, что я никогда...

— Да заткнись ты лучше, достала со своими соплями!

— Рита, в общем, ты же понимаешь, что мы не могли все это так оставить, — начала Алиса, и девушка резко обернулась в сторону выхода, откуда шла та женщина, именуемая ее матерью. — Мы нашли свидетеля.

Маргарита молчала. И не потому, что не знала, что сказать, а потому что не могла, слишком ее душила боль, боль и непонимание происходящего.

— Развод дали без проблем.

— Снова встретились, как неожиданно, — счастливо пропела Долматова, остановившись около их компании. — Знаешь, доченька, я вот не ожидала от тебя такого, требовать у несчастного мужа, который ни за что попал за решетку деньги, да еще и угрожать абортom, это надо быть последней су*ой. Но я так счастлива, что у тебя ничего не вышло, — женщина подошла к ней ближе, точно так же, как недавно Сергей, и негромко произнесла, схватив за подбородок. — Но еще более счастлива видеть тебя сейчас растоптанной и униженной, это именно то, чего ты заслуживаешь за свое появление на свет!

Оттолкнув Риту, Наталья отошла подальше, и три пары глаз уставились на подавленную девушку с презрением.

— Кстати, — спохватилась «свекровь». — Работы у тебя тоже больше нет, и не будет в адвокатской конторе. Об этом мы тоже позаботились.

После этих слов Сергей оставил копию свидетельства о разводе на окне, и они все вместе покинули ее, словно там никого и не было. Да, собственно, и не было, ведь девушка теперь — просто пустое место.

Разбитая, растоптанная и униженная, Рита смотрела вслед уходящим. Она тяжело съехала спиной по стене, выдавив из себя вымученную улыбку.

— Сережа, — вполголоса позвала она, хотя и знала, что ее никто не услышит. Никто не обернется, и больше никто не защитит, дежавю, не иначе. — Почему... За что?...

Она еще долго сидела в укромном углу на полу, а потом, кое-как поднявшись, стащила листок с окна, сжав его в кулаке, и, едва передвигая ногами, побрела в сторону выхода.

Вишневский.

— Я тебе перезвоню, Дмитрий, похоже, у меня кошечка под машину попала, — отстраненно проговорил мужчина лет тридцати четырех. Не слушая ответа, он тут же нажал на сброс и, не мешкая ни секунды, вышел из презентабельного авто премиум класса.

Уверенной походкой он подошел к темно-синей ауди, не наклоняясь, постучал по стеклу двери и принялся ждать, пока хозяин машины соизволит почтить его своим вниманием. Признаться, он ожидал увидеть какую-нибудь пьяную рожу небритого уроды, который посмел помять его тачку, но удивился, когда, спустя пару минут, наконец-то тонированное окошко открылось, и из салона показалась светлая головка заплаканной девчонки.

На вид девушке лет двадцать семь, и она до безумия красива, как показалось Максy, но он тут же отменил эту мысль и внимательнее, прищурив глаза, посмотрел на мокрые от слез губы. Пухлые, не от силикона, а естественно красивые, слегка искусаны зубами, и покрыты тонким слоем прозрачного блеска. Они притягивали к себе, просили поцеловать их, испробовать на вкус, впиться в них так жадно и влажно, чтобы и секунды в голове не промелькнуло о чем-то другом, совершенно неважном.

— Твою мать! — громко выругался мужчина, и сам не понимая, что именно на данном этапе вызвало в нем злость. Эта красотка, продолжавшая закусывать губу и всхлипывать, или она же, только тем, что конкретно вмяла его машину.

— Простите, — тихо прошептала она, глотая слезы, и стараясь вытереть мокрые щеки. — Простите, я все опла-аа-чуу, — снова заревела она, на что мужчина лишь тяжело вздохнул и достал платок из внутреннего кармана пиджака, протянул девушке, выругался,

устало потирая глаза.

— Не реви, ладно? — попросил он, чем вызвал очередной приступ, от которого только взбесился в разы сильнее. Немного грубо схватил девчонку за локоть, вытаскивая ее из машины. — Что случилось?

Несколько долгих минут она молчала, а потом слегка, насколько позволяли ее силы, оттолкнула незнакомца и, развернув тот самый платок, смачно высморкалась, позволяя себе такую вольность в присутствии чужого человека.

Замолчала и впилась взглядом в мужчину, летая мыслями явно где-то далеко. Да уж, подивился Макс, разные женщины у него были, но чтоб вот так реагировали на него — это впервые. Наглая, су*ка.

— С мужем развожусь, — огорчению в ее голосе не было предела, но он не тот, кто жалеет девочек, или кого бы то ни было еще, он, Максим Вишнеvский, привык общаться только с достойными людьми, и вся его жалость к женщинам предоставлялась только в постели.

— Пи*дец, приплыли, кошечка. А машину-то подрезать на кой хер тебе сдалось? Или ты решила теперь всех мужиков ненавидеть? — он устал, очень. Ехал с трехчасовых переговоров, которые не принесли ему хороших результатов, так еще этой барышне въехал в зад, вернее, в ее авто, к сожалению.

— Нет, я не специально, правда. Давайте я вам заплачу и поеду, не хочется уже никаких разборок, — после этих слов мужчина обратил внимание на ее глаза, вернее, на темные круги под ними, и понял, что девчонка плачет не первый раз, да и не просто плачет. Весь ее вид говорил о том, что жизнь преподнесла ей нехилые испытания, потрепав девушку не только в душе, но и снаружи.

Тяжело вздохнул и, сам не осознавая своих действий, притянул ее за плечи и крепко обнял, выказывая свою поддержку. Какого черта он творит, спрашивается?

— Куда тебя отвезти? — тут же поинтересовался, отстраняясь, а она растерянно посмотрела на него, потом на машину, и снова на него. — Я отвезу тебя, не парься, просто в твоем состоянии опасно садиться за руль. Или хочешь еще кого-нибудь подрезать?

— Нет, уж, спасибо, мне хватит и тебя.

— Вот и отлично.

Он смягчился, сам это заметил, но размышлять не стал, не до этого было, просто хотелось как можно скорее оказаться дома, и завалиться спать.

— Поехали, — приказал мужчина и отправился к авто, бросая очередной взгляд на нехилую вмятину, как раз возле фары. Сделал мысленную заметку позвонить в сервис и тут же уселся за руль своего BMW.

— Подожди, — воскликнула блондинка и, схватив сумочку, закрыла ауди, а сама притормозила возле той самой вмятины.

Максу пришлось снова выбраться из машины. Опершись левым локтем на дверцу, надменно посмотрел на нее, приподнимая свою красивую бровь.

— Мне теперь некуда ехать, — произнесла неуверенно, но честно, вряд ли ее теперь ждут дома.

Маргарита устала от перипетий в ее жизни, а сегодняшняя ситуация окончательно сломила все устойчивые принципы, и она поняла, что больше нет смысла вести себя правильно. Ведь человек, которого она любит, предал ее, посмеялся и унизил, так разве она не заслужила хоть немного развеяться от всей этой грязи, и позволить себе уйти в отрыв,

один раз. Всего лишь один раз, а потом она исчезнет, нет, не навсегда, но надолго. И как знать, кем она вернется обратно?

— Не думаю, что ты захочешь ночевать у незнакомого мужчины, тогда остается только гостиница, — услышала она голос, ворвавшийся в ее мысли. Подняв взгляд, заметила, как внимательно смотрит на нее этот мужчина, это он, что, берет ее на слабо?

— Почему нет? Я не против, — и, в последний раз глубоко вздохнув, она уселась на пассажирское сидение кожаного салона его авто.

Ей было слишком плохо и больно, поэтому девушка не собиралась отступить, а если бы ее увидел сейчас муж, то точно бы сказал, что она — шлюха, но ей плевать, теперь — да, теперь — точно.

2012 год.

Они ехала минут сорок, прежде чем автомобиль завернул на подъездную дорожку. Рита не особо обращала внимание на окружающую обстановку, и даже не увидела, как водитель покинул свое место, только услышала стук двери, а через некоторое время и со своей стороны почувствовала холодок. Видимо, мужчина посчитал нужным помочь ей и сам открыл дверь с пассажирской стороны, и теперь ждал, когда заплаканная блондинка явит свое личико белому свету.

— Малышка, давай, вылезай, я устал и хочу отдыхать, — на его голос она вздрогнула и обернулась, замерла взглядом на красивых мужских чертах.

Голубые. Глубокие голубые глаза, он на нее так смотрит, что ей впору утонуть в них, но девушка набирает полные воздуха легкие, с выдохом поворачивается и опускает ножки на землю. Она чувствует, что вся дрожит, но рывком все же поднимается, ее правая нога скользит на затоптанном снегу и начинает съезжать, но тут сильные руки хватают девушку за талию и прижимают к задней двери БМВ. Он удержал ее, удержал всего лишь от обычного падения, а муж... Нет, не сейчас, здесь она о Сергее думать не будет, сейчас ей нужно немного отойти от всего происходящего и охладить свои чувства, притупить их, хотя бы на некоторое время.

Красивый незнакомый мужчина все так же продолжает прижимать ее к машине, крепко ухватившись за талию обеими руками, нависнув над ней, словно стена, ограждая от внешнего мира. Выше ее сантиметров на двадцать, точно, широк в плечах, с мощным телом, а его глаза — теперь не дают ей покоя эти глубокие озера, и кажется, что он пригвоздил своим взглядом всю ее сущность. Желваки подрагивали, придавая лицу еще больше мужественности. Он немного наклонился к девушке и прошептал так, что она точно почувствовала, как по телу пробежали мурашки. Или, быть может, это от холода, который проникал под не застегнутую шубку.

— Будь осторожна, шейку не сломай, — и, резко оторвавшись, закрыл дверь, включив сигнализацию, а девушка так и стояла, облокотившись о машину.

Она не знала, отчего медлила — или так голос повлиял на нее, или боялась ступить шаг и снова заскользить, но так и продолжала стоять на месте. Незнакомец уже подошел к двери, но поняв, что за ним не последовали, обернулся и, прищурив глаза, замер взглядом на взволнованной девушке.

— Кошечка, чего застыла? — блондинка только немного вздернула подбородок, но продолжала молчать. — Послушай, ты сама вызвалась ехать ко мне домой, так что давай, пойдем, — Рита не знала, почему стоит и любит урюмым лицом этого красавца, а ей бы действительно сейчас о другом думать. Мужчина понял, что так они могут простоять до вечера, и, вернувшись, осторожно взял ее за руку и повел к подъезду. — Давай, малышка, не бойся, насиловать я тебя не буду.

Наконец-то она оторвалась от машины, и они спокойно зашли в подъезд и поднялись на пятый этаж лифтом. Остановившись около его квартиры, она спиной навалилась на стену и, прикрыв глаза, тяжело задышала.

— Проходи, — прозвучал властный голос, когда дверь открылась, но она снова будто не слышала, и тогда Максим наклонился так близко, что Рита почувствовала теплое дыхание на

щеке, по которой тут же скатилась слезинка.

Он крепко выругался про себя и, смахнув слезу с нежной щеки, отлепил красавицу от стены и буквально затащил в квартиру, захлопнув за собой двери.

Рита только наблюдал, как он разулся, снял пальто, потом помог с ее шубой и прошел вглубь квартиры. Она присела на стоявший в прихожей пуфик и принялась расстегивать сапожки, замочки которых никак не хотели поддаваться ее дрожащим пальцам.

— Красивая, я вообще мужчина грубый, но ты на меня неправильно влияешь, поэтому пойдем, проведу тебя в свою спальню, там есть отдельный душ, а сам в этом искупаюсь.

Кое-как все же удалось справиться с замком, и теперь она, освободившись от обуви, смогла пройти в гостиную, откуда с ней и говорил сегодняшний спаситель.

— Ты можешь не уступать мне свою комнату...

«Черт, какой сексуальный хриплый голос», — подумал Максим, любуясь ее красивыми розовыми губками.

— Комнату я тебе и не уступаю, всего лишь душ, — пояснил, слегка покачав головой.

— Прости...

— Бегом.

Он головой кивнул в сторону, в которой, вероятно, находилась его спальня, и сам пошел вперед, ведя ее в нужном направлении. Оказавшись в небольшой темной комнате, мужчина открыл шкаф, выудил оттуда черную футболку и протянул блондинке.

— Надо же тебе в чем-то спать, — пояснил в ответ на недоуменный взгляд, и она приняла из его рук вещь. — Там ванная, можешь воспользоваться баннным халатом и тапками. Я пока постелю тебе в гостиной.

— Спасибо.

Пока девушка уединилась в его ванной, Максим успел застелить постель на диване для его гостыи и ушел принимать душ, надеясь, что после этого наконец-то сможет спокойно лечь спать. Слишком устал, и дело, наверное, не в переговорах, а в том, что и прошлую ночь ему практически не удалось поспать.

Всей семье они находились в роддоме и целых восемь часов выжидали, когда на свет появится долгожданный малыш, первый внук его родителей. Первенец у Сони — дочь, и их мать затискала малышку Таню, а их отец и муж Сони с нетерпением ждали сына, который, к слову, появился сегодня в половине пятого утра на свет. Дмитрий, крепыш, весь в своего отца, сладко посапывал в маминых руках, которая его показала родным через стекло своей палаты.

Вытершись насухо, надел одни спортивные штаны, намереваясь только пересечь гостиную и уединиться в спальне, чтобы погрузиться в сон, но когда открыл дверь, взгляд тут же остановился на девушке, которая, забившись в угол дивана, укуталась в одеяло и, подобрав под себя ноги, лицом уткнулась в колени. Прикрыв за собой дверь, он на полпути остановился, не в силах бросить ее вот такую, беззащитную и разбитую. Мужчина подошел к дивану, присев на край, осторожно коснулся светлых волос, упавших на девичий лоб. Она вздрогнула и приподняла голову, слегка шурясь.

— Давай выпьем кофе, и, если захочешь, ты расскажешь, что произошло.

Он, не дожидаясь ответа, поднялся и прошел в кухню, чтобы сварить обещанный кофе, а Рита проследила за ним взглядом, сама не понимая своего поведения. Словно в ступор входила, как только он оказывался рядом. Даже душ быстро приняла, чтобы хозяина не застать в спальне, прибежала сюда, хотела попробовать заснуть, да так и не смогла, не

получилось из-за всяких дурацких мыслей. А сейчас сидит и наблюдает, как красивый огромный мужчина готовит для нее кофе, вместо того, чтобы послать ее куда подальше и идти отдыхать. Ведь видно же, что он уставший, вымотанный, а все равно возится с ней, сопли утирает.

Не понятно, когда это произошло, но уже в ее руках красовалась белая чашка с горячим кофе, аромат которого тут же распространился по светлой комнате. Рита сделала глоток, наблюдая, как мужчина присел в кресло, стоявшее около дивана, и тоже отпил горький напиток. В его огромных сильных руках эта маленькая чашка смотрелась так нелепо, что впору было хмыкнуть, но девушка сдержалась, соблюдая правила приличия и, сделав еще один глоток, произнесла:

— Я не хочу, — голос звучал по-прежнему хрипло и неуверенно, а взгляд был опущен в чашку.

— А сразу сказать нельзя было? — немного повысив тон, произнес Максим и, схватив ее чашку, со стуком поставил на деревянный столик, едва не расплескав кофе.

Она застыла, испугавшись, вздрогнула, не понимая, чем вызвала его злость, и хотела уже встать с дивана, но он схватил тонкое запястье, удерживая ее на месте:

— Я говорил, что грубый, плюс к этому — очень устал, и, поверь, у меня едва ли остались силы, чтобы дойти до кровати.

— Я всего лишь имела в виду, что не хочу рассказывать, что произошло, — негромко объяснила она, а Макс глянул на нее виновато и вздохнул.

— Прости, пей свой кофе и отдыхай, — вернув ей чашку, он устало развалился в кресле и принялся пить напиток.

Потом они сидели молча, каждый был погружен в свои мысли. Рита думала о том, что ей делать уже завтра, как жить, куда идти, а Максим думал о сидевшей рядом девушке. И хрен знает, отчего, но он не мог понять, почему она его так волнует, в первую очередь — не как женщина, а как человек, которому очень плохо. В тишине квартиры раздался резкий звонок телефона, и, поднявшись, хозяин прошел к тумбочке, на которой лежала трубка.

— Алло... Да, все хорошо... Прости, Ласточка, наверное, телефон в машине оставил... Нормально добрался, сейчас пойду отдыхать... Договорились. И я тебя. Целую.

Услышав такое прозвище, Рита почувствовала себя совсем неудобно. Если звонила его девушка, то неправильно, что она находится здесь, а с другой стороны — этот мужчина не позволил бы ей переночевать у себя дома.

— Возможно, мне стоит уйти...

— Тебе не о чем переживать, уверяю, — ответил он, вернувшись, и, больше не присев, допил свой кофе одним глотком. — Как тебя зовут? — поинтересовался уже из кухни, куда понес свою чашку.

— Неважно...

— И мне тоже очень приятно, меня — Максим, — наконец понял, что пора познакомиться, но для себя решил — если она не хочет называть свое имя, то так и останется кошкой. — Хоть еще и рано, но нам придется поспать. Хороших снов.

Оставшись одна, Маргарита задумалась о случившемся, о муже, свекрови и даже о матери, которая и здесь пришла над ней поглумиться, добить, чтобы посмотреть, как ее дочь тонет в болоте, как ее засасывает, уничтожает вязкая рутина. Пришла насмеяться над ней, в то время, когда боли уже нет предела, все, что так дорого и важно было — исчезло, превращая чувства девушки в пустой вздох, в ненужный хлам. И возможно раньше, как когда-

то с мамой, она еще надеялась, что та переосмыслит жизнь и вернется, пожелает встретиться, что-то изменить, но сейчас, в этот момент, сегодня, в данной ситуации, Рита никогда больше не пожелает, чтобы хоть что-то изменилось. Никогда не позволит этой, еще вчера — своей семье, снова ворваться в ее жизнь, не после того, что они с ней сделали. И она предпримет все, чтобы ее душа, ее чувства были под семью замками, не знает еще, как, но она научится жить, не чувствуя боли.

Покрутившись на диване еще около получаса, она все же сползла с него, не в силах уснуть, и, проплевав голыми ногами по паркету, осторожно приоткрыла дверь в спальню хозяина, вошла и застыла в полумраке комнаты. Он лежал на спине, подложив под голову правую руку, укрывшись одеялом по пояс, левая рука вздымалась по мере дыхания, удобно расположившись на животе.

— Закрой двери с той стороны, — хрипло приказал Максим, не открывая глаз, но девушка и не подумала уйти, а так и продолжала опираться на стену, спрятав руки за спиной.

— Там светло, и я не могла уснуть...

— Зажмурь глаза, значит. И мне не мешай спать.

— Позволь остаться здесь.

— Пошла отсюда.

— Прошу, — произнесла так, и чувствовала, как к глазам подступают слезы.

Максим недовольно вздохнул и откинул свободный край одеяла, а Рита, не веря в происходящее, мгновенно пересекла расстояние от двери до кровати и, как мышка, проворно заняла предложенное место.

Вся постель была пропитана ароматом этого мощного мужчины, будоража не только тело, но и мозг девушки, которая теперь не раз пожалела, что пришла сюда. Здесь вообще невозможно спать, разве только заткнуть нос, но тогда придется умереть от нехватки воздуха. Но вот что, а умирать она не собиралась, не теперь — тем более, когда в жизни грядут большие перемены.

— Блин, — совсем тихо простонала блондинка, не в силах не обращать внимания на такой невероятных запах.

Она не могла объяснить самой себе этого вкуса, который ощущала и носом, и языком, но это точно смесь терпких духов и тела этого большого крепкого мужчины. Убедившись, что он наконец-то заснул, девушка, не имея сил сдержать свой порыв, тихонько подвинулась к соседу по кровати и так же аккуратно положила ручку на каменный пресс, ощутив его тепло. И совсем неожиданно оказалась перевернута и прижата таким же каменным телом, которое только то и делало, что выдавало свое возбуждение.

— Девочка, ты хоть понимаешь, на что нарываешься? — хрипло поинтересовался Максим, совершенно точно ощущая каждый ее изгиб.

— На что? — сдавленно ответила вопросом на вопрос, не в силах вздохнуть полной грудью.

— Я взрослый здоровый мужчина, ты тоже уже не девочка.

— Может, я сама этого хочу, — быстрый взгляд на губы.

— Ты на эмоциях, понимаешь? Плохое настроение, потом будешь жалеть, — он пытался отговорить, видел, что для нее непросто согласиться на секс, да и вообще, она не одна из его подружек.

— Не буду, я хочу, чтобы ты меня взял, — умоляющий голос, будто он сам того не хотел. За кого она его принимает?

— Вот дура.

— Дура, но хочу, чтобы сейчас нам обоим было хорошо.

— Я даже имени твоего не знаю, — раньше Максим не пытался как-либо останавливать девушек, попадали в постель, значит, сами хотели, а об имени тем более не заботился. Только об удовольствии обоих. Только об удовольствии.

— Тем лучше, быстрее меня забудешь, да и не думаю, что такую серую мышь когда-то вспомнишь, — он прищурился на этих словах и нежно убрал с лица прядку волос, пальцами проведя по щеке.

— Действительно, серая, — прошептал он с легкой улыбкой на устах и примкнул к розовым губкам в сладком поцелуе.

Она разомкнула свои губы под натиском его языка и встретилась с ним своим, проворным, лаская и пробуя, то медленно, то быстро, наслаждаясь губами, которые то и дело смыкались с ее.

Губы. Они у него такие пухлые, что ей хотелось кончить только от одного поцелуя, хотелось ощутить их на всем теле, на груди, животе, шее, везде. Главное, чтобы он не прекращал целовать, ласкать, чтобы не прекращал дарить удовольствие, которое влекут за собой ЭТИ губы.

Максим с особой нежностью приподнял ее руки, убирая их наверх, за голову, лаская пальцами, проводя по нежной коже с внутренней стороны, к одной наклонился, провел языком до локтя и слегка прикусил, вызывая очередные мурашки в ее теле. И стон. Она протяжно застонала от его касаний и выгнулась, животом натываясь на твердый член, задержала дыхание и, наконец, снова почувствовала на губах сладкий поцелуй с еще немного ощутимым вкусом кофе.

Он руками прошелся вдоль женского тела, чувствуя жар сквозь футболку, спустился ниже, к бедрам, и она снова застонала, приподнимаясь, желая ощущать его всего. Тогда Максим опустил ее и совсем немного осторожно прикусил сосок сквозь ткань и почувствовал, как его кошечка вздрогнула и задрожала, крепко сцепив ручки на кованых прутьях изголовья кровати.

Помедлив, мужчина дал возможность ей успокоиться, за что получил взгляд, полный нежности и тепла, который раньше видел только в глазах своей матери, когда та могла просто обнять, желая передать свою любовь. Господи, что это за девушка такая?

— Прошу, еще... — умоляюще произнесла она, и, не в силах отказать, Максим проворно стянул с нее свою футболку, откидывая ту в сторону, и с удовольствием улыбнулся, глядя, как ее белокурые волосы прекрасно расположились на подушке.

Рита язычком мазнула по губам, вызвав его рык и очередной порыв погрузиться в сладкий ротик, что он мгновенно и сделал, но не задержался надолго, принялся целовать подбородок, тонкую шейку, ключицу и наконец добрался до груди. Небольшая, наверное, едва ли второй размер будет, но упругая, с красиво торчащими сосками, и тем больше манящая к себе. Левой рукой он нежно коснулся правой груди, полностью помещая ту в ладони и немного сжимая, почувствовав тепло и нежность. Больше не имея сил сдерживаться, мужчина набросился на обе, лаская по очереди одну за другой, не желая отрываться ни на секунду. Ласкал так, словно целовал губы, жарко, влажно, глубоко, а она стонала и выгибалась, когда он снова и снова несильно прикусывал зубами сосок.

Ощущала его руки везде, получала от его ласк непередаваемый кайф, и улетала от пережитых эмоций высоко, казалось, даже в небо, парила над облаками, и молила, чтобы это

никогда не заканчивалось. А Максим и не заканчивал, он, наконец-то, стащил с нее трусики и широко раздвинул ножки, оказавшись слишком близко к ее жару.

— Еще не передумала? — прозвучал вопрос в тишине, в которой было слышно только их разгоряченное дыхание. В ответ Рита только покачала головой и почувствовала, как мужчина немного отклонился.

Он достал из тумбочки презерватив и, наконец-то, снял с себя трусы, которые до сих пор находились на нем как возможность дать передумать девушке, но она не желала все останавливать, а наоборот, потянулась за ним. Нежно провела ладошками по спине, пока он надевал защиту, поцеловала под лопаткой, и тут же была завалена обратно на кровать и придавлена горячим телом.

Максим снова как можно шире развел ее ножки, наклонился, целуя плоский животик, продвигаясь к груди, сжимая соски пальцами, и не спеша начал входить во влажное тело, как вдруг ощутил некую скованность в теле девушки.

— Тихо-тихо, ты чего, кошечка? Я же не причиняю тебе боли, — это было правдой, и он никогда не делал ничего грубого и плохого, что не понравилось бы его партнерше.

— Ты слишком большой для меня, — простонала, когда он продвинулся чуть дальше.

— Сейчас привыкнешь, и тебе будет хорошо, — к слову, он не соврал, двигался медленно, но уверенно.

Дал возможность привыкнуть к его размеру, и когда она все же расслабилась, Максим подхватил ее под коленками и, выйдя из горячего лона, снова погрузился с порывом, на всю длину, глубоко, насколько позволяло ее тело, а позволяло оно отлично, до конца. Он знал, как удовлетворять женщин, и этой прелестнице тем более хотел доставить удовольствие, еще больше, чем она получила во время ласк. После его первого мощного толчка Рита задрожала и крепко сжала его плоть, обволакивая своими стеночками, и он сам застонал, так хорошо ему было полностью в ее объятиях. Снова помедлил, целуя шею и плечи, а как только она успокоилась, возобновил свои глубокие, но от этого не менее нежные толчки, все больше и больше клеймя собой изящное тело блондинки.

В тишине раздавались глухие хлопки, когда их тела соприкасались друг с другом при каждом погружении в ее лоно, а малышка, не сдерживая стонов, крепко цеплялась пальчиками за его плечи, чем вызывала в нем еще большее возбуждение.

В комнате витал запах секса, смешанный с ароматом дорогих духов Максима, тела давно покрылись испариной, а они все продолжали наслаждаться друг другом. Тогда они поменяли позу, и девушка с удовольствием оседлала крепкие бедра и, упершись руками в широкую грудь, со стонами насаживалась на тугий, длинный член, ощущая его глубоко внутри себя.

Понимая, что больше не сможет продлить это прекрасное время, он протянул руку туда, где соединяются их тела, пальцами легонько потер влажный клитор и почувствовал, как кошечка взорвалась, снова сжимая его плоть, и сам, пару раз толкнувшись в нее, содрогнулся, получая непередаваемое удовольствие.

Обмякшее женское тело повалилось на него, и Максим, аккуратно собрав волосы в кулак, поцеловал девочку возле ушка и, перевернувшись, положил на бок, крепко обняв со спины.

Теперь он смог погрузиться в сон, о котором мечтал последние сутки, смог расслабиться, ощущая легкость в теле, смог глубоко вдохнуть запах своего шампуня на белокурых волосах.

А утром обнаружить свою квартиру пустой, без единого намека на недавнюю гостью.

С особой осторожностью Рита выползла из объятий Максима, нашла свои вещи, которые после принятия душа оставила в ванной на вешалке, и, одевшись, покинула уютную спальню. Сказать, что она не хотела здесь оставаться, означало соврать, но ей нужно было уйти, сделать этот шаг, нужно было еще раз окунуться в то прошлое, в котором буквально сутки назад была счастлива. А этот мужчина — она запомнит его только как отличного любовника, не более, ведь он проходящий в ее жизни, как поезд, сделавший недолгую остановку на перроне.

Девушка бросила взгляд на диван, на котором, предполагалось, она будет спать, и, подойдя к нему, сложила постель, оставив на кресле, помыла чашку и, надев шубу и сапоги, выскочила в подъезд, решив там вызвать такси и дождаться саму машину.

Утро. Пусть это утро и было горьким и одиноким, но чем-то особенным от него тоже веяло, ведь девушка проснулась в кровати мало того, что с другим мужчиной, так еще и незнакомым. Что она о нем знает? Всего лишь имя, но ей этого достаточно, ведь она никогда его больше не увидит, и не будет опускать глазки от стыда, что, возможно, повела себя неправильно. Все правильно. Все, как велела душа.

Расплатившись с водителем, Рита посмотрела на массивные ворота и, сделав глубокий вдох, приложила ключ к магниту. Высокая калитка щелкнула и гостеприимно пропустила бывшую хозяйку во двор. Дальше, стараясь не обращать на окружающую обстановку внимание, она прошла по дорожке к двери, открыла ее и, наконец, оказалась в прихожей с таким родным для нее запахом. Пройдя по холлу в гостиную, подошла к лестнице и замерла, прислушиваясь к удушливой тишине. Раньше девушка любила тишину, когда они с мужем наслаждались объятиями друг друга, окунались с головой в любовь, не замечали ничего вокруг. И как все глупо оказалось, ведь любила только она, дарила всю себя, а он... От Сергея только притворство, и ничего больше... Больно... Очень. Так больно, что даже очередной вздох давался трудно. Но разве Рита имеет право на страдания, есть ли у нее возможность, жалеть себя, особенно сейчас, когда не знаешь, что жизнь преподнесет в следующую секунду?

Оказавшись в спальне, первым делом она открыла шкаф со своими вещами, да так и застыла на месте, пораженная увиденным. Внутри было пусто, совсем, не единого намека на то, что там всегда висели или были сложены ее вещи. Сейчас же здесь не было ничего, абсолютно, голые полки и пустая рейка с вешалками.

— Ты что-то забыла здесь? — неожиданно громко прозвучал голос мужа, вернее, уже бывшего мужа, на что она вздрогнула и неспешно обернулась.

Сергей выглядел невозмутимо, так, будто ничего и не произошло, абсолютно никаких чувств и эмоций. Вернее, было одно чувство — холод в глазах, и все. Рите казалось, что он ее и не знает, этот мужчина, с которым она больше двух лет делила постель.

— Сережа, — неуверенно начала Рита, когда молчание затянулось. Сначала хотела подойти, но почему-то в ушах прозвучали слова матери: «Стой там, где стоишь!», и ей показалось, что он так же сейчас прикажет ей, а девушка не хотела снова слышать такие

простые, но в то же время убийственные слова, — Сережа, неужели ты мне ничего не объяснишь? Неужели ты ничего не чувствуешь?

— К таким, как ты, не чувствуют, — резко отчеканил мужчина и замолчал.

— А какая я, милый, какая, скажи? — умоляюще попросила девушка, прижав правую руку к груди.

— Подлая тварь, убившая нашего ребенка и мечтавшая заарканить мои деньги.

— Ты, правда, веришь, что я могла бы убить свою кровиночку?

— Так или иначе, но ты это сделала. Теперь же я не желаю видеть тебя в своем доме.

— Ты же знаешь, что я не делала аборт, и знаешь, я бы никогда не смогла убить нашего ребенка.

— Есть справка, большего доказательства мне не надо. И я хочу, чтобы ты ушла, прямо сейчас.

Она смотрела на него несколько долгих секунд, просто не в силах понять, откуда в ее любимом, нежном и заботливом Сереже столько злости и безразличия? Куда делись все те чувства, которые он выражал ей, где он, настоящий?

— Это твой паспорт, — он положил документ на тумбочку. — Это — мнимое свидетельство о рождении, — еще одна книжечка оказалась рядом с первой. — А это, на всякий случай, чтобы ты не забывала, что мы теперь не муж и жена, свидетельство о расторжении брака, — последний листок лег рядом с остальными документами, после чего Сергей обернулся и пристально посмотрел на бывшую жену.

— Позволь собрать мне мои вещи. Куда ты их положил?

— Вот они, — он указал на тумбочку.

— Но это документы, а одежда...

— У тебя ничего нет...

— А как же...

— Все, что куплено на мои деньги, я приказал Марье Геннадьевне сжечь, что она незамедлительно и сделала.

Очередная вспышка боли прошла сквозь грудь, и Рите жутко захотелось плакать, но она понимала, не здесь, не рядом с этим человеком, теперь нет.

— Как ты вообще посмела прийти в мой дом после того, как неизвестно где бл*дствовала всю ночь.

— Ты прав, неизвестно, где. А ты бы позволил вчера мне переночевать здесь? — вдруг неожиданно для самой себя спросила она, даже не осознавая, хочет ли знать ответ.

— Тебе не место здесь, даже лишней минуты не задерживайся. Машину кстати, я уже забрал, спасибо, что стукнула ее, мне как раз деньги некуда девать, — голосом, полным сарказма, произнес Сергей и немного отошел к двери, освобождая путь для Риты.

Девушка скованными движениями собрала документы, крепко прижав их к груди, и прошла к выходу, остановившись у порога спальни, буквально в метре от бывшего мужа.

— Раз уж ты меня сделал такой су*ой, то я желаю тебе однажды прочувствовать всю ту боль, которую сейчас ощущаю я.

Она сказала это сквозь сжавшееся сердце, на самом деле не желая того, а просто вынуждая саму себя произнести такие слова. Быстро сбежав по лестнице, Рита обула сапоги, укуталась в свою шубку, схватила документы и маленькую сумочку, с которой не расставалась со вчерашнего дня, и буквально выбежала из дома, убегая прочь из логова несносного зверя.

В глазах пекло от непролитых слез, в горле стоял ком боли, и душа рвалась на части от невыносимого предательства и лжи, но Рита с гордо поднятой головой шла по городу, даже мимикой не выдавая своего состояния. Сначала ей нужно найти место, где она сможет пожить первое время, ну а там уж, в четырех стенах, позволит себе немного пореветь, пожалеть себя, чтобы потом собрать осколки души воедино, насколько это будет возможно, и определить, что делать дальше с ее жизнью.

Пройдя мимо одного ларька, девушка почувствовала запах кофе и вспомнила, что ничего не ела с утра. Конечно, она могла сама себе объявить голодовку, но кому от этого легче? Ведь теперь ей, как никогда, нужны силы, чтобы самостоятельно выстроить свою жизнь. Да уж, даже после детдома куда легче было, ведь государство выдало ей квартиру и последнюю пенсию суммой пятьсот гривен. Тогда было проще...

А сейчас — да, может, и сейчас не все потеряно, у нее есть карта, ее личная, деньгами Сергея она точно не будет пользоваться, выбросит пластик, а лично заработанных хватит на несколько месяцев точно.

Рита зашла в стоявшее неподалеку кафе и, сняв шубу, удобно устроилась за одним столиком, заказала у подошедшего официанта кофе и два круассана с яблоками. Достав сигарету из новой пачки, купленной в том же ларьке, с удовольствием прикурила ее, сделав глубокую горькую затяжку. Немного закашлялась — курила впервые, но не бросила свою затею, так сейчас хотелось побаловать себя этой гадостью, не зная еще о том, что на ближайшие годы сигареты станут ее постоянным спутником.

Она уже успела докурить, прежде чем ей принесли горячий дымящийся кофе и еще теплый любимый десерт. Круассаны — ее любимое лакомство, особенно, если они с яблоками, наверное, целыми днями бы ела их, совершенно не заботясь о фигуре.

Развернув салфетку, она с осторожностью взяла выпечку, поднеся ко рту, откусила небольшой кусочек, с наслаждением прикрыв глаза, и, наконец, почувствовала, как по правой щеке покатилась горячая соленая слеза. Не хотела, не так, не здесь, среди людей, но разве человеку под силу сдерживать рвущиеся наружу слезы? Она попыталась вытереть мокрую дорожку, но это не помогло, слезы безмолвно катились одна за другой, совершенно не обращая внимания на старания хозяйки. Тогда она плюнула на это дело и продолжила свой завтрак, который теперь смешивался с солеными каплями, попадавшими на ее губы.

Когда Маргарите принесли счет, она полезла в сумочку и, к сожалению, обнаружила там всего сто пятьдесят гривен, что на самом деле не густо. Оставив пятьдесят в книжке, она забрала свои вещи и вышла на улицу, где уже всюду шел пушистый лапчатый снег. Рита очень грустно улыбнулась, снова почувствовав резкую боль в груди, и не спеша потопала в сторону, где, вероятнее всего, должен находиться банкомат. Ей срочно нужны деньги, чтобы снять квартиру, потому что с грядущим морозом недолго протопчешься на улице. Особенно учитывая, что на дворе конец декабря.

— С Новым Годом, Рита, — еле слышно, скорее, сама себе сказала девушка, которая уже практически не чувствовала пальцев на руках, и едва ли могла нажимать на экран.

Собственно, что-либо изменить там, на этом экране, она не могла, даже если согреет руки. Обе карты заблокированы. Сергей позаботился и об этом, не удосужив поставить ее в известность, и теперь девушке ничего не оставалось, как пойти на набережную и утопиться, именно это была ее первая мысль.

Она голая, действительно, голая, без денег, без еды, жилья и одежды. Кто она? Кем сделал ее когда-то любящий муж? Ничтожеством. Растоптал, раздавил ее, как букашку,

оставив на произвол судьбы, выкинув на улицу без гроша. А за что? За что так поступил человек, который кричал о вечной любви, который боготворил ее, не замечая ничего вокруг. Что вдруг произошло в ее жизни, с ней, с людьми, окружавшими Риту? Где делось все то, что было так дорого, что она безумно ценила, как только неожиданно нашла? Где теперь сама Рита? И как еще смеет думать, кто она? Бомж.

Наверное, это то, о чем мечтала Наталья, матерью ее больше не хочется называть, и это единственное, что сейчас радовало беззащитную одинокую девушку. Женщина так и светилась от счастья в том коридоре, когда снова поливала ее грязью, радовалась, что Рита наконец-то получит по заслугам. Мама, смешно, да разве настоящая любящая мама сможет так презирать свое дитя? Нет, только такая женщина, как Долматова. Только она!

Ноги понесли хрупкое тело совсем не к набережной, и разум это понял, когда Маргарита, едва переводя дыхание, остановилась возле дерева, заледеневшими руками схватившись о замерзшую кору. Ноги устали брести по снегу, силы с каждой минутой покидали тело, лицо жгло от не прекращавшихся слез, которые моментально прихватывал мороз. Она зарыдала буквально в голос, не зная, не понимая, что происходит, и пальцами сильнее впиалась в дерево, отчего проступила кровь около ногтей. Но даже эта боль, физическая, не могла перебить страдания ее души.

— Господи, за что? — рыдая, громко выкрикивает Рита. Кое-как сделав несколько шагов, в прямом смысле обрушивается на рядом стоящую скамью и, не в силах удержаться, наклоняется набок, чтобы хоть немного дать передышку своему телу. — За что? — последний тихий шепот.

А очнулась она не иначе, как в раю, потому что просторную теплую светлую комнату с приятным цветочным запахом точно не назовешь той холодной морозной улицей, где еще недавно она так мечтала умереть.

2016 год. Офис Вишневского.

— Тук-тук, мальчики. Можно?

Макс резко поднялся с кресла от такого захода его новой помощницы, которая сейчас стояла в дверях с призывно отставленной ножкой и, что уж говорить, практически выставяющая напоказ все свои прелести. Эта девица точно решила его довести, а ведь сегодня только ее первый рабочий день, утро, а значит, ему понадобятся силы, а потом он найдет, как снять стресс. Выйдя из-за стола, высокий мужчина подошел к девушке, точно, как вчера, и, наклонившись к уху, прошептал:

— Ты точно пришла в офис, а не клуб? Видела, как Катерина одета?

Марго невыносимо медленно поворачивает голову, и так же тихо отвечает.

— А что, я больше не похожа на серую мышку?

— Как по мне, так ты Тигрица! — довольно провозгласил Глеб, прикусив губу, и просканировал взглядом тело девушки.

— Вот и прекрасно, а теперь я жду ваших поручений, и готова приступить к работе, — она проходит вглубь кабинета и, сексуально выгнув спинку, усаживается в кресло около стола, достает из маленькой сумочки пачку сигарет, выуживает одну и подносит к ярким губам.

— У меня в кабинете не курят, — строго проговорил Вишневский, забирая тонкую сигарету прямо из губ девушки, и ломая ту пополам.

— Вчера ты курил здесь, — посетовала Марго, слегка покачивая головой и доставая новую сигарету.

— Прощу, — поддержал Варшавский и щелкнул зажигалкой. Подкурив, девушка кивнула тому в знак благодарности и снова устремила свой взгляд в сторону шефа.

— Подайте пепельницу, — она взглядом указала на хрустальный сосуд, стоявший на другом конце стола.

— Глеб, оставь нас, — приказал Макс, и заместитель, не спеша, покинул кабинет, успев при этом подмигнуть красотке.

Она же продолжала расслабленно курить, удобно восседавая в кресле, и чувствуя себя абсолютно спокойно. Новый шеф помедлил, глядя в окно, после чего все же поднес пепельницу и, усевшись на стол, посмотрел на блондинку, прищурился. О чем он думал, девушка не знала, но и страха он в ней не вызывал. Да, собственно, уже давно никто не вызвал страха, перестала бояться. А здесь-то и некого бояться, раскусила его еще вчера, когда начала вести себя развязно и увидела реакцию. Если бы он действительно был так груб, каким хочет показаться, то выгнал бы ее еще в первую минуту их разговора, так нет же, вот она, здесь, уже работает, ну, почти, но сам факт — он ее принял. Или у него выбора не было?

— С сегодняшнего дня ты зовешь меня Максимом Ивановичем и ведешь себя подобающим образом, — сквозь зубы процедил он, смотря в голубые глаза, а когда замолчал, перевел взгляд на оголенную ножку, на которой был виден край черного чулка.

— Маргарита Владиславовна, очень приятно, — потушив недокуренную сигарету, ответила она и быстро поднялась, проходя к двери, и, не оборачиваясь, добавила. — Покажите мне мое рабочее место.

Дверь хлопнула, оставляя Макса наедине с тишиной, и он не мог не заметить, как сильно изменилось настроение этой блондинки после его просьбы. Но что именно послужило этому? Неужели она так мечтала подружиться с боссом, что обращение к нему по имени отчеству испортило все ее планы? Зараза, смеет приходиться на работу едва ли не голой, так еще и тыкает начальству! И неважно, что когда-то они занимались сексом, это было давно, и ничего не значило. Теперь они снова — незнакомые друг другу, и он не позволит ей вести себя так нагло, правила здесь одни для всех.

Поднявшись со вздохом, он выходит из кабинета, намереваясь провести Маргариту в ее новый кабинет, но перед глазами предстает занимательная картина. Встав у окна, девушка выставляет правую ножку немного вперед, еще больше предоставляя вид на резинку ее чулок, и красиво, чего уж греха таить, подносит белоснежную чашку к по-прежнему алым губам. Но образ дополняют четверо мужчин, окруживших сексуальную девушку. Они что-то ей говорили, Рита призывно улыбалась и порой закатывалась смехом, и это немного бесило Максима, потому что офису есть, чем заняться, помимо обхаживаний непонятной девки.

— Я что-то не понял, вам что, заняться нечем? Рабочее время началось полчаса назад, какого черта вы все здесь? — голосом, не терпящим возражений, спросил Вишневецкий, грозно уставившись на Марго.

Та невинно захлопала ресничками и сделала глоток из чашки, пряча свою улыбку:

— Мальчики, встретимся в обеденный перерыв, — ласково проговорила она, и один из мужчин нежно коснулся ее плеча, когда покидал приятное общество.

Макс зло зыркнул на него, но промолчал, возвращая взгляд виновнице этого сборища.

— Пойдем!

— Что, не понравилось увиденное, да? — будничным тоном поинтересовалась Марго, следуя за шефом по коридору и плавно покачивая бедрами. — Привыкайте, Максим Иванович, мужчины меня очень любят.

— Не забывай, что ты на испытательном сроке, и твои мужчины тебе не помогут, в случае чего.

— Ты не посмеешь меня выгнать, — сказала все тем же тоном, и неожиданно врезалась в его грудь.

Мужчина резко развернулся от ее слов, и теперь прижал к стене, наклонившись совсем близко к красивому лицу:

— А кто мне запретит? Может быть, Константин Вениаминович?

— Нет, не думаю, что он в силах это сделать, — она посмотрела на его губы и, слегка мазнув языком по своим, приблизилась к его лицу и ответила. — А тебе совесть не позволит...

— Ты считаешь, что я совестливый человек?

— Уверена.

Он резко отстранился от нее и прошел к ближайшей двери, открыл ее и пропустил вперед девушку, которая еще секунду назад стояла, словно прикованная к стене.

Кабинет оказался в кофейных тонах, небольшой, буквально шесть на шесть метров, с окном, выходящим на запад, очень уютный, включающий в себя минимальное количество мебели: рабочий стол с креслом, шкаф с документами и кожаный белый диванчик с кофейным столиком. На рабочем столе стоял комнатный цветок, ноутбук и телефон, а в правом углу от входа — кулер с водой и закрытая полочка с кофе и чаем. На полу лежал молочного цвета ковер, по которому так и хотелось пройтись босыми ногами.

Маргарите понравилось то, что она увидела, ведь очень большую роль играет обстановка, в которой ты собираешься работать. Нужно, чтобы все было с комфортом и душой, а иначе и на работу ходить не захочется, но здесь все было отлично. Она осталась довольна.

— Там ванная комната, лично твоя, а вот здесь, — он подошел к двери, которая находилась сразу за шкафом, — дверь в мой кабинет.

— Это еще зачем? — недовольно спросила блондинка, зло уставившись ему в глаза.

— Мой помощник всегда должен быть у меня под рукой, и чтобы ты не шла через весь коридор, можешь просто войти через эту дверь.

— Ужас, как собачка на привязи.

— Константин Вениаминович всегда так делал.

— Хм, ладно. Хорошо, мне все нравится, с чего нужно начать?

— Для начала опустить молнию на юбке пониже.

— Что касаясь работы? — проигнорировав его приказ, снова задала вопрос девушка.

— Подготовь для себя место, может, что-то нужно изменить, убрать, главное, чтобы тебе было удобно.

— Спасибо, заботливый шеф.

— Я не о тебе забочусь, а о качестве работы, которую ты будешь выполнять для моей компании. После обеда придет твой предшественник и полностью передаст дела. Теперь мне пора, не скучай.

— Благодарю, мой Господин, за ваше потраченное время.

— Не выделывайся, я бессовестный.

На этих словах они улыбнулись друг другу, и Вишневецкий прошел к себе в кабинет через соединяющую дверь, а Марго осталась стоять посреди комнаты, рассматривая окружающую обстановку и пытаясь понять, с чего же ей начать.

Ее хорошее настроение поднялось на отметку выше, когда она увидела реакцию Макса на окруживших ее мужчин. Он был зол, и главное, девушка понимала, в чем проблема, и была рада, что смогла оставить след в душе этого красавчика, ведь не просто так он разогнал всех по рабочим местам, не из-за того, что уже пора работать, не только, лишь частично.

С легкостью вздохнув, Маргарита нажала кнопку на селекторе и приступила к своим действиям.

— Катюша, а можно мне попросить тряпочку для мебели и моющее?

— Марго, я сейчас вызову уборщицу, — ответила дружелюбно девушка на том конце связи.

— Ну, уж нет, подруга, я сама могу протереть пыль, не хочу, чтобы здесь работала чужая женская рука.

— Как знаешь, сейчас принесу тебе все, что попросила.

— Спасибо.

С Катюшей они дружили уже несколько лет, и она была единственной подругой Марго, действительно очень близкой. Они доверяли все секреты друг другу, часто выходили в бары и клубы, чтобы отдохнуть, или могли просто ночевать вместе, перед этим хорошо заправившись вином. Катя была младше на десять лет, но возраст абсолютно не был помехой, девушки прекрасно находили общий язык и разговаривали на все волнующие темы. И когда Константин Вениаминович предложил свое место Маргарите, сославшись на свой возраст и на то, что ему пора отдыхать на пенсии, девушки обрадовались, что и там будут

вместе. Кате намного легче будет, ведь она — единственная девушка в офисе, а Маргарите уютнее на новом рабочем месте, где будет хоть один близкий человек.

— Как все прошло, босс не ругал тебя за сцену в коридоре? — шепотом поинтересовалась вошедшая подруга и, поставив небольшую пластиковую миску с моющим средством на стол, быстро подошла к Марго.

— Сказал, еще раз такое повторится, отстегает своим ремнем по моей голой попке, — совершенно серьезно ответила девушка и так пристально посмотрела в глаза подруге, что, не выдержав, они вместе расхохотались, разнося смех по всему кабинету.

— Дурочка, — прошептала Катерина, пытаясь подавить смех. — Я же переживаю.

— Прости, моя дорогая. Прости. Все хорошо, правда.

— Вот и отлично. Может, все-таки, уборщицу?

— Нет. Я сама, я все сама.

— Ладно. Маргаритка, ну, ты, конечно, наряд выбрала взрывоопасный! — восторженно произнесла Катя и даже немного закатила глаза. — Ты только молнию пониже опусти, когда дедушка придет.

— Ох, вам всем не дает покоя моя молния, но, так уж и быть, ради любимого старичка я спрячу ножку, — подмигнув, ответила она, и девушки снова залились хохотом. — Как только уберу, сразу позову тебя на новоселье в моем кабинете, будем кофе пить.

— Договорились. А что насчет вечера? Может, вина в хорошей компании? — довольно покачав головой из стороны в сторону, спросила молодая девушка, намекая на себя.

— Конечно. С радостью.

— Тогда я пошла работать. А то тебя приняли, а меня уволят, — весело прощелбетала она и собралась уже выйти, но Рита остановила.

— А он вчера мне красивый букет роз прислал...

Катерина не успела уточнить, кто именно — он, потому как в кабинет из смежной двери вошел Максим Иванович, и девушка тут же исчезла в коридоре.

— Я не знаю, чем вы привыкли заниматься на своем прежнем рабочем месте, Маргарита Владиславовна, но у нас нужно работать не только языком, но и мозгами. А своих мужиков и их дешевые подарки обсуждайте, пожалуйста, в нерабочее время, — строго отчитал мужчина, стоя практически вплотную к блондинке, пока та добавляла геля в воду и выжимала тряпку.

— Ты еще не знаешь, какие прекрасные вещи творит мой язык, — слегка подавшись вперед, ответила она полушепотом и, резко развернувшись, прошла к шкафу, возле которого уже стояла табуретка. Подняв ногу, девушка забралась на нее, принявшись вытирать пыль с полок.

Макс проглотил ее реплику, хотя, видит Бог, как трудно было не выдавать свою реакцию на двусмысленные слова. Стоило только представить этот острый на слова язычок у себя на теле, и он тут же возбудился, желая взять эту поганку прямо на полу этого чертового кабинета. Но он держался, не смея показывать свою реакцию, нечего тешить самолюбие красавицы.

Несколько долгих секунд он наблюдал за тем, как тщательно она вытирает полку, как тянет руку, отчего ее и так не длинная кофточка поднимается выше, оголяя красивую изящную спинку. Ему так и хочется провести пальцами по этой нежной коже, почувствовать тепло, но он неожиданно слышит окрик, и буквально срывается с места, чтобы поймать эту взбалмошную девицу, прерывая ее полет на пол.

Марго была крепко прижата к его груди, находясь выше едва ли не на голову. Она ощущала сильные мужские руки на своей талии и тяжелое дыхание, смешанное с громким биением сердца. Он так спешил ее поймать, что высоко поднимающаяся грудь оказалась на уровне его подбородка, а голубые озера ее глаз смотрели точно в его — небесные. Девушка дрожала. То ли от его касаний, то ли от осознания, чем мог закончиться ее полет, но все так же продолжала молчать, боясь произнести и слово, а вот ее спаситель, наоборот, решил быть откровенен.

— Идиотка, кто же на таких каблуках лазит по табуреткам? Приключения ищешь на свою попу?

— Ой, поскользнулась, — наконец-то выдавила из себя девушка совсем невинно и руками обняла его за плечи.

— Точно, ненормальная, — они продолжали смотреть друг другу в глаза, и Марго даже показалось, что Максим начал тянуться к ней за поцелуем, как вдруг неожиданно распахнулась дверь.

— Маргаритка, привет. Ох, — неожиданно подобрался мужчина. — Марго, не знал, что ты не одна.

— Я одна, а это незваный шеф, но он уже уходит, — немного неуверенно оправдалась она, глядя в глаза Максиму, и, все же, выскользнула из приятных объятий, поспешив к желанному гостю. — Я очень рада Вас видеть, а главное — вовремя, — бросила едкий взгляд в сторону Вишневого и провела гостя к дивану, намереваясь побеседовать с ним на насущные темы.

Они удобно расположились в уютном кабинете — Марго и Константин Вениаминович на диванчике, а Макс занял кресло у рабочего стола, передвинув его в центр комнаты. Мужчина видел, насколько его новая помощница переменилась и в лице и в поведении, стоило только старику нарушить их уединение. Что бы это могло значить? Почему она рядом с Максом не такая мягкая и хрупкая, а смотрит всегда только с надменностью, что за херня с ней происходит?

— Как тебе здесь, Марго? — с теплой улыбкой на устах поинтересовался Вениаминыч, внимательно смотря в глаза Рите.

Вообще мужчине было уже семьдесят пять, но назвать его дедушкой язык не поворачивался, разве что только в шутку, или любя. Среднего роста, с седыми волосами и добрыми карими глазами. Все, кто видел его впервые, давали максимум пятьдесят пять, на что тот только улыбался и благодарно кивал.

— Пока нормально, но я толком еще ничего не видела, все-таки первый рабочий день, — мило улыбнулась ему девушка.

— Да, Вениаминыч, Марго практически ничего не видела, что нельзя сказать о моих подопечных, — язвительно произнес Вишневский, при этом злорадно улыбаясь.

— А что с подопечными?

— Слюной давятся от вида новой сотрудницы.

Маргарита так зло глянула на своего шефа после этих слов, что, казалось, готова убить его взглядом. Зачем он говорит такие вещи в присутствии Вениаминыча, ведь она рядом с ним всегда добрая и хорошая, а Максим сейчас испортит его впечатление о ней, дурак, кто его вообще приглашал сюда.

— Максим, ты не злись на Маргаритку, она в действительности очень добрая, просто достает свои колючки часто, чтобы...

— Константин Вениаминович, давайте опустим мою биографию и поговорим о работе.

— Конечно, прости, дорогая, — улыбнулся мужичок и нежно погладил женскую ручку. — Да что, собственно, говорить, Макс введет тебя в курс дела, а я только документы кое-какие свои заберу.

— Вениаминыч, Вы — как мой отец, всегда мелкую работу на других перебрасываете, — уже по-доброму улыбнулся Вишневецкий и сделал глоток кофе, который Катерина принесла пять минут назад. — А меня все интересует вопрос, почему Вы вдруг решили меня бросить? Надоел я Вам?

— Ты не можешь надоесть мне, Максим. Не собирался я сначала покинуть свой пост, но, подумав, решился, да и Марго нужна эта работа, а значит, мне пора на пенсию. Стар я уже стал, слишком стар...

— Вы? — неподдельно удивилась Рита и улыбнулась, не в силах оторвать взгляд от близкого ей человека. — Вы фору дадите всем молодым мужчинам, так что, не наговаривайте на себя.

— Марго, скажешь тоже. Я вот рядом с Максом вообще себя дедом чувствую, ты посмотри на этого красавца, — восторженно произнес мужчина, на что Рита только слегка улыбнулась и сделала глоток кофе, даже не удостоив вниманием своих собеседников.

Теперь, кажется, Рита более осознает, зачем Вениаминыч прислал ее сюда, сватать удумал, ну-ну, посмотрим теперь, кто кого.

— А я, Константин Вениаминович, сюда работать пришла, а не на мужиков пялиться, — на этих словах она поднялась и прошла к столу, полезла в сумочку, из-за которой, собственно, Макс и пришел к ней в кабинет, ибо ту она забыла у него на столе, и выудив оттуда пачку сигарет, достала одну и прикурила.

Вишневецкий хмыкнул, громко, словно хотел заржать, но сдержался, и, поднявшись, подошел к девушке.

— А у нас в офисе не курят, особенно красивые девушки, — он забрал сигарету из тонких пальцев и вдавил ее в пепельницу.

Рита от такого наглого поведения шефа нахмурилась, но достала еще одну сигарету и снова прикурила.

— Это потому, что Катюша не курит, а больше у вас нет в офисе девушек. Я буду исключением из правил, — довольно пропела, делая глубокую затяжку. — Красивая и курящая.

— Будешь курить в обед в курилке, со своими мужиками, — немного зло ответил Макс и снова повторил свой маневр с сигаретой, что Рите безумно не понравилось.

— Никогда больше так не делай! — строго проговорила, мечта молнии голубыми глазами.

— А то что?

— Никогда не смей указывать, что мне делать, если это не касается работы, понял? Максим Иванович!

Макс только серьезно посмотрел в ее глаза, возможно, пытаясь там что-то отыскать, но, сжав кулаки, он подошел к Вениаминовичу и крепко пожал тому руку.

— Константин Вениаминович, если не против, зайдите потом ко мне, — он подмигнул помощнику, тот кивнул, и Макс направился в сторону смежной двери, на секунду остановившись около блондинки. — Ты бы не могла в следующий раз надеть что-то более скромное? Например, завтра, — и, не дожидаясь ответа, покинул ее кабинет.

— Ох, Маргаритка, ты была бы осторожнее, Максим требовательный, спуску никому не дает.

— Вениаминыч, а Вы могли бы не назвать меня Маргариткой при посторонних? — недовольно поинтересовалась девушка, делая очередную затяжку уже третьей сигареты.

— Так, Марго, раз собралась работать, хватит показывать свой характер. Я понимаю, вам будет сложно, вы оба — сильные личности, но нужно постараться, ты же умная девочка.

— Только ради Вас! — тяжело вздохнула и, потушив окурок, уселась на свое место. — Забыла поблагодарить за цветы... Мне даже муж таких...

— Не стоит, все хорошо. Вы с Катюшей никуда сегодня не собираетесь?

— Собираемся, — довольно кивнула, прикрыв глаза. — Ко мне домой, пить вино.

— Вот это правильно! Это хорошо! А я пойду, загляну к Максиму, и домой, отдохнуть, если что — звони, — сказал мужчина, поднимаясь из-за стола и направляясь к двери, которая ведет в кабинет шефа.

— Конечно, Вениаминыч, спасибо Вам, — они поцеловали друг друга в щеки, и Рита наконец-то осталась одна, с легкостью выдохнув воздух из легких.

Все-таки нелегко давалась ей новая обстановка, да и окружающие люди напрягали, но не собиралась сдаваться, не сейчас, когда большая половина пути пройдена. Теперь нет, теперь она Марго Герц, женщина, которая не сдается, не смотря ни на какие обстоятельства. Если тогда смогла подняться, то сейчас просто не имела права сдаваться, даже думать об этом не могла. Она сильная, а перед таким, как Вишне夫斯基, она чувствовала еще большую силу и власть, ведь видела, как он реагирует на нее. Марго поклялась себе, что больше никогда в жизни не унижится ни перед кем, не позволит топтать себя, убивать, и пообещала, что плакать не будет из-за мужчин. По крайней мере, никогда не покажет своих слез, как делала это с Сергеем.

«— Ты не могла бы в следующий раз надеть что-то более скромное?», — снова пронеслось у нее в голове, когда она вспомнила свой фееричный заход в кабинет вчера, в первый рабочий день. Да, она не сомневалась, какой эффект производит на мужчин, а уж практически голая ножка, которой она сверкала весь день! А наедине с Максимом еще больше расстегивала молнию. Вообще не приходилось задумываться об их мыслях. Весь офис буквально истекал слюной, естественно, кроме Катерины, пока Марго уверенной кошачьей походкой проходила с экскурсией по кабинетам в обществе Вишневского и Глеба, фамилию которого она пока не знала. И если первый шествовал за ней в качестве директора, то второй, без сомнения, хвастался своим знакомством с очаровательной женщиной.

Многие приглашали ее на ужин, но она лишь мило улыбалась и, разворачиваясь, покидала их компанию. Если девушка с кем и будет флиртовать в этой фирме, то только с господином Вишневским, а остальные мужчины могут просто наслаждаться ее видом.

— Что вы предлагаете, Маргарита Викторовна? — поинтересовался Варшавский, который то и дело пытался не пялиться на аппетитную попку его собеседницы.

К слову, утром Глеб отлично отгрел от нее за то, что шлепнул по ягодицам, когда они вместе входили в кабинет, и мужчина пропустил даму вперед. Марго предупредила наглеца, что в этот раз он отделался словесной формой, но в следующий раз она покажет физические навыки, ведь больше двух лет она занимается кикбоксингом. На это замдиректора только присвистнул, но руки спрятал в карманы, чтобы ненароком не пустить их в ход, тем самым нажив пару фингалов.

Сейчас они изучали документы по оформлению очередного заказа и пытались

разобраться, как поступить правильнее, чтобы товар оказался качественным, надежным и не самый дорогой. Не то, чтобы Вишне夫斯基 экономил на материалах, но и цены бывали просто космические, при том, что не оправдывали их качество.

Варшавский сидел за столом, рассматривая эскизы обоев, а Марго стояла рядом, нависая над документами и тканями, приподняв ножку и уперев коленку в кресло. В общем, как всегда эротично, можно даже сказать — вызывающе, но, впрочем, ее это не волновало, главное, чтобы ей было удобно.

В момент, когда девушка чуть-чуть прогнулась, открылась дверь, и появился сексуальный босс. Марго знала, что никто, кроме него, не войдет сюда без стука, поэтому совсем не спеша повернула голову к входу, не утруждаясь приподняться и достойно встретить шефа. Хотя, для него казалось, это — более чем достойная встреча.

Максим удостоил ее серьезного взгляда и, не медля, перевел глаза на задницу, упруго обтянутую кожей и поднятую так сильно, что он мог бы пристроиться сзади. Черт! Если она нагнется хоть на пару сантиметров, то он точно увидит ее трусики! И ему снова хотелось узнать, какого они цвета.

— Твою мать, — громко выругавшись, он провел рукой по лицу и тут же глянул на друга. — Оставь нас.

Глеб прекрасно понял настроение Вишне夫斯基 и тут же поднялся с кресла, прошел к двери и, обернувшись, бросил взгляд на девушку:

— Хороший бампер, только будь осторожен, Макс, а то она тебя на лопатки уложит, — и, подмигнув ей, скрылся за дверью, чтобы снова не нарваться, но в этот раз на друга.

Оставшись наедине с шефом, Марго спокойно повернула голову обратно к тканям и сделала вид, будто заинтересована в выборе цвета. Максим хмыкнул, удивляясь ее поведению, и щелкнул замком на двери, а девушка только повела глазами на такое действие и больше никак не выдала своей заинтересованности. Слишком комфортно она себя чувствовала в присутствии этого мужчины, что, несомненно, начинало пугать.

Он прошел по кабинету, не отрывая взгляда от блондинки, красиво нагнувшейся над столом, и остановился рядом с ее аппетитной попкой, так призывно торчащей вверх. Как же он хотел эту девочку, еще с первого дня, когда она появилась здесь в своей строгой юбке с разрезом. Уже тогда мужчина понял, что спокойно работать с ней не сможет, она сделает все, чтобы довести его до предела. И вот сейчас девушка вышла на работу второй день, а он до ломоты в костях хочет задрать эту чертову короткую юбку, отодвинуть в сторону трусики и погрузиться во влажную киску до упора, наслаждаясь ее сладкими стонами и криками мольбы.

Максим знал, что ей понравится, хоть и не помнил, как она стонала под ним тогда, несколько лет назад. Да и сколько их было после нее, всех не упомнишь. Кажется, тогда она была скромна и очень расстроена, чего нельзя сказать о нынешней Марго — раскрепощенной, эротично согнувшейся перед ним над столом.

Правая рука осторожно легла на ее левое бедро, отчего девушка вздрогнула и прикусила губу, чтобы, не дай Бог, не застонать, и тем самым не подогреть его уверенность. Слегка погладив ногу через тонкий капрон, он с удовольствием переместил пальцы повыше и указательным провел по горячей плоти, которую скрывали сегодня не только трусики, но и колготки. Свободной рукой схватил за подбородок, не сильно, так, чтобы повернуть ее лицо к себе и заметить горящий взгляд океанских глаз.

Наклонившись, глянул на закушенную губу, не переставая потирать пальцами ее

промежность, иногда надавливая сильнее, чтобы слышать сдавленные вздохи красавицы.

— Я смотрю, из кожи ты не вылезашь, — подметил Макс, говоря о ее юбке, которая едва ли прикрывала попу.

— Почему же? Я как раз из кожи вон лезу, чтобы одеться поскромнее, — с придыханием ответила она, сама приблизив губы к его губам.

— А где же твои любимые чулки? — он скинул ее туфли на высоком каблуке на пол и снова продолжил ласки, намереваясь немного наказать свою помощницу.

— Вчера был хороший вечер, и я забыла их забрать, — Марго врала, специально, чтобы позлить его, да и не могла же она надеть чулки, которые сидят ниже, чем эта мини-юбка.

Вишневский разозлился, и, похоже, что очень сильно. Иначе как объяснить его дальнейшее поведение? Буквально рывком стянул с нее бежевый капрон, откинув его в сторону, с той же силой задрал юбку и, схватив за талию, перевернул, усаживая на стол попой. Силой раздвинул ноги, удобно расположившись между ними, и пальцами сжал аккуратный подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

А она дрожит — от его рук, ласк, дрожит от его грубости и теплого дыхания, которое ощущает на своих губах. И грудь высоко вздымается, демонстрируя симпатичные холмики, а он продолжает смотреть в глаза, и одной рукой спускать бретельку тонкой майки, которая практически ни черта не скрывает.

— Ты что, решила поиграть со мной? — взбешенно посмотрел в девичьи глаза, когда понял, что под майкой ничего нет, а спасало ее только одно — ткань не просвечивается, что уже прекрасно. — Или тоже забыла забрать? Хороший вечер?

— Более чем! — грубо отвечает и кладет руку ему на пах, где уже давно ждет каменная плоть, говорящая о его возбуждении и желании заполучить Марго себе. Он тяжело вздыхает от нежного касания маленькой ручки, и свою кладет ей на шею, опускает ниже, почти касаясь груди. — А вот тебе, я смотрю, вчера повезло меньше.

Вишневский рывком убирает женскую ладонь и, наклонившись лишь на миг, влажно целует над грудью, после чего опускается между ножек и пальцами сдвигает кружева.

— Значит, сегодня черные сексуальные трусики, — пальцами другой руки осторожно проводит по мокрым складочкам и слышит сдавленный всхлип, пронзающий его тело волной возбуждения.

Приподняв голову, серьезно смотрит в ее затуманенные глаза и, больше не медля, снова располагается между ножек, слегка дует на клитор и с удовольствием проходится языком по влажной киске.

— Господи, — слышит ее восхищенный возглас и резкий хлопок ладошек по столу, после чего миниатюрное тело опускается на прохладную поверхность, отдаваясь во власть страстного горячего языка.

И он не скупится, с щедростью дарит все то, что может предложить его рот. Он посасывает, лижет, слегка кусает, при всем этом даря невыносимое наслаждение, и сам балдеет от ее вкуса, запаха, возбуждается еще больше. Но знает, что черту не переступит, по крайней мере — не сейчас, не здесь, где за стенами полно мужиков, жаждущих заполучить эту девочку себе.

Макс руками проводит по ее бокам, спускаясь ниже, поглаживая бедра, и раз за разом слышит приглушенные стоны. словно музыка для его ушей. Он тра*ает ее языком, а потом входит внутрь двумя пальцами и на миг замирает, слыша очередное «ах», теперь уже от его погружения, и целует внутреннюю часть бедра.

Свободной рукой находит ее руку, переплетает пальцы и возобновляет движение в ее влагалище, ощущая внутреннее тепло. Засасывает клитор, и при очередном глубоком скольжении Марго вскрикивает, и мужчина чувствует, как она содрогается, сжимает его пальцы, и вся дрожит, пытаясь немного свести ноги.

Проходит минут пять, прежде чем она приходит в себя. Максим все это время целует ее бедро, а блондинка пытается отдышаться после тех взрывоопасных ощущений, испытанных от рук и языка этого горячего мужчины. А он, приподнявшись, поправляет кружева, поднимает бретельку на плечо и помогает подняться немного ослабевшей девушке. Они оба кажутся до безумия растерянными, и молчат. Хоть разрядку получила только девушка, Макс таких ощущений ни разу не испытывал, просто от того, что сам доставил ей удовольствие. Марго, в свою очередь, опустила юбку, нашла туфли, держась за кресло — обулась, и у самой двери произнесла:

— Спасибо. А то у самой так не получится, — и, ярко улыбнувшись, покинула кабинет, в котором, казалось, до безобразия пахнет сексом.

Вишневатский потянул галстук, ослабив, и понял, что его снова уела девчонка, развела, как семнадцатилетнего голодного пацана. И не было никакого хорошего вечера с забытым бельем, она просто хотела посмотреть на его реакцию. Ну, что же, у нее это вышло, он взбесился. А она получила куда больше, чем просто злость, она получила его.

В пятницу Марго опоздала на работу. И не потому, что ей было стыдно за вчерашнее, собственно, чего стыдиться, это же босс был между ее ножек, и не потому, что проспала, это вообще с ней происходит редко, все дело было в колесе ее авто. Утром, приняв душ, выпив кофе на излюбленной лоджии и выкурив одну сигарету, она облачилась в очередной шикарный наряд, нанесла легкий макияж и, как всегда, довольная собой, схватив ключи, отправилась на стоянку, чтобы обнаружить спущенное колесо. Заприметив эту небольшую поломку, Рита не бросилась в панику, не начала реветь или устраивать кипиш, но огорчилась, ведь теперь она точно опоздает на работу, чего совершенно не хотелось. И не из-за страха, что злой шеф будет кричать, просто по своей натуре девушка не любила опаздывать, всегда ответственно подходя к работе. Первым делом она позвонила в сервис, вызвала мастера, которого пообещали прислать через полчаса, а потом набрала номер подруги.

— Привет, Маргаритка, — звонко поприветствовала Катерина на том конце связи.

— Привет, подруга, — ответила Рита, глядя на спущенное колесо.

— Чем обязана звонку в такую рань?

— Катюш, я опоздаю немного, у меня небольшая авария.

— Что случилось? — прозвучал резкий вопрос взволнованным голосом. — С тобой все в порядке, Ритуль?

— Еще раз назовешь меня так, и будет не все в порядке, — рассерженно проговорила девушка, и уже добрее добавила: — Все нормально, Катюш, просто колесо спустило, я вызвала мастера, как только он все наладит, я приеду.

— Фух, слава Богу, а то я подумала, что действительно в аварию попала, умеешь ты в транс ввести.

— Прости, просто самой не нравится эта ситуация.

— Не переживай, я прикрою тебя.

— Спасибо, Катюш, я постараюсь быстрее.

Мастер не заставил себя долго ждать и в поле зрения оказался уже через двадцать минут, перебирая спокойным шагом. На вид мужчине было лет двадцать семь — тридцать, смазливый, худенький, невысокого роста, типичная молодежь. Подойдя к Марго, он улыбнулся во все тридцать два, осмотрел ее с ног до головы и перевел свой взгляд на машину.

— Красавица, конечно, — кому это было сказано, Рита не поняла, то ли ей, то ли машине, но, в любом случае, ее не волновал такой комплимент, она думала только об опоздании.

— Сколько времени потребуется?

— Около часа.

— Так долго? — взволнованно произнесла девушка и огорченно вздохнула, но деваться было некуда. На маршрутке она не поедет, не в таком наряде, какой на ней красовался сегодня, как и в последние дни.

Достав сигарету, она прикурила и начала прогуливаться по стоянке, бродя из стороны в сторону по одной и той же линии, намеченной коммунальщиками. Мысли витали далеко отсюда, где-то на берегу ее здравого разума, и виной тому был один человек, который вчера

не давал ей заснуть. Еще бы, после фееричного оргазма, который он ей подарил в кабинете, иначе и быть не могло. Таких ощущений она еще ни разу не испытывала, разве что тогда, три года назад, и то воспоминания притупились. А после этого мужчин у Марго не было, сначала из-за страха и боли, причиненной мужем, а потом — по привычке. Слишком полюбила свободу и одиночество, да и, в конце концов, удовольствие можно подарить себе самой, не имея при этом проблем, не выслушивая позже каких либо обвинений, унижений или причитаний. Жить на полную катушку — это то, что старалась Рита делать последние два года, ведь первый год после случившегося дался ей непросто в эмоциональном плане.

Где-то на задворках своей души, на задворках разума она все же надеялась, что это сон, и стоит ей только проснуться, она окажется в своем привычном и уютном мире, с Сергеем и Алисой. Но один человек втолковал в ее больную голову, что это реальность, которую стоит принять таковой, принять и двигаться дальше, вверх, не смея делать даже полшага назад, чего так и ждут ее враги. Именно врагом стал бывший муж, унизив ее и растоптав всю ту любовь и добро, которые Рита излучала, дарила всем, надеясь ими заразить окружающих людей. С тех пор даже самым близким запретила называть себя Ритой или Ритулькой, а если такое происходило, то реагировала остро, даже болезненно, хоть и старалась скрывать. Для всех она Марго — сильная, уверенная и сексуальная, и лишь для Константина Вениаминовича и Катюши — Маргаритка, такое обращение ей нравилось, но наедине.

Макс. Макс Вишне夫斯基. Что происходит с ней, когда она видит этого мужчину, или только слышит его имя, что ощущает тело — мурашки, дрожь или и то, и другое? Вчера, на столе, он чуть ее не взял, ему стоило только спустить брюки и войти в нее глубоко, так же, как и его пальцы, а может, и глубже. И она почувствовала бы его всего без остатка, большого и каменного, какого девушка чувствовала своей рукой. А еще она видела, как он отреагировал на ее невинное касание, и ведь всего лишь немного сжала в маленькой ручке, а он весь вздрогнул, всем телом, выдавая свое возбуждение. Да и, чего греха таить, если бы он только сам дал ей хоть малейший намек на продолжение, Рита не отказалась бы, а с радостью приняла его, со всей страстью, но Макс четко дал понять, что на продолжение рассчитывать не стоит.

Интересно, как сегодня он отреагирует на ее наряд, пожалуй, самый скромный из всех, которые он видел на ней, но это не означало, что она выглядит, как монашка, нет, здесь другой секрет. Марго непременно продемонстрирует ему все прелести ее платья, главное — добраться до работы.

Сделав очередную затяжку, она посмотрела на мастера, отмечая, что тот уже закрепляет запаску, но все это время бросает на нее заинтересованные взгляды и нервно жует губы.

— В следующий раз будь внимательнее на дорогах, красавица, — ага, значит, комплимент был в ее адрес, выяснили.

— Ну, да, — без эмоций ответила девушка и выкинула окурок в урну, стоящую около столба.

— Сигареткой не угостишь? — наконец неуверенно произнес он, как раз, когда Марго полезла в сумочку, чтобы рассчитаться за работу.

Она хмыкнула, но сигареты достала и протянула ему всю пачку.

— Забирай все, сколько я должна за работу?

Он назвал сумму и хотел, было, все же вернуть пачку, но Рита покачала головой и протянула ему купюру. Тот надменно хмыкнул и забрал деньги, положив их в карман вместе с сигаретами.

— Привыкли жить за родительский счет, вот и разбрасываются деньгами направо и налево, — по-хамски произнес он в тот момент, когда Марго садилась за руль.

Застыла. Оцепенела от этих слов, словно льдом покрылась, но, глубоко вздохнув, натянула на лицо улыбку и холодным тоном произнесла, стараясь убедить в этом и саму себя.

— Привыкла, — но к чему именно, даже Рита не могла точно ответить на этот вопрос, привыкла, и все, и только Богу известно, как больно ударили слова этого мужчины.

В здании офиса, у самого входа, Риту встретил новый знакомый из отдела безопасности — Лев, и тут же аккуратно схватив ее за локоток, отвел в сторону кафе, намереваясь угостить чашкой кофе. Девушке, естественно, не понравилось такое поведение, и она рассержено зыркнула на него, остановившись у дверей кафетерия.

— Лева, ты извини, конечно, но мне нужно работать, — объяснила она, и хотела уже идти, но мужчина задержал ее, опять хватая за локоть.

— погоди, успеешь поработать, день только начался, — немного нагло проговорил он.

— Вот именно, только начался, а я еще не была на рабочем месте.

— Ты сегодня невероятно очаровательна.

— Спасибо, стараюсь быть на высоте каждый день. А теперь прости, мне пора, — Рита снова попыталась уйти, но Лев, не отпуская, задержал и только ближе подошел к девушке.

— Да не спеши ты, шеф не заметит, что тебя нет, — в голосе мужчины начала проскакивать злость, что еще больше огорчило блондинку.

— Действительно, совсем не заметно, что одной из двух девушек на весь офис нет на месте. Не глупи, пусти меня.

— А если не отпущу? — ехидно прошептал ей у самого уха, и тут же согнулся пополам и ахнул от боли.

Рита не собиралась терпеть наглого подлеца, и уж тем более его слушаться, поэтому ответила на его вопрос своим жестом и, отойдя, произнесла с улыбкой на устах:

— А ничего и не будет! — она видела, как подействовал удар коленкой между ног, и знала, что теперь он точно к ней не подойдет, не говоря уж о хватании за руки.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Никому не позволит обижать себя, а тем более — прикасаться, пока сама не захочет этих касаний. Что этот Лев возомнил себе, неужели думал, что если один раз вчера угостил кофе за обедом, то имеет право вести себя вот так? Как же он ошибся! Насчет Марго ошибся. Как бы ему теперь не пожалеть о том, что просто хватал ее за руку, ведь Макс все видел, наблюдая с противоположной стороны, около лифта. И он был зол, очень. Солжет сам себе или нет, но не только от того, что это была Марго, а сам факт сотрудника поведения с девушкой. Никто не имеет права грубо обращаться с женщиной, какой бы стервой она ни была, только словами мужчина обязан что-то объяснять, только словами.

Маргарита, словно фурия, пробежала мимо Катерины, коротко поздоровавшись и громко хлопнув дверью своего кабинета. Сумка тут же с грохотом упала на стол, а девушка с тяжелым вздохом руками уперлась в деревянную поверхность, опустив голову и на миг прикрыв глаза. Действительно, на миг, потому что тут же в кабинет ворвался ураган по имени Катюша и подлетел к подруге, с тревогой отрывая ту от стола.

— Марго, ты чего? Шеф, да? Уволил, что ли?

Марго только отрицательно качала головой на вопросы девушки, а сама не могла понять, почему находится в ступоре. Какая-то паника на нее нахлынула, или шок. Даже

объяснить не могла.

— А что? Марго, не молчи, прошу, ты же знаешь, как я переживаю, и так вся на иголках уже полтора часа...

— Прости, Катюш, прости, просто сначала это колесо, потом мастер недоделанный, теперь Лев из отдела безопасности.

— А он-то чего?

— Да начал за руки хватать, ну, я ему вlepила между ног, чтобы ручки свои при себе держал.

— Это ты правильно. Молодец! Жаль, Максим Иванович не видел этого, он бы добавил этому льву потасканному. Дедушка говорит, Максим очень справедливый, и еще терпеть не может, когда к девушке применяют грубую силу.

— Это ты мне зачем рассказываешь? — на этот вопрос Катя потупила глазки и неосознанно пожала плечами. Что-то в этом было не так.

— Да, просто, Марго...

— Тогда иди на свое рабочее место, — немного строго проговорила Рита. Подруга кивнула и пошла к двери. — Катюша, — она обернулась, а блондинка ей улыбнулась и подмигнула. — Спасибо.

— Люблю тебя, — прошептала Катя и тоже улыбнулась.

— И я тебя...

Макс пытался работать, перебирал документы, проверял данные в компьютере, курил, пил кофе, снова рылся в бумагах, и так продолжал по кругу. Казалось, что он жутко поглощен изучением важных материалов, но на самом деле из головы все никак не выходила та сцена в холле и этот мудака Лев, который отгребет за то, что посмел хватать Марго своими лапами. Да и девчонка получит, вечно наряжается, как... Как развратница. Он только увидел ее у входа, подумал, что хоть сегодня более прилично оделась, так нет же, повернулась к нему спиной, и у него сердце чуть не остановилось от вида ее изящной спины, которую прикрывала легкая прозрачная сетка. Как он должен работать, зная, что за стеной сидит сексуальная блондинка, практически голая, и иногда курит, эротично обхватывая губами эту долбанную сигарету. Да лучше бы вместо сигареты был его чл... Так, стоп, это уже слишком.

Резко встав из-за стола, он прикурил сигарету и нажал кнопку на телефоне:

— Да, Максим Иванович, — монотонно произнесла секретарша.

— Катерина, вызови ко мне начбеза.

— Одну минутку.

Прервав связь, Макс глубоко затынулся и подошел к окну, глядя на кроны пожелтевших деревьев. Осень наступила месяц назад, а тепло до сих пор не отступало. Впервые за три года теплая осень, как раньше. Точно, раньше лето тут же переходило в зиму, но не в последние годы. А вот помнится осень, когда сентябрь напоминал конец ноября, это было, кажется, в тот год, когда, да, точно, когда он повстречал Риту. Нужно выяснить у нее, что тогда произошло, почему она плакала...

В мысли ворвался стук в дверь, и она тут же открылась, явив его взору Сергея, начальника службы безопасности его компании.

— Вызывали, Максим Иванович? — в кабинет вошел высокий крепкий мужчина, комплекцией схожий с Максом, лет тридцати пяти, со светлыми волосами и голубыми глазами. Мечта любой девушки.

— Вызывал, проходи. Буду краток, Сергей, — произнес Макс и сел в свое кресло,

мужчина же расположился напротив. — Скажи мне, чем занимается твой отдел каждый день, начиная с утра?

— С зарядки, потом занятия по боевой технике, это — если охрана, а те, кто сидит за компьютерами...

— Нет, меня интересует как раз охрана. А охрана дана для чего?

— Чтобы охранять.

— Кого?

— Своих подопечных!

— А твои мужики что делают?

— Не понимаю Вас, Максим Иванович.

— Конечно, нет, — спокойно произнес Максим. — Твои мужики вместо того, чтобы заниматься делами и готовиться, на случай непредвиденной ситуации, пытаются обхаживать наших сотрудниц, причем, совсем некрасиво, понимаешь, о чем я?

— Теперь — да, — немного расстроено произнес Сергей. — Буду исправлять свою ошибку.

— Это не твоя ошибка...

— Максим Иванович, можно? — со стороны смежной двери послышался тонкий голосок, и двое мужчин устремили свои взоры на изящную блондинку.

Сегодня Марго удивляла всех по-новому, облачившись в голубое платье, в котором рукава и спина были сделаны из черной просвечивающейся сетки. Из такой же ткани от поясницы и до пола платье украшал шлейф, ну а весь образ завершали синие лаковые туфли на высоких каблуках, удлинняя и без того длинные ножки. Верхнюю часть волос она убрала назад, прихватив заколкой, а нижнюю оставила волнами спадать по спине и плечам, что придавало шарма статной блондинке.

Она улыбнулась алыми губами и, слегка приподняв подбородок, открыто посмотрела на мужчин:

— Извините, я позже зайду, — и только она хотела выпорхнуть, как ее остановил голос шефа.

— Маргарита Владиславовна, проходите, я практически освободился.

Она кивнула и прошла вглубь кабинета, оставив свои документы на углу его рабочего стола. Начбез встал, чтобы отодвинуть стул для девушки, но она отошла в сторону:

— Благодарю, но я в состоянии сама, — они несколько секунд смотрели друг на друга, а потом каждый сел на свое место.

— Марго, познакомься — это Сергей, начальник службы безопасности, — когда Рита услышала это имя, ее словно водой из ведра окатили, не думала, что оно будет вызывать в ней ощутимую боль.

Нет, Рита никогда за эти три года не избегала мужчин с таким именем, но, признаться честно, оно ей встречается впервые с тех пор. Девушка попыталась взять себя в руки и не выдать свое состояние, но почему-то казалось, что Макс заметил небольшую заминку, но промолчал.

— Это Марго, моя новая помощница, — представил мужчину и снова обратился к подчиненному. — Как ты понимаешь, у нас в офисе не много женщин, и, думаю, не трудно догадаться, о ком я говорю.

Рита протянула руку и взяла сигарету из пачки шефа, которая лежала на столе, прикурила и сделала глубокую затяжку. Двое мужчин глянули на ее манипуляции, причем

каждый со своими мыслями — Макс восторгался ее наглостью, а Сергей — уверенностью. Именно уверенно себя вела блондинка, ни капли не чувствуя скованности или неудобств, она привыкла, что мужчины открыто ею интересуются.

А Макс снова наблюдал за этими губами, сомкнувшимися вокруг сигареты. Зараза, специально, что ли, его провоцирует, или даже не догадывается, как влияет на него ее раскрепощенность?

— Бл*ть, — шепотом выругался Сергей, неосознанно прикрывая рот рукой.

Марго поднялась и прошла к окну, предоставляя двоим мужчинам возможность любоваться ее прекрасной спинкой.

— Сергей, еще один подобный инцидент, и я сам явлюсь на ваши тренировки, а потом еще и вычту из зарплаты! — строго проговорил Вишневский, отвлекая начбеза от разглядывания девушки.

— Кхм, я все понял, Максим Иванович, могу идти?

— Иди!

Мужчина поднялся из-за стола и прошел к двери, остановился и бросил последний раз взгляд на очаровавшую его девушку. А потом Макс и Марго наконец-то остались наедине, при этом каждый был поглощен своими мыслями.

Рита докурила сигарету и расположилась в освободившемся кресле, это ее место, с самого первого дня, а этот... Сергей посмел его занять. Ладно, это она переживет. Взяла документы, принесенные с собой, и хотела, было, их начать листать, как вдруг оказалась повернута к столу спиной и ощутила теплое дыхание Макса у себя на щеке.

— Наглеешь — наглей, но не при посторонних, — от этих слов прошли мурашки по коже, и мужчина тут же отстранился, пройдя к своему рабочему месту.

Блондинка проводила его прищуренным взглядом и непонимающе уставилась, когда он сел за стол.

— А в чем заключалась моя наглость, позволь узнать? Я, вроде, тебе не тыкала, когда мы были не одни.

— Не стоило брать у меня сигареты в присутствии моего подчиненного, — пояснил он и взял ручку, намереваясь что-то черкнуть в заметках.

— Пусть все знают, что ты клеймирован, — будничным тоном ответила Рита.

— Марго, такого слова нет в русском языке.

— Есть.

— Нет.

— Есть, — настаивала девушка на своем, выводя мужчину на эмоции.

— Нет, — продолжал утверждать Вишневский.

— Будет.

— Ты таким поведением ищешь неприятности на свою попу.

— Каким поведением?

— Развязным! Раз-вяз-ным! Прекрати со всеми флиртовать.

— Ревнуешь, что ли?

— Ты слишком самоуверенная. Была бы проще, уже бы замуж взяли...

— Я в силах сама постоять за себя.

— Верю, но...

— Ой, Господи. Да куплю я тебе пачку сигарет, — психанула она и хотела идти в свой кабинет за сумочкой, но была остановлена мужскими руками. Что сегодня за день такой?

Все ее хватают.

— Стой, — прошептал ей в ухо и руками притянул к себе, нежно касаясь живота.

— Тоже хочешь получить между ног?

— Между твоих — да, — томно ответил мужчина и слегка прикусил ей мочку уха, отчего Рита рвано вздохнула, и тут же вырвалась из объятий.

— Это я тебе сейчас между ног заеду так, что ходить не сможешь! — повысив голос, предупредила девушка, едва не пристукивая каблук.

— Какая же ты стерва, Марго, — открыто, что она видит впервые, улыбнулся Макс и вернулся на свое место. — Катюша, принеси две чашки кофе, — проговорил, нажав на кнопку селектора.

— Какая есть, такую и принимайте. Я принесла Вам документы по заказу тканей и их образцы, — немного небрежно кинула ему папку и сомкнула руки в замок.

— Это могло подождать и до понедельника, ведь заказ будет не раньше вторника, — предупредил Макс, но черную папку открыл, бросая взгляд на красивую бордовую ткань с едва видимыми элементами узоров на ней.

— Мне, что, приходиться на работу и просто сидеть? — рассерженно поинтересовалась девушка и тут же замолчала, потому как в кабинет вошла Катерина.

Пока секретарь расставляла чашки, они молчали, Марго только улыбнулась подруге. Та немного смутилась и передала Максиму Ивановичу какой-то документ.

— Спасибо, Катюша, можешь идти, — сказал шеф. Девушка, кивнув, покинула кабинет.

Марго сделала глоток горького напитка и с удовольствием прикрыла глаза, но чего-то ей все же не хватало — точно, сигареты.

— Сигарету можно?

— Теперь ты спрашиваешь? Наедине? Серьезно?

— Зажал, так и скажи.

— Ты много куришь, Маргаритка, — посетовал Макс, качая головой из стороны в сторону.

— Не смей меня так называть, а тем более указывать, что делать.

— Повторяешься, ну ладно. Тогда я буду звать тебя Цветочек, и этого ты мне не запретишь.

— Много чести, — она сделала еще один глоток и, не дожидаясь ответа, прикурила, тут же почувствовав себя замечательно.

— У тебя вкусные духи, лучше бы ты пахла только ими.

— Благодарю, но и с этим разберусь сама...

Вишневецкий тоже прикурил, выпуская дым в сторону и любуясь красивым лицом наглой девчонки, ему нравилось, как она себя вела. Естественно, без каких-либо масок и игр, она настоящая, не притворяется. Нравилось, что на белой чашке остается след ее губ, а ему так хотелось снова попробовать их на вкус, впиться сладким поцелуем, но он держался. Знал, что не сможет остановиться, вчера и так слишком далеко зашел, а потом всю ночь не спал, не в силах выбросить из головы стоны этой страстной барышни. Ему казалось, что даже вкус ее до сих пор остался у него на губах.

— Почему ты тогда ушла? — вдруг задал вопрос Максим, а Рита никак не ожидала его услышать, не сейчас, да и вообще не думала. Не знала, что должна ответить.

— Что ты имеешь в виду? — сделала вид, будто не поняла, о чем он спрашивает, и затаилась сигаретой.

— Ту ночь, почему утром ты сбежала? Испугалась?

— Тебе что, плохо? Никаких претензий, упреков, переспали и разбежались.

— Ты не похожа на ту, которой так просто переспать с незнакомым мужчиной.

— Ты представился, и мне этого достаточно.

— Колючий Цветочек...

Их разговор прервал звонок телефона Макса, и он, извинившись, ответил на вызов, потушив в пепельнице докуренную сигарету.

— Да, мама, привет...

От этих слов у Риты больно кольнуло сердце, и, вдавив свой окурок в ту же пепельницу, она молча покинула шефа, отправляясь в свой кабинет. Сколько бы лет ни прошло, а боль все так же сильна, все так же беспощадно бьет, никуда не уходит, не хочет покидать истерзанную душу. Этому взрослому сильному мужчине тоже звонит мама, заботится, беспокоится о нем, любит, а что есть у Риты?.. У нее есть она, и все. Да, Константин Вениаминович с Катюшей, но у них своя семья, и девушка никогда не приходит к ним на большие семейные праздники. Не хочет заново беречь раны, предпочитая оставаться наедине в своей квартире, с включенным телевизором или музыкой. Так проще, так легче.

Она никогда не знала, что такое большие семейные праздники. Только пока была замужем, они собирались втроем — Рита, Сергей и Алиса, а так, чтобы полный круг родственников — нет, такого в ее жизни не было. И не будет. Никогда.

Был еще один человек, пожалуй, самый важный на данном этапе ее жизни, но у него тоже своя семья, и, что ни на есть, самая настоящая. Но ей ли жаловаться на свое одиночество, ведь если бы не этот мужчина, неизвестно, была бы она жива, или нет. Он — словно подаренная Богом путевка в ее новую жизнь, и Марго до конца своих дней будет безумно благодарна Ивану Сергеевичу.

— Катерина, а где Марго? — грозно поинтересовался шеф, пройдя в приемную к секретарше.

— Эм, Максим Иванович, она позвонила мне и сказала, что берет отгул за свой счет, — неуверенно начала Катя, глаза метались из стороны в сторону, а потом она и вовсе схватилась за какую-то папку, чтобы не показать своего волнения. Поздно, он все заметил.

— А в чем причина ее отгула? — ничего не понимая, продолжил допрос Вишнеvский, но девушка молчала, и казалось, она полностью погружена в чтение документа. — Катюша, я все еще жду.

— Марго плохо себя чувствует... — тихонько произнесла девушка, но взгляд от бумаг не оторвала.

— Что с ней?

— Максим Иванович...

— Что с Марго? Катя? — четко задал вопрос.

— Ну, это слишком личное, — совсем неуверенно ответила Катя.

— Я слушаю.

— Я не буду говорить!

— Уволю.

— Увольняйте.

Макс тяжело вздохнул и двинулся в сторону Кати, обходя полукруглый стол, намереваясь добраться до девушки и припугнуть ее, не серьезно, конечно, но все же.

— Максим Иванович, что Вы...

— Говори...

— Фуф, ну, красная армия у нее.

— Чего??? — недоуменно поинтересовался шеф, остановившись на углу стола.

— Господи, Максим, ты че, — она кулачком постучала по своей голове, — Красное знамя, тетка из Краснодара приехала, красный флаг...

— Катя, с тобой все в порядке, или тебе тоже плохо? — как-то удивленно спросил мужчина, не понимая тонких намеков.

— Нет, ну, с ума можно сойти. Дни у нее, понимаете? Те самые, раз в месяц!

— Месячные, что ли? — практически шепотом уточнил Макс, смотря на нее, как на ненормальную.

— Ну!

— Прямо сказать нельзя? Так, стоп, а что, из-за этого и на работу не ходить?

— В такие дни Марго очень плохо себя чувствует, и поверьте, ей действительно лучше находиться дома в объятиях кровати.

Мужчина как-то задумчиво глянул на секретаршу, приложил кулак к губам, а потом неожиданно спросил:

— У тебя есть запасные ключи от ее квартиры?

— Есть, — мгновенно ответила та.

— Давай.

— Чего??? — таким же тоном, как недавно шеф произнес, спросила Катя, неосознанно вытаращив глаза и хлопая длинными накрашенными ресницами.

— Ключи, — спокойно попросил он и протянул правую руку, ладонью вверх. — Считаю до трех...

Катя, не думая, залезла в сумочку и нашла там небольшую косметичку, из нее выудила ключи от квартиры подруги и вложила в ладонь Макса. Он тут же сорвался с места, абсолютно не понимая и даже не думая, что с ним происходит, и быстрым шагом направился к лифту.

— Максим Иванович, Академическая, тридцать семь, второй подъезд, пятый этаж.

— Спасибо, Катюша, ты прелесть.

Он не знал, что делает, и зачем, на данном этапе Максим просто хотел увидеть ее, увидеть Марго и услышать едкое замечание, а главное — убедиться, что с ней все хорошо. Нет, мужчина не влюблен, это он знал точно, но Марго ему нравилась — однозначно. Что особенного в ней? Внешне — да, она красива, безумно, от нее веет шармом, изысканностью, но не это зацепило мужчину. Внутренний мир, который он успел заметить в красивой блондинке. Она показывала свою развязность, наглость, но глаза, голубые чистые глаза, они прекрасно открывали ему душу. Она добрая, просто со своими колючками, но никогда не стесняется делать то, что ей хочется. Даже тогда, три года назад, она была в отчаянии, но сделала то, чего ей так хотелось, и Макс не знал, мстила она таким образом мужу, или просто захотела расслабиться. Сейчас это неважно, теперь неважно.

Он сорвался, ему необходимо было поехать к ней, именно сейчас, ведь привык полагаться только на себя, редко доверяя важные дела посторонним. А Рита была ему важна, почему-то — да, важна, и не мог он спокойно пойти в кабинет и засесть за очередной заказ, мало ему было слов Кати. Мало. Должен убедиться лично.

Конечно, Максим знает о женских днях, и о том, что это вызывает некий дискомфорт, но на этом его познания ограничиваются, что, в принципе, не удивительно. Но чтобы вот так женщине было плохо, что она не в состоянии прийти на работу, об этом он слышал впервые. Дело не в том, что она не пришла на работу, а в том, что Марго не пришла, а без нее офис уже не тот, теперь там скучно, если сексуальная блондинка не пройдет перед его глазами. И это только три рабочих дня.

Мужчина уже стоял у двери квартиры и нажимал на звонок, первый, второй раз. И когда после третьего ему никто не открыл, решил воспользоваться одолженным ключом. Повернув его два раза, Макс оказался в просторной светлой прихожей, и тут же услышал едва различимый шепот за спиной. Он обернулся, если правильно судить, в сторону спальни.

— Что ты здесь делаешь?

Марго стояла полусогнутая, левой рукой буквально держась за стену, а правой обнимая себя за живот. Лицо было хмурое, взгляд поникший, весь ее вид выдавал плохое самочувствие.

— Пришел тебя навестить, — ответил то, что считал нужным, и снял туфли, затем пиджак, вешая его в шкаф.

— Я не нуждаюсь. Закроешь дверь, как будешь уходить, — и кое-как развернувшись, Рита все так же по стеночке вернулась в спальню, снова почувствовав себя хуже.

Естественно, Макс не собирался ее слушать и уходить, он пришел не просто глянуть на беспомощную девушку, а хотел помочь, если это понадобится. Но, увидев ее, понял, что теперь точно никуда не денется, а посмотрит, что можно для нее сделать.

Найдя ванную, спокойно вымыл руки, после чего отправился в спальню, поинтересоваться, нужно ли Марго что-то, но когда он вошел в такую же светлую, как и

прихожая, комнату, замер около двери, не в силах сделать и шага. Свернувшись в маленький клубочек, в шелковой золотистой пижаме, Рита спала, периодически морщась от вызываемой боли. Максимум хотелось подойти и обнять ее, чтобы хоть немного уменьшить страдания, но, сдержав свой порыв, лишь взял плед, который был на кровати в ногах девушки, и, расправив его, заботливо укрыл кошечку. Сейчас именно ею она и была, как тогда, в прошлом, без колючек и язвительности, простая, спокойная и такая хрупкая.

Глубоко вздохнув, почувствовал нежный аромат духов, ее запах, какой он теперь слышал каждый день, стоило только Марго появиться в кабинете. Он улыбнулся, посмотрел на тихо сопевшую блондинку и, тихонько прикрыв дверь, отправился на поиски кухни. Ему понравилась квартира, одна спальня, гостиная, прихожая и кухня, казалось бы, небольшая, но все комнаты были просторные и светлые, минимум мебели, только все самое необходимое, но роскошное. Что-что, а роскошь Марго любила, это он заметил при первом ее появлении в офисе, ведь сама она являлась эталоном роскоши. Красиво у нее, из такой квартиры даже уходить не хочется, хотя и нельзя сказать, что здесь обжито и уютно, как должно быть там, где присутствовала женщина. Нет, Марго не была домохозяйкой, явно.

Войдя в кухню, под ногами Макс почувствовал тепло, так же, как и в ванной, пол с подогревом. Девочка явно о себе заботится, что не может не радовать. Еще его улыбнул момент в ванной, когда он мыл руки и обернулся, за приметив в зеркале висящие на батарее маленькие трусики, красного и черного цвета. Как бы он сам хотел снять с девушки их, для того чтобы свободно ласкать, пробовать ее, не так, как в кабинете, а на всю катушку наслаждаться, чтобы и стоны удовольствия, и выкрики его имени.

Прогоняя мысли, Максим подошел к холодильнику, и, поняв, что ни на обед, ни на ужин там ничего нет, он решил похозяйничать, предварительно позвонив Катерине.

— Да, Максим Иванович, — ответила его секретарша.

— Катя, а расскажи мне, что твоя подруга любит...

— Мужчин! — резко перебила его, не дав договорить.

— Ну, слава Богу, — словно выдохнув и обрадовавшись, ответил Макс. — А из...

— Секс, — снова перебила.

— Круто.

— Только попробуйте ей что-то сделать!

— Ты меня за кого принимаешь, Катерина? Ты же и слова не даешь вставить.

— Фу, как пошло, Максим...

— Замолчи и ответь на мой вопрос. Что Марго любит из еды? — после его слов повисло молчание, тогда он глянул на экран, думая, что связь прервалась, но нет, Катя все также была на вызове. — Катя, ты оглохла? — снова молчание. — Нужно будет сменить секретаршу.

— Вы мне сказали замолчать, — обиженно, но, в то же время, гордо ответила Катя.

— На этот вопрос можно ответить, — он тяжело вздохнул и принялся слушать.

— Тогда записывайте!

— Катюша, а что это ты такая разговорчивая?

— А ты же не на рабочем месте, значит, можно.

— Ну, подожди у меня, скоро приеду. А теперь внимательно слушаю.

— Ладно. На первое Марго любит суп с добавлением сардин, просто обожает, и чтобы по соли было хорошо, недосоленное сам будешь жр..., кхм, сами будете кушать. На второе, ну, здесь побольше, овощное рагу любит, жареную картошку, такую прямо, хрустящую, но

это — когда ее немного, и чтобы тоже соленькая, яичницу с беконом употребляет, но соль просто по вкусу, что же еще...

— Что на десерт?

— Вы что, готовить умеете?

— А я, по-твоему, безрукий?

— Нет, но...

— Катя, мне тридцать семь лет, я живу один, по-твоему, мне кто готовит?

— Ну, домработница, люб...

— Не держу таких. Продолжай, — теперь он перебил девушку, мешай той наговорить глупостей.

— Десерт, не, ну, тут я не знаю, она много чего сладкого любит.

— А по ней и не скажешь.

— Ну, так, спортзал творит чудеса. Что есть в холодильнике?

— Тебе все содержимое перечислить?

— Нет, только то, что можно использовать для десерта.

Макс прошел к холодильнику, отделанному под шкаф, и, открыв дверь, принялся тщательно рассматривать контейнеры и судки.

— Есть сгущенка.

— Далеко не уедешь...

— Масло сливочное.

— Можете масло полить сгущенкой, а сверху...

— Катя!

— Ладно-ладно. Скучный!

— Есть творог.

— Ой, Максим Иванович, вот это она любит больше всего. Или запеканку, или сырники, а еще поищите в кухне изюм или курагу, если вдруг решитесь печь запеканку. Вообще любит молочные продукты, но кофе с молоком терпеть не может.

— А чай?

— Аристократка, — Катя похихикала и тут же добавила. — Только учти, молоко с чаем, а не чай с молоком.

— В чем разница?

— Нужно сначала несколько ложек молока налить в чашку, желательно не кипяченного, а просто разогретого, и только потом доливать чай, так правильнее и вкуснее.

— Понял, это все?

— Оладьи печеночные.

— Я имел в виду десерт, но спасибо.

— Главное, не траваните наш цветочек.

— Полный офис язв.

— До свидания, Максим Иванович. И, да, чашку перед этим нагрейте, — и она сама сбросила вызов, чтобы не нарваться на строгого шефа.

Отложив телефон, мужчина тяжело вздохнул и первым делом залез в морозилку, печенки там не обнаружил, а вот кусочек свинины очень даже пришелся кстати. Набрав в найденную миску горячей воды из-под крана, положил туда мясо, нашел нужные овощи и принялся за дело. Раз Цветочек любит овощное рагу, тогда он его приготовит, но, все же, добавит немного мяса.

Когда овощи были готовы, Макс взялся за мясо, которое успело разморозиться, и нарезал на небольшие кусочки, обжарил их на отдельной сковороде, а потом, когда рагу было практически готово, все смешал и оставил на тихом огне томиться.

— Так, что у нее здесь с консервами, — на дверце лежала пара баночек, и найдя нужную, он прихватил с собой.

Поставив на плиту кастрюльку с водой, принялся чистить картошку, когда услышал тихие неуверенные шаги, которые выдавали присутствие хозяйки.

— Почему ты еще не ушел? — совсем тихо спросила девушка.

Лицо ее было очень бледным, в глазах — усталость и боль, пальчики на ногах поджаты, а правой рукой старалась держаться за стул, который был задвинут под стол.

— Я не могу оставить свою сотрудницу голодной, — ответил и быстро сполоснул руки, выключил газ, и как раз вовремя подошел к Марго, которая уже начала оседать на пол. — Что же ты, девочка, не бережешь себя совсем?

Он подхватил ее на руки и быстро отнес в кровать, снова укрыл тем же пледом и присел на пол, пальцами убирая прядки с красивого лица.

— Ну, что это ты совсем расклеилась, а? — так нежно, в непривычной ему форме, задал вопрос, что даже в своем состоянии Рита почувствовала приятные мурашки по телу.

— Это нормально, так всегда у меня, — буквально прохрипела, прикрыв глаза.

— А врачи что говорят? — он погладил ее по лбу, не в силах прервать прикосновения к нежной коже.

— Ты не поймешь этого, но они меня лечат, уже почти три года, — она горько усмехнулась и добавила: — Только все без толку.

Девушка снова хотела подняться, но Макс остановил ее, руками немного надавив на плечи:

— Лежи, не вставай.

— Мне нужно выпить таблетку.

— Я принесу, какую?

— Поищи в кухне в ящике справа от мойки, солпадеин, он более или менее помогает.

Макс быстро нашел таблетку, растворил в воде и принес Рите и, чтобы удобно было пить, приподнял ее, и даже придержал стакан. Когда лекарство было выпито, он, не думая ни секунды, прилег рядом, за спиной девушки, и буквально уложил ее на себя, а сам правой рукой принялся гладить ей живот. Через плед, но она прекрасно ощущала его тепло.

— Господин Вишнеvский сегодня наглый, — хмыкнув, прошептала Рита, но руку его не убрала.

— Я же не на рабочем месте, значит, можно, — ответил он словами Катерины. — Слова твоей подруги.

Рита хотела глянуть на него, но мужчина снова не дал пошевелиться, а лишь крепче прижал к себе.

— Засыпай, мне еще суп варить.

— Я люблю с сардиной, — жалобно прошептала она и, наконец-то, прикрыла глаза, получая удовольствие от его поглаживаний.

— Знаю. Спи.

Максим продолжал свои действия, и не мог отрицать, что ему приятно вот так просто лежать с девушкой, и не с абы какой, а именно с Ритой. Она прекрасна в своем домашнем обликии, но омрачало ее состояние, которое просто его убивало. Такая хрупкая, что хочется

вот так весь вечер пролежать с ней, обнимая и глядя животик, хоть немного успокаивая боль. Сейчас в Максе не было той похоти, которую он испытывал в ее присутствии, сейчас он просто хотел защитить Марго от всего мира.

Спустя минут двадцать, убедившись, что она уснула, мужчина очень осторожно выбрался из кровати и покинул спальню, отправившись готовить. Это дело он в действительности любил и часто практиковал дома, для себя, а вот девушку кормить он будет впервые. И это ему тоже нравилось. Только не до конца понимал, что именно — то, что будет кормить девушку своей стряпней, или заботиться о ней же. Если бы мама узнала, то, наверное, в обморок упала, и тут же женила его, что давно хочет сделать, а сын все никак не поддается.

Марго так легко убаюкалась в его объятиях, что даже не заметила, как уснула под теплые и нежные поглаживания. Открыв глаза, обнаружила, что за окном уже вечер, и, немного потянувшись, поняла, ей стало на какую-то долю легче, и кто знает, от поглаживаний этого мужчины, или это подействовала таблетка?

Поднявшись с кровати, Рита сходила в ванную, а выйдя в прихожую, почувствовала изумительный запах ее любимой запеканки. Улыбка сама собой появилась на лице, а ноги понесли в кухню, отменяя мысли о том, почему Максим помогает ей.

— Ты что, повар? — поинтересовалась она, войдя в кухню.

— Нет, но готовить люблю, — Макс заметил, как девушка стреляет глазками в сторону духовки и улыбнулся, довольный, видя хоть небольшой, но блеск в ее глазах. — Это именно то, что ты любишь, — она удовлетворенно кивнула и присела напротив него. — Как самочувствие?

— Спасибо, немного лучше, — он тоже кивнул, и между ними повисло молчание.

Наверное, минут десять они смотрели друг другу в глаза, в такие одинаковые голубые глаза, и в то же время абсолютно разные, смотрели и думали каждый о своем, пока не проиграла мелодия на духовке, оповещающая о том, что запеканка готова.

Максим сам достал форму и поставил на подставку, чтобы десерт немного остыл.

— Сейчас будем ужинать, — оповестил мужчину и начал наливать суп в тарелки.

— А что в той кастрюльке? — с любопытством поинтересовалась Рита, кивая головой на плиту.

— Овощное рагу.

— Максим, откуда ты знаешь мои любимые блюда?

— Я экстрасенс.

— Значит, Катя.

— Она из чистых побуждений. Держи, — Макс поставил перед ней тарелку с супом, и девушка с огромным удовольствием вдохнула аромат сардины.

— Господи, непередаваемый запах, думаю, и на вкус также. Ложку подашь? — немного поморщившись, наверное, от очередного приступа боли, Рита все же улыбнулась, довольно сверкнув глазами.

— Садись поудобнее, буду тебя кормить, — и, устроившись рядом с ней, он набрал ложку супа в ее тарелке и поднес к красивым губам, которые сегодня наконец-то сверкали своей естественной красотой.

— А себе почему на налил? — неожиданно спросила Рита, как только собралась съесть предложенное Максимом.

— Я успею, а ты ешь, — она все-таки попробовала и прикрыла глаза. Очень любила суп с сардиной, а у этого мужчины явно талант, потому что ей показалось, что в его приготовлении это намного вкуснее.

— Очень вкусно, — скромно ответила и продолжила кушать из его рук.

Марго было неудобно находиться в таком положении, слишком она привыкла к одиночеству, а Катя, которая часто оставалась ночевать, не вызывала в ней таких чувств, по понятным причинам. Привыкла ночевать без мужчины, привыкла сама готовить. Что ее больше всего удивило — шеф готовит ужин для своей подопечной, хотя, какой он шеф. Точно не здесь, не в ее квартире.

Марго съела еще пару ложек супа и отодвинула тарелку:

— Что такое?

— Хватит, а то я не смогу попробовать рагу и запеканку, — нежно улыбнулась и немного поморщилась, почувствовав легкую боль внизу живота.

— Хорошо. Сейчас насыплю, — согласился мужчина и заметил ее маневр, но промолчал, считая, что в первую очередь ужин, а потом таблетка.

— Только немного.

Макс прошел к плите, а девушка начала рассматривать его, не в силах оторвать взгляд. Красивый, сильный, накачанный, высокий, всего в нем было в достатке, он излучал своим телом мощь, а глазами выдавал серьезность. Нравился и пугал одновременно, и если нравился он ей — как внешностью, так и внутренним миром, который сегодня продемонстрировал ей своим поступком, то и пугал ее именно вторым. Да, он продемонстрировал хорошие качества своей души, но в людях так часто встречается и другая сторона, об этом она знает не понаслышке. И сейчас боялась, что в любой момент Максим может показать ей другую сторону, которая ее снова покалечит, и она не знала, как вырвать из себя эти сомнения.

Пока девушка ела рагу с мясом, Макс уплетал суп, а потом они вместе принялись пить чай.

— Почему ты не ешь рагу? — поинтересовалась она, наблюдая, как мужчина достал вторую чашку.

— Не очень люблю его, — ответил, не оборачиваясь.

— Давай, я пока запеканку порежу, а ты приготовь чай.

— Держи, — он подал выпечку и нож, а сам начал нагревать чашку, и ей показалось, что для него это обыденная работа, которую он делает с завидной регулярностью.

— Где ты научился так готовить?

— Давай вопрос на вопрос? — предложил Максим.

— А что, если я не захочу отвечать на один из них?

— Тогда ты не будешь этого делать, — после его слов на столе появилось две чашки, только у Макса был обычный черный чай, в отличие от Ритино, которая просто обожала этот напиток только с молоком.

Мужчина подал одно блюдо и вилку и расположился с другой стороны от Марго.

Девушка положила себе кусочек запеканки и полила сгущенкой.

— Какая красота, с курагой, — она отломил вилкой кусочек сладости и, прикрыв глаза, положила в рот.

Сколько бы она ни ела творог, ей казалось, что никогда не наестся, просто невозможно оторваться от вкуса молока и фруктов, соединенных в этом маленьком пироге.

— Вкуснотища, — прожевав, пропела она, и снова отломил кусочек, макнула его в сгущенку, и посмотрела на мужчину. — Запеканку ты тоже не любишь, правильно?

Он кивнул и сделал глоток чая, пристально рассматривая блондинку. В ней сейчас не было того блеска, который ей присущ, и пусть в те моменты она стервозна, но счастлива, и ему этого сейчас не хватало.

— Так, что насчет моего вопроса? — все же поинтересовалась Рита и сделала глоток своего ароматного чая.

— Когда я начал жить сам, в первое время звонил маме, она по телефону рассказывала, что и как делать. Иногда мог раз десять позвонить за время приготовления одного блюда, а порой мама хотела сама приехать ко мне, чтобы помочь, но я отказывался, ссылаясь на то, что постоянно приезжать она не сможет. А кушать хочется каждый день, и желательно несколько раз, а ресторанный пищу я не приветствую.

— А почему ресторан под запретом?

— Это была моя очередь задавать вопрос, — он улыбнулся ей, по-доброму, и от этой улыбки вдруг стало так хорошо и по-домашнему, обоим.

— Прости, — смущенно ответила девушка и отпила чай, пряча глаза в чашке.

— Ничего. Чем любишь заниматься, может, какое-то хобби?

— Чего-то определенного нет, музыку люблю, классическую, чтобы можно было расслабиться под нее в ванной, наполненной пеной, — тут она немного покраснела, и откуда это вдруг в ней взялось, но, стараясь не акцентировать внимание, перевела тему. — На роликах кататься люблю и по набережной гулять.

— Разносторонняя.

— Абсолютно нет. Теперь мой вопрос. А когда с девушками жил, кто готовил?

— Я не жил с девушками, никогда. Еще не встречал ни одну, которой бы доверил стены своего дома.

— А хотел бы?

— Мне тридцать семь, как ты считаешь, — она сделала глоток чая и отломил кусочек запеканки, молча съела и снова отпила из чашки, прекрасно понимая, что ответа он не ждет. — Почему в твоём рационе нет дорогих продуктов?

— Нужно уметь получать удовольствие в малом, не раздумывая, ответила правду.

— Но если есть возможность, зачем отказывать себе?

— Я не буду отвечать, ладно?

— Конечно.

— Какая твоя самая большая слабость? — задала следующий вопрос.

— Смотря, что ты имеешь в виду... — здесь он игриво улыбнулся и отпил из своей чашки.

— Не знаю, ну, что ты любишь больше всего? Я говорю не о родных. Может быть, еда или еще что-то...

— Женщин, а вернее — секс с ними. — Марго замерла и наконец-то отодвинула тарелку. — Но в последнее время я начинаю сомневаться в этом.

— В смысле? — непонимающе уставилась на мужчину.

— О нет, девочка, я не о мужчинах, — улыбаясь, ответил он, а Рита выдохнула громко и улыbnулась. — Просто с твоим появлением в офисе мне начало безумно нравиться нижнее белье, особенно те трусики в ванной на батарее.

Девушка буквально залилась краской, и, насколько позволяли силы, быстро встала со стула, намереваясь убрать белье, хотя, был ли теперь в этом смысл?

— Успокойся, я ничего не трогал, — он перехватил Риту за руку и тут же усадил к себе на колени.

— Пусти, мне некомфортно, — неуверенно попросила, отворачиваясь.

— Прости, — понял, о чем она говорит, и ослабил хват. — Присядь, — попросил Макс, она пересела на свой стул, уверившись, что все хорошо, а он спросил. — Почему ты развелась с мужем?

Марго резко посмотрела в голубые глаза и поняла, что больше не хочет играть в вопрос — ответ, не хочет заходить так далеко, и уж тем более — беречь раны.

— Я не буду отвечать, и вообще, я думаю, что тебе пора уходить, уже поздно. — Вишневский даже не пошевелился, продолжая так же пристально смотреть в ее глаза. — Извини.

Она вышла из кухни, не в силах совладать с собой, и отправилась в спальню, чтобы скрыться подальше от чужих глаз и не показать свою слабость, ведь этот человек и так слишком много увидел.

Утихшая было боль снова начала возвращаться, еще там, в кухне, и Марго выпила таблетку, уже мечтая поскорее вернуться в свой привычный образ, где нет места незащитной Рите.

Посетив ванную комнату, она даже не обратила внимания, ушел ли ее спаситель, а, переодевшись в ночную пижаму, с удовольствием легла под теплое одеяло, и уже через несколько минут уплыла в царство Морфея.

Максим подождал, пока Марго уснет, и только тогда ушел, но лишь для того, чтобы съездить домой за кое-какими вещами. Не совсем комфортно было находиться в строгом костюме, да еще и целые сутки, поэтому ему понадобились штаны с футболкой, а дома он переоделся в джинсы и свитер. Позвонил отцу, предупредил, что все хорошо, а потом отправился в магазин, чтобы утром он мог приготовить завтрак Цветочку.

Мужчина заметил, как Рита занервничала после его последнего вопроса, и не мог понять, что именно вызвало такую реакцию. Неужели она до сих пор страдает, или любит своего бывшего мужа, в чем причина ее беспокойства? Он очень хотел об этом узнать, но не смел спрашивать и дальше, ведь девушка отказалась отвечать, значит, были на то причины, но он узнает, позже, обязательно узнает. Максим вообще заметил, что после пребывания в ее квартире все больше хочет узнать о Марго, чем она живет, увлекается, что любит, помимо запеканки и супа, а еще так же интересно, почему не захотела отвечать на вопрос о продуктах. Эта девушка — сплошная загадка, но он все сделает, чтобы ее разгадать.

Набрав достаточно продуктов и подойдя к кассе, Максим взглядом зацепил одну маленькую вещицу, по сути, как-то по-детски, но он не смог ее не купить. Прихватив ее с собой, он расплатился с кассиршей и отправился к девушке, которая сладко посапывала в своей большой кровати. Она ведь и не подразумевала, что он останется ночевать в ее квартире, ляжет, конечно, в гостиной, а утром пораньше нажарит ее любимых сырников.

Открыв дверь, он услышал тишину, осторожно, стараясь не шуметь, отнес продукты в

кухню, а сам вернулся в гостиную, чтобы переодеться. На улице давно уже потемнело, и сейчас в окно светили уличные фонари. Максим подошел ближе и немного отодвинул красивую вышитую штору, открывая своему взору шикарный вид ночного города. Все буквально мерцало огнями и блестело от недавно пролившегося дождя, пожелтевшие листья только начали опадать, кружа над городом и создавая вид льющегося танца.

Теперь, находясь в домашней одежде, он чувствовал себя, как дома, и, вымыв руки, с радостью отправился разбирать покупки. Все разложив по полочкам, сварил себе кофе и впервые за целый день прикурил долгожданную сигарету, удобно расположившись на стуле возле окна. На столе перед ним стояла чашка с кофе, пепельница и эта детская вещичка, которая побудила его к бредовому поступку, который непонятно по какой причине вызывал улыбку. Сделав глоток, Максим вспомнил первое появление Марго у себя в кабинете. Она была полна наглости и решимости, возможно, именно это его и зацепило в ней, ведь действительно, остальные часами, а то и днями выжидали в приемных, чтобы встретиться с ним лично. А эта девочка не стала никого слушать, а пошла напролом, не боясь попасть под его горячую руку, да еще и вырядилась, вроде, как полагает, в юбку и блузу, так нет же, сексом от нее так и веяло. А уж когда он увидел чулки с подвязками, тогда его точно прорвало, как будто мир перевернулся, грозя никогда не вернуться в прежнее русло. Очередная затяжка принесла с собой вкус дыма и некую расслабленность, он улыбнулся, снова смотря на маленький сувенир, допил кофе одним глотком, потушил окурок в пепельнице и, схватив покупку, отправился в душ.

Утром Марго почувствовала себя гораздо лучше, но боль до конца еще не утихла, она все же решила сегодня еще отлежаться, но перед этим обязательно позвонить Максиму.

— Слушаю.

— Максим... Иванович, — она даже сразу не сообразила, как к нему обращаться после случившегося, но попыталась быстро исправиться. — Звоню, чтобы предупредить, я сегодня еще дома побуду, если вы не против.

— Я не против, — ответил он, уже зайдя в ее спальню.

Рита непонимающе посмотрела на него и убрала телефон от уха, отбрасывая его на кровать, сдула волосы с глаз и, улыбнувшись, вздохнула.

— Что, не ожидала меня здесь увидеть? — Максим прошел к окну и распахнул шторы, позволяя утреннему свету залить спальню.

Марго немного поморщилась и руками пригладила волосы, стараясь, таким образом, навести порядок на голове.

— Я так понимаю, ты и не собирался уходить. — Он присел рядом с девушкой и тепло посмотрел в голубые глаза.

— Даже не думал. А теперь в душ, и завтракать, — Рита недоверчиво посмотрела на него, но с кровати поднялась, прихватив из шкафа теплый халат.

— Мне кажется, второй день без шефа компания не сможет, — пробубнила она и скрылась за дверью.

Макс улыбнулся и тоже вышел за дверь, направляясь в кухню, чтобы сварить кофе для завтрака. Сырники уже стыли на тарелке, себе мужчина пожарил омлет, а для Риты к сырникам купил абрикосовый джем и сметану. Насчет работы он не переживал, уже утром позвонил Глебу и попросил его позаботиться о насущных делах, и если что, сразу же звонить. Не хотел он сегодня бросать Риту, хоть ей было значительно лучше, и на лицо вернулся румянец, а рисковать не мог, боялся, кто его знает.

После завтрака девушка приняла таблетку, Максим заказал пиццу, и они удобно расположились в гостиной перед телевизором, примерно так и проведя весь день. Марго периодически засыпала на его плече, а просыпаясь, отодвигалась подальше, вдруг неожиданно чувствуя себя неудобно.

В среду Маргарита вышла на работу, в привычном своем образе, без намека на вчерашнюю скромную и хрупкую Риту. С Катей они созванивались эти два дня, и та интересовалась, нужно ли ей что-нибудь, на что блондинка только отнекивалась и продолжала болеть в приятной компании Максима. А вот самого мужчину она поздно вечером отправила домой, заверив его, что прекрасно себя чувствует, и, в случае чего, обязательно позвонит. Утро провела именно так, как любит, в гордом одиночестве, с сигаретой и чашкой кофе на излюбленной лоджии, и все же один момент прибавил ей настроения. Маленький игрушечный зайчик стоял на полочке возле зеркала в ванной и мило улыбался, подмигивая одним глазом. Конечно, она поняла, откуда это чудо, и тепло улыбнулась, безмерно любя мягкие игрушки, ну и что, что он маленький, главное, что это подарок.

Потом наступил ответственный момент выбора очередного сексуального наряда, для встряски нервов Максима Ивановича. И вот под руку попался изумительный брючный костюм черного цвета, как раз подходящий для дождливой погоды. Брючки прекрасно подчеркивали округлую попку и длинные стройные ноги, а жакет, застегивающийся лишь на одну большую пуговицу, шикарно выделял грудь своим большим вырезом. Впереди, вдоль лацканов и на манжетах рукавов в виде декора были также пришиты красивые массивные пуговицы, а по бокам расположены карманы-обманки.

Строго и сексуально, практически не к чему придраться, по крайней мере, так думала Рита. А вот Макс, сам не зная, почему, ожидал встретить сегодня совсем другую Марго, более приветливую и спокойную, но понял, что ошибся, стоило ему только войти к ней в кабинет, где девушка уже изучала документы для заказа материалов.

— Доброе утро. Как твое самочувствие? — поинтересовался он с улыбкой и нажал кнопку вызова. — Катюша, принеси нам с Марго кофе.

— Хорошо, Максим Иванович, — послышалось из динамика.

— Доброе утро. Самочувствие прекрасное, спасибо, Максим Иванович, а теперь, если позволите, я бы поработала, все-таки два дня меня не было на рабочем месте.

— Меня тоже, Марго, и для начала мы выпьем кофе, а потом приступим к работе, — девушка согласно кивнула и достала сигарету, прикуривая и выдыхая дым. — Целых два дня не курила.

— Три. В воскресенье тоже, — исправила его и снова затянулась.

— Ты сегодня скромна, как никогда, в своем наряде, — он бросил взгляд на декольте, с удовольствием рассматривая небольшие холмики груди.

— Это временно, завтра уж точно войду в кураж. — Раздался тихий стук, и в кабинете появилась Катюша с милой улыбкой на губах.

— Ваш кофе, — поставила чашки возле подруги и шефа, а отойдя, поинтересовалась: — Марго, надеюсь, босс тебя не травил?

Блондинка улыбнулась и отпила ароматный напиток, взгляд упал на мужчину, который, прищутив глаза, пристально смотрел на секретаршу.

— Надеюсь, ты в наш кофе яда не добавила? — так же ехидно, вопросом на вопрос ответил он.

— Ммм, только в Вашу чашку, Максим Иванович, — Марго залилась смехом, Катюша захохотала, а Максим с наигранно грозным видом начал на нее наступать.

— Ой, я убежала, иначе мне не жить, а я не могу подругу оставить в лапах этого зверя, — и, все так же звонко хохоча, девушка покинула кабинет.

— Наконец-то ты улыбнулась открыто, — на это замечание Рита немного осела, и стерла улыбку, точно позабыла, где находится.

— Я всегда улыбаюсь открыто, — уже не весело ответила, сделав очередной глоток и потушив окурок.

Не нравилось ей, когда окружающие замечают ее слабость, вольность, которую неосознанно сама себе позволяла.

— Рита, почему ты снова закрываешься? — совсем неожиданно спросил Максим, и тут же наткнулся на разгневанный взгляд.

— Послушай Макс, если ты два дня заботился обо мне, о чем я лично, кстати, тебя не просила, это не означает, что ты вправе вести себя так, как того хочется тебе. Не смей меня называть Ритой, никогда!

— Цветочек сейчас напоминает кактус, такой же стойкий и колючий, — Максим подошел к ней и, взяв за руку, поднял с кресла, чтобы тут же усадить на стол. — Зачем ты колешься, ммм? — нежно провел тыльной стороной ладони по лицу, пристально смотря в глаза. — А что, если я буду называть тебя Ритой, что ты сделаешь? Расскажи. Что делает красивая девочка Рита? — от звучания имени девушка чувствовала мурашки по телу, а может, они были вызваны мужчиной, который то и дело касался ее лица и шеи.

Она тяжело вздохнула, как-то отчаянно, и немного склонила голову, желая оказаться подальше отсюда, от этого офиса, а особенно — от мужчины, который, ни с того, ни с сего, начал переворачивать ее устойчивый мир.

— Да ничего я не сделаю, просто не называй, и все, — едва ли не шепотом попросила, и наконец-то прикрыла веки.

Максим двумя руками, не спеша, приподнял ее голову и, внимательно всмотревшись в грустное лицо, медленно наклонился и коснулся мягких розовых губ, которые тут же дрогнули и приоткрылись, впуская в сладость рта напористый язык мужчины. Он не спешил, целовал нежно и мягко, даря всю заботу и тепло, которое сейчас испытывал, находясь рядом с хрупкой блондинкой. А Марго, немного расслабившись, ручками пробралась под его пиджак и ласково прошлась ноготками вдоль спины. Тяжелое дыхание, уже жадные касания, и ее протяжный тихий стон удовлетворения, когда он отпустил сладкие губы и легонько прикусил скулу, спускаясь ниже, даря нежные поцелуи не спрятанной под одежду коже. Руки уже сжимали плечи, посылая дрожь по ее стройному телу, дыхание грело шею, а глаза были полностью затуманены страстью, которая сближала Макса с Марго, толкая в руки друг другу.

— Что ты делаешь? — шепотом поинтересовалась она, совершенно не требуя ответа, все так же млея от его прикосновений.

— Ласкаю, — ответил и влажным поцелуем прошелся от основания шеи к ушку, даря ощутимую дрожь. — Нет сил оторваться от тебя, Цветочек. — Боже, вот сейчас, именно в этот момент ей так приятно стало от этого прозвища, что она действительно почувствовала себя нужной, хотя бы на один миг. — Ты пахнешь женщиной.

— Господи, — тихо прошептала, почувствовав укус на мочке уха, и сильнее вдавила пальчики в его спину, тем самым оставляя на коже следы от ногтей, даже сквозь рубашку.

Максим переместил правую руку чуть ниже поясницы и силой придвинул к своему паху, где четко ощутил жар ее лона, а Марго почувствовала, как в нее упирается возбужденный, каменный член.

— Чувствуешь, как ты на меня действуешь? — руками прошелся вверх по спине, прижимая и гладя, стараясь быть ближе, чувствовать каждый ее изгиб, и получать удовольствие от невинных касаний.

— Нам нужно остановиться, — продолжала шептать девушка, а Макс все так же влажно целовал ее шею, пытаясь всеми силами удержаться от соблазна, и не сорваться в пропасть, а точнее — к ее манящей груди.

Снова поцелуй в губы, тело к телу, и резкий голос, прозвучавший в тишине кабинета:

— Марго, через пятнадцать минут тебе нужно быть на складе для утверждения товара, — напомнила Катерина в динамике телефона, и Марго смогла резко оттолкнуть мужчину от себя, чтобы нажать кнопку для ответа.

— Спасибо, Катюша.

Теперь в небольшом кабинете повисла тишина, нарушаемая тяжелым дыханием обоих. Трясущимися руками девушка достала сигарету из пачки и, подкуриив, глубоко затянулась, пытаясь совладать с собой, что, к слову, в присутствии Макса было сделать тяжело. Он же, наоборот, казался спокойным и абсолютно уверенным во всех движениях. Смело подойдя к ней, наклонился и запечатлел легкий поцелуй на губах, улыбнулся теплой улыбкой и пальцами коснулся нежной кожи лица:

— Хорошего дня тебе, Цветочек.

Рита оторопела от его поведения, но не сказала и слова, только потушила недокуренную сигарету, схватила нужную папку и мигом покинула помещение, удаляясь подальше от шефа.

Максим весь день ходил с глупой улыбкой, пряча ту только в присутствии подчиненных, дабы не давать повода для новых сплетен. Работая в чисто мужском коллективе несколько лет, он знал, что мужики порой хуже баб, и до безумия любят потрепаться, обсуждая выше упомянутых, порой высмеивая их, в зависимости от ситуации. Зачастую они обсуждали секс, а точнее — проведенную ночь в компании женщины, или даже двух. Рассказывали, кто, как и в какой позе, а главное — как долго, и именно эту тему Вишневыский считал закрытой для обсуждения, ведь мужчины сами выбирают себе женщину на ночь, занимаются с ней сексом, а значит, и все последствия должны оставаться в тех стенах. Как-то не по-мужски трепаться с друзьями о проведенной ночи, и уж тем более — высмеивать женщину, даже если она будет проституткой. А сейчас он, как никогда, желал, чтобы не поползли слухи, и не так о себе, как о Марго беспокоился, это она двоих, максимум — троих мужиков уест, но весь офис не потянет. И Максим очень не хочет сломать такую сильную и волевою девочку. А вот его улыбка так и выдавала все мысли, желания, о которых бы каждый мужчина догадался, видя точно в таком образе себя, улыбающегося, словно обожравшийся сметаной котяра.

После обеда Максиму вместе с Варшавским срочно понадобилось ехать на встречу с поставщиками тканей, и он решил позвать с собой свою помощницу, которая хорошо разбиралась в их качестве. Войдя в кабинет, он ее там не обнаружил, тогда вернулся к себе, надел пиджак, который до этого висел на специальной подставке, взял сигареты и телефон, положил их в карман, и широким шагом пошел в приемную.

— Катерина, а где наша... — он не закончил вопрос, заметив в другом конце большой комнаты, блондинку, которая звонко засмеялась и скользнула в объятия взрослого мужчины, а точнее — Ивана Сергеевича.

Он буквально взбесился от увиденного, не понимая ее поведения. Неужели девушке настолько не хватает мужского внимания, что она вешается на каждого, а здесь — так вообще, на мужчину, который намного старше ее, на его отца. Максим в несколько секунд оказался рядом с ними и, грубо схватив ее за локоть, оторвал от Вишневого старшего, намереваясь поставить на место неугомонную девицу.

— Какого хрена ты творишь, идиотка? — громко отчеканил он, безумно злясь на ее поведение и свою реакцию, которая последовала сразу же после увиденного.

Ему жутко не понравилось, что ее касался какой-то мужчина, и, слава Богу, это был всего лишь его отец, иначе он сам не знает, что было бы, окажись там чужой человек. Макс бросил взгляд на ошалевшего отца, а потом зло глянул на Риту, в глазах у которой увидел дикий страх и растерянность, что тоже не являлось ее обыденным образом.

— Максим! Как ты разговариваешь с женщиной? — резко произнес Иван Сергеевич и строго посмотрел на сына.

Максим был зол на Риту за то, что она позволяет себе такие вольности и обнимается со всеми, а также на себя, что так резко реагирует, выдавая тем самым свое состояние. Какая ему вообще разница, чем занимается эта девица? Да пусть хоть со всеми мужиками офиса переспит, его это не касается.

— Эта женщина должна знать себе место! — в том же тоне ответил он, так и продолжая смотреть в испуганные глаза девушки.

— Макс, послушай, Рита подошла со мной поздороваться, что в этом не так? — не мог понять мужчина, окончательно разозлившись на сына.

— Ах, Рита, правда? — Максим заметил, как ее глаза быстро распахнулись и тут же закрылись, она сделала глубокий вдох для того, чтобы снова открыть глаза, в которых теперь читалась только злоба.

— Сын, а ну-ка, пойдем в кабинет, поговорить надо, — попросил Иван, похлопав его по плечу и, тут же обернувшись к девушке. — Маргарита, позже увидимся, хорошо, дорогая? — Она кивнула, и мужчина ушел в сторону кабинета, оставив их с Максом наедине. — Добрый день, Катерина...

— Езжай с Глебом к поставщикам, — быстро отчеканил Макс, не подходя к Рите, и, развернувшись, направился следом за отцом.

— Максим, — позвала она, но мужчина даже не обернулся, находясь в своих мыслях, и скрылся за дверью.

Марго почувствовала осязаемый укол в сердце и, взглянув на дверь грустным взглядом, отправилась к замдиректора, стараясь прогнать свою растерянность. Она испугалась такого грубого порыва Максима, и ей даже на минуту показалось, что он сейчас ударит, или встряхнет, точно, встряхнет. Перед глазами промелькнула сцена трехлетней давности, когда Сергей ее обнимал, а потом резко толкнул, и она ударилась о стену. Было больно и страшно. И вот сейчас во взгляде Максима читалась злость. И что-то еще, чего она не смогла понять, не успела разглядеть, так быстро менялись его эмоции. Это и было то, чего она боялась, его внутренний мир. Она не знает мыслей мужчины, не знает, на что он способен в следующую минуту, поэтому не может доверять. Все очень глупо и тяжело для нее.

— Максим, успокойся, пожалуйста, и потрудись объяснить мне, кто тебя учил так с женщинами обращаться? — строго спросил Иван Сергеевич, видя, как сын нервно сбрасывает с себя пиджак и кидает его на диван.

— А ты объясни мне, что это за обжимания со всякими молоденькими девицами? Откуда ты ее знаешь? — кричал сын, не в силах успокоиться.

— Это не обжимания, а приветствие. Рита работала у меня в одном из отделов.

— Странно, что-то ни она, ни Вениаминыч мне об этом не говорили.

— Она не знала, что ты мой сын, — честно ответил Иван и присел за стол.

— Ну, да, конечно. Марго не дура, чтобы не сопоставить фамилии, да и отчество говорит само за себя.

— Вот именно, Марго не дура, а ты ее идиоткой назвал! И я требую, чтобы ты извинился.

— Отчего такое внимание? Что особенного в ней, что ты прям требуешь? — прищурившись, поинтересовался Максим, не скрывая в голосе ехидства.

— Хотя бы то, что она женщина, и ты должен извиниться! — продолжал повышенным тоном говорить Иван Сергеевич.

Максим тяжело вздохнул и уселся в свое кресло, голова опустилась на скрещенные на столе руки, и уже через минуту он успокоился, понимая глупость своего поведения.

— Прости, пап, ты прав, я не должен был так реагировать, и уж тем более — оскорблять, — произнес он, поднимая голову и глядя в глаза отца. — Конечно, я извинюсь.

— Рад, что ты это понял, значит, я хорошего сына воспитал, — уже спокойно сказал отец, улыбнувшись теплой улыбкой, от которой в уголках его губ появились морщинки.

— Можешь в этом не сомневаться, — Иван кивнул и тепло улыбнулся в ответ.

— Что вас с Ритой связывает, Макс?

— Ничего. Почему ты спрашиваешь?

— Хм, ну, потому, что вот так реагировать, как ты, может только мужчина, который ревнует.

— Для того, чтобы ревновать, нужно любить, а я такой привычки не имею, папа.

— Для ревности иногда хватает обычной симпатии, но, зная тебя, сомневаюсь, что ты бы так реагировал на просто понравившуюся девушку.

— Ты преувеличиваешь, мы с Марго вместе работаем, вернее, она моя подчиненная.

— Правда? А взгляд этот бешенный тогда кому был адресован?

— Мне кажется, ты придумываешь то, чего на самом деле нет.

— Максим, а мне кажется, ты пытаешься сам себя в этом убедить.

— Нет, я и тебя не убеждаю. Просто не понравилось, что чужая женщина липнет к моему отцу, когда мама его ждет дома.

— Вот если бы наша мама была рядом, она бы тебя проинспектировала, как нужно вести себя с женщиной.

— О, поверь, в этом я уверен. Она мне с шестнадцати лет говорит: «Какой бы девушка ни была, не позволяй себе лишнего, тем самым утверждаясь за ее счет», — произнес слова мамы, копируя ее интонацию.

— Правильно говорит, а ты, оболтус, все равно обидел женщину.

— А главное, впервые...

— Точно влюбился! — подытожил Иван Сергеевич.

— Отец, перестань, просто она... Что-то в ней есть такое, чего нет в других. Не более.

— Пиши — пропало. Ресторан заказывать?

— Это еще зачем?

— Как зачем, а свадьбу гулять где будете? Хотя, нет, вряд ли Марго захочет крутой банкет.

— Это еще почему? Так, стоп, хватит, отец! Поверь, нам с Марго лучше не оставаться один на один, иначе крыша на воздух взлетит.

— К этой девочке нужен особый подход, Максим, она светлой души человек, поверь мне, — эти слова мужчина говорил с особой теплотой, чему Макс очень удивился.

— У меня такое чувство, что мы о разных женщинах говорим.

— В чем-то ты прав. Я говорю о Рите, а ты — о Марго.

— И в чем разница?

— Знаешь, как в той песне: «Есть только миг, между прошлым и будущим», так вот, это

именно тот случай. Понимаешь?

— Нет. Скажи прямо, — попросил Макс.

— Песню послушай, она скажет.

— Пап, что за бред?

— Полная реальность.

— Ладно, пусть будет по-твоему, и, так уж и быть, не сдам тебя Ласточке.

— Ой, спасибо, ибо я уже испугался не на шутку, — притворно вздохнул мужчина, хватаясь за грудь.

— Что-что, а наказывать мама умеет.

— Это чего вдруг ты на нее наговариваешь? Когда она тебя наказывала?

— Так я же не про себя, это тебе вечно от нее влетало.

— Вот именно, мне. Жена то она моя, а в сердце у нее первый мужчина — это ты.

— Надо уметь очаровывать женщин, — самодовольно ответил сын, растягивая губы в широкой улыбке.

— Вот засранец, всегда пользуешься маминой любовью.

— Ничего подобного, она с детства питаем ко мне особые чувства.

— Ты, дите, давай, чтобы с Марго не облажался.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что тебе уже не двадцать, а ты все свои стены бережешь, пора о семье подумать.

— Стены мои созданы для настоящей женщины, и я никого туда не вожу.

— Я тебе о Марго и говорю, только знаешь что, Максим... Если ты захочешь просто развлечься, не подходи к ней, прошу. Как отец прошу.

— У меня такое чувство, что ты знаешь о ней больше, чем следует директору знать о своих подчиненных.

— Может быть, ты и прав.

— Расскажешь?

— Ни-ко-гда. Все, что захочет, Рита сама тебе расскажет...

— Рита... Мне почему-то позволено называть ее только Марго, а тебе — вон как, Рита.

Ты у нее на особом счету.

— Нет никакого особого счета, просто однажды немного помог, и все.

На этом тема под названием «Марго» была закрыта, и никто из мужчин больше не вспоминал о случившемся в коридоре. Отец с сыном разговаривали о семье, о трехлетнем Димке, который уже всю болтает, и не дает покоя маме, и особенно бабушке, у которой часто остается ночевать. О Женьке и его невесте, чья свадьба состоится уже через месяц, и, конечно, о Денисе, уже совсем взрослом юноше, который не пропускает ни одной юбки. Также поговорили немного о работе и о продвижении бизнеса. А потом Иван Сергеевич сходил в отдел логистики для решения своих вопросов. А уладив их, вернулся к сыну выпить кофе. Уже, как по традиции, они всегда пили кофе по завершении дел.

— Смотрю я на твою компанию, Макс, и думаю, кому я свои дела передавать буду? Два предприятия — это не шутки.

— Ну, ты так говоришь, как будто я у тебя единственный, вот Денису и передашь, может, хоть образумится парень. Да и вообще, что это ты себя на пенсию раньше времени отправляешь? У Вениаминыча научился?

— Не наговаривай на нашего старичка, он вон тебе какую барышню прислал, — на этих словах дверь распахнулась, и в кабинет влетела Марго, направляясь четко к шефу.

Занеся руку с зажатой между пальцами папкой, в метре над столом она резко отпустила пластик на деревянную поверхность. Та громко хлопнула и, задев чашку с кофе, разлила его, напрямиком на брюки Макса.

— Это Вам отчет, — она хлопнула ладошкой по документу и шепотом добавила. — Сволочь! — и, резко развернувшись, отправилась к себе в кабинет.

— Твою м...

— Макс! — остановил отец, тем самым не дав совершить ему еще одну ошибку.

— Тебе повезло, что кофе остыл, — крикнул так, чтобы девушка услышала сквозь закрытую дверь. — Да уж, прислал барышню, — добавил он, заканчивая прерванный диалог с отцом.

— Добрый день, Иван Сергеевич, — поздоровался вошедший Глеб, и тут же обратился к другу. — Не знаю, Макс, что у вас произошло, но отрывалась Марго на мне. По полной программе позорила перед поставщиками.

— А это, Глеб Николаевич, дело не в Маргарите Владиславовне, а в вашем профессионализме, — деликатно заметил Вишневский старший.

— Вооот! — ехидно пропел Максим и скрылся в уборной, для того чтобы сменить свои брюки.

В среду они больше не разговаривали, и даже не пересекались. Максим решил дать Марго время успокоиться, выдохнуть, чтобы он смог извиниться, а она — выслушать. Ведь мужчина понимал, что сейчас девушка вовсе не станет слушать его, а может даже, и выгонит, чего ей не составит труда сделать, а ему бы не хотелось еще больше нагнетать обстановку. Именно поэтому сегодня он возьмет тайм-аут, а завтра пойдет в наступление — пробивать баррикаду и просить прощения, ведь на самом деле считал, что поступил очень грубо. Конечно, Максим с некоторых пор не всех женщин жаловал, но Риту обидел необоснованно, за что теперь и было стыдно, благо, совесть у него имеется.

Сегодня с Глебом они договорились встретиться в клубе, куда порой выбирались для хорошего завершения дня, чтобы пропустить по паре бокалов виски. Конечно, появлялись они в этом заведении не для того, чтобы потанцевать, да и возраст все же не тот, а просто, чтобы отдохнуть от офисных стен и рабочих моментов. Часто здесь они цепляли девочек, чтобы ночью не было скучно и одиноко, угощали их, а потом везли к себе домой или в номер отеля.

— Макс, что-то ты сегодня без настроения, — заметил Глеб, отпивая из своего бокала и пристально наблюдая, как на сцене две красотки танцуют «Тверк».

— День тяжелый вышел, — те же действия повторил Вишневский, со скучающим видом разглядывая толпу на первом этаже.

— Это почему он тяжелый? Из-за разговора с отцом?

— Нет, — ответил так, чтобы друг отцепился, но Варшавский и не собирался замолкать.

— Тогда тем более не пойму, ведь твоя мегера сегодня отлично поизмывалась надо мной, а тебе ничего не перепало. Так, только кофе на брюках, и тот холодный.

— Чему радуешься? Думаешь, если бы горячим облила, и настроение мое было бы лучше?

— Нет, я просто думаю, что будет в следующий раз, если обидишь ее? Суп на голову? Кстати, за что она тебя?

— За дело! Если быть кратким, я выставил Марго перед отцом шлюхой.

— Серьезно? Вот это ты гонишь, хотя, знаешь, порой ее поведение наталкивает на такие

мысли.

— Что ты сказал? — Максу не понравилось то, что он услышал, и он всем телом напрягся.

— Марго нужно быть скромнее. Вчерашнее глубокое декольте подталкивало на мысль, что она себя предлагает.

— Ты хоть раз видел, что она с кем-то жметесь, или откровенно флиртует? — грубо продолжал Макс, крепко сжимая в руке бокал.

— Нет, но ее наряды...

— Тогда закрой рот, Глеб, иначе я тебе за такие слова зубы повыбиваю.

Глеб затих, пристально наблюдая за сменой эмоций на лице друга, и пытаясь понять, что является причиной этой злости. Что или кто?

— Макс, признайся, что ты к ней что-то чувствуешь?

— Какого хрена вас всех это волнует? Тебя, допустим, не задолбали однодневки?

— Ни капли, с ними я не чувствую обязательств, живу в свое удовольствие, и никто мне не указывает, что можно, а что нельзя.

— А что касается детей?

— А что с ними? Это же огромная морока, и никакого секса.

— Глеб, ты дурак! Однажды ты это поймешь, когда влюбишься.

— Я смотрю, ты уже влюбился, — ехидно ответил Глеб, снова отпивая виски.

— Я всегда хотел ребенка, но только от той женщины, которую люблю.

— Эх, Макс, ты весь в Ивана Сергеевича. Большой романтик. Ты пойми, что не все женщины такие, как твоя мать, не все умеют так любить, и быть верными.

— А я не про всех говорю, мне одна нужна. Вот, как встречу ее, так и узнаешь, а пока что можно просто хорошо отдохнуть, — тут же смягчился он и попытался немного расслабиться, дабы не спровоцировать ссору с другом.

Максим заметил симпатичную блондинку в толпе веселящейся молодежи и, отставив свой бокал, покинул вип-комнату, чтобы спуститься вниз и познакомиться с девушкой на сегодняшнюю ночь.

Марго всю ночь не могла уснуть, мыслями постоянно возвращаясь к утреннему инциденту, и то и дело кривясь от собственного стыда. А вроде и нечего стыдиться, так нет же, Максим все испортил, выставил ее в глазах Ивана Сергеевича шлюхой, и даже ее место указал. От этого стало так обидно и тошно, а еще неприятно, ведь стоявший рядом мужчина не заслуживал слышать такие вещи, особенно о ней. И как Рита раньше не сопоставила факты? Ведь и не думала, что они родственники, в голову даже не приходило, что Макс сын Ивана. Ну и что, что Вишневецкий, но вот об отчестве вовсе не подумала, а очень зря, как оказалось. Действительно, вышло все не так, как должно было, но и Марго не ожидала такого грубого порыва, слишком некрасиво он повел себя, и она просто должна отомстить Максиму. Сладкая месть не помешает, главное, самой скорее не сдаться.

Максим в обнимку со своей новой знакомой вошел в дом, и тут же набросился на ее губы в жарком поцелуе, сминая их, пожирая, просто наслаждаясь, желая скорее добраться до кровати. Ему хотелось секса, грубого, сильного, чтобы выместить всю свою злость на этой красотке, и не причинить тем самым боль. Именно секс помогает ему забыться, расслабиться, всегда помогал, и сейчас поможет. Его руки жадно шарили по женскому телу, сминая ярко выраженные округлости, сжимая их до боли, не щадя. Он знал, что все это силикон, ни грамма натурального, не то, что у Марго. Абсолютно не то.

Мужчина на миг даже отстранился, чтобы убедиться, что перед ним другая женщина, не та, что посетила мысли, а удостоверившись, снова накинута на губы, стараясь скорее позабыть образ стервозной блондинки из его офиса.

— Максим, подожди, — с придыханием попросила Леся, так звали сегодняшнюю его гостью.

— Что? — тяжело дыша, поинтересовался Вишневский и немного отстранился от девушки.

— Я хочу вина. Ты мне нальешь вина?

Он потер лицо руками, и уже хотел было выразиться, но вовремя остановился, прекрасно осознавая, что эта девчонка совершенно не виновата в его мыслях, и даже не ведает, о чем он думает.

— Конечно, сейчас налью, — ответил мужчина и прошел к мини-бару, намереваясь отыскать бутылку красного.

Сейчас, в этот момент, он сам себе был противен. Не понимал, для чего все это делает, зачем думает о Марго, зачем привел эту барышню к себе домой, зачем ему вообще о чем-то думать? Он прекрасно жил до этого времени, но нужно было появиться в его жизни Цветочку, и все перевернулось, заиграло различными запахами и яркими красками. Нет в его жизни больше серых будней, и будут ли?

Максим откупорил запечатанную бутылку вина, достал один бокал, ибо сам любил более крепкий алкоголь, и, налив половину, пошел к девушке, призывно развалившейся на его диване. И ему вовсе не понравилось, как она себя вела, от нее так и веяло похотью, и почему-то его это не возбуждало, больше нет. Да и Лесе не шло, ее поведение было слишком некрасиво и отталкивающе, что не могло не заставить Макса задуматься.

Со стуком поставив бокал на маленький столик, он схватился за телефон и кинул женскую куртку в сторону новой подруги, которая уже хотела потянуться за своим вином.

— Одевайся и уходи, — отчеканил и приложил телефон к уху, успев набрать нужный номер. — Здравствуйте, машину на улицу- он назвал адрес и отключился, после чего бросил взгляд на ничего не понимающую девушку. — У меня поменялись планы, тебе лучше уйти.

— Что значит, поменялись? Я тебе что, проститутка?

— Прости? — непонимающе уставился на нее.

— Захотел — привел, захотел — выгнал, как это называется? — начала возмущаться Леся.

— Ты знаешь, я не люблю обижать женщин, очень не люблю, но кто ты, если сейчас здесь? — грубо спросил он, злясь на себя еще больше.

Он оскорбил Марго, которая просто поприветствовала его отца объятиями, а эта девчонка, приехала к нему тр*хаться, и еще смеет возмущаться, и говорить, что едва ли не порядочная? Господи, где справедливость на этом свете?

Максим прошел ко входной двери и открыл ее, тем самым показывая Лесе, что разговор окончен, и он не собирается больше что-либо выяснять. Она фыркнула, с раздражением натянула куртку и, покачивая бедрами, прошествовала к мужчине.

— Если ты будешь вести себя так со всеми девушками, то так и останешься один, грубиян, — недовольно выразилась она и наконец-то покинула его обитель.

Вишневский захлопнул дверь и щелкнул замком, а потом сам себе улыбнулся, осознавая, что не нужны все девушки, ему бы только одну завоевать.

Пройдя к столику, он залпом выпил нетронутое вино, скривился и, развернувшись, со всей дури швырнул бокал в сторону кухни. Тот стукнулся о шкафчик и со звоном рухнул на кафель, разлетаясь на сотни осколков. Макс был зол, очень. На Марго, которая какого-то хрена поселилась в его мыслях, на эту девку, возмнившую себя королевой, и на себя, больше всего — на себя. Этот дом — он купил его для своей жены, для семьи, и он чист, как сказал бы Глеб — девственен, а Вишневский берет, и впервые приводит сюда девчонку. Однодневку. Приводит сюда барышню, и едва ли не загаживает свой дом. И как хорошо, что в его дурную голову так вовремя пришла Марго, не позволившая ему совершить ошибку.

Утро началось с улыбки и любимого кофе в уютном кресле на лоджии, даже курить не хотелось, и это немного удивляло Риту. Сама не верила в свое настроение, но связано оно было, наверное, с предстоящей мстью. И, что самое интересное, долго думать не пришлось, она знает, что именно будет бесить Максима.

Облачившись в вязаную тунику бирюзового цвета, Марго немного подкрутила концы волос, нанесла тушь на ресницы и блеск на губы, обула белые кеды и только после этого застыла возле зеркала. А что, все достаточно скромно, вырез небольшой, длина — до середины бедра, а сзади — и того длиннее, макияж неброский, так что вполне все прилично, ну, если не брать во внимание, что спортивный образ совсем не вписывается в офисный дресс-код.

Накинув кожаную курточку и схватив ключи и сумочку с тумбочки, Марго покинула свою квартиру и решила поспешить, чтобы не опоздать на работу. В машине включила радио и с хорошим настроением завела двигатель, отправляясь в сторону компании. Потреплет сегодня нервы своему шефу, будет он знать, как вести себя с девушками, особенно с такими, как она.

Выруливая на соседнюю улицу, Марго замечает слишком знакомый силуэт мужчины, как раз выходящего из своей машины. Чтобы случайно не создать аварийную ситуацию на дороге, она паркуется в десяти метрах от черного джипа и через тонированное стекло наблюдает за тем, кто превратил ее жизнь в ад. Сердце делает невероятный кульбит, по коже проносятся мурашки, тело бросает в жар — Сергей, точно, он, все такой же стильный и гордый. Все, как раньше.

Теперь она замечает, как бывший муж подходит к пассажирской двери, и из салона появляется темненькая девушка, которая счастливо улыбается своему мужчине. Конечно, Рите очень стало неприятно от увиденного, даже больно, но плакать она не собирается, не теперь, уж точно. Да и боль эта не от того, что у Сергея девушка, а просто невыносимо видеть, как он счастлив. А ведь в свое время он так же улыбался ей, а потом выбросил на улицу, как бездомного котенка. И вот, впервые за три года, Марго видит это ничтожество, счастливое, беззаботное и точно совершенно забывшее о ней. Ну, что же, пора напомнить о себе, показать, что не сдохла, жива, и очень даже неплохо выглядит.

Рита достала телефон и набрала подругу. Та ответила, как раз когда девушка успела выйти из машины и уже направиться к мило воркующей парочке.

— Маргаритка, привет, ты где? — тут же зашебетала Катерина веселым голосом. — Ты скоро будешь?

— Привет, подруга, скоро, — и как раз остановившись возле Сергея в двух метрах, она поинтересовалась. — А знаешь, кого я сейчас вижу? Гниду, которая выбросила меня на улицу. Счастлив, все так же красив, и обнимает очередную жертву, правда, теперь не блондинку, брюнеточка на горизонте. А знаешь, Катюш, мне ее уже жалко, — начала Марго злым голосом, выплескивая яд на бывшего мужа, и ни капли не жалея о сказанном. — Наверняка эта сволочь поступит с ней так же, как и со мной, бежала бы девушка, ой, бежала. Ну, я тебе потом перезвоню, Кать.

— Марго!

Но Рита уже сбросила вызов, продолжая пристально смотреть на Сергея, который в

шоке устался на белокурую красавицу.

— Что, не ожидал? Смотри, — она покрутилась перед ним, демонстрируя свою красоту, и, повернувшись лицом, устала на него с ехидной улыбкой.

— Девушка, с вами все в порядке? — произнесла брюнетка, испуганно смотря на нее.

— Хм, конечно. Мне просто забавно наблюдать за мужем, который наверняка считал меня мертвой, правда, Сереженька?

— Рита, что ты несешь? — Он нервно переводил взгляд со своей спутницы — на нее, и обратно, чем полностью выдал свои неуверенность и страх.

— Какая Рита? Риту ты уничтожил, втоптал в грязь, раздавил, как муху. А я Марго, Марго Герц — женщина, которой ты не достоин.

— Сережа, что она говорит?

— Правду, дорогая моя, только правду. И я желаю тебе бежать от него, если не хочешь оказаться униженной.

— Лиля, иди, я тебя догоню, — сказал он, отправляя свою подругу, а та неуверенно, но, все же покинула их, постоянно оборачиваясь назад, чтобы понаблюдать за происходящим.

— Ржевский, да у тебя целый цветник, сначала Маргарита, теперь Лиля, одни цветочки, — на этих словах Марго вспомнила, как Макс назвал ее Цветочком, и для нее это вдруг стало так важно, так необходимо. — Но ты запомни, все цветы достаются только достойным.

Быстро развернувшись, Рита гордо прошла к своему авто, села на водительское сидение, и резко дала по газам, оставляя бывшего мужа в прошлом. Это произошло сегодня — их встреча, она должна была состояться и, наверное, хорошо, что сегодня, а не позже, ведь этому мужчине нет места в ее будущем.

Ее трясло, очень, и чем было вызвано такое состояние, понять не могла, ведь самого Сергея она не боялась, больше нет. Это раньше ей казалось, что он найдет ее, вернется, чтобы добить, еще больше причинить страданий, ждала, что этот день настанет. А теперь — нет, не боялась, наоборот, хотела его увидеть, посмотреть в холодные серые глаза, и понять, что движет этим человеком. Но не поняла, увы, там действительно одна серость. И не боялась своих чувств, да и подошла к нему, по большей части, чтобы убедиться в своей ненависти, убедиться, что больше нет к нему любви и, не могло быть. После того, что он сделал, сразу же пропали все теплые чувства, возрождая на своем месте только ненависть и презрение. Да, Марго презирала Ржевского, и никто не смеет ее в этом упрекнуть, а кто и захочет — плевать она хотела на их мнение. Хотелось ли ей когда-то отомстить? Конечно, и сейчас хочет, но пока плохо представляет, что ей нужно для этого сделать. Возможно, просто еще не наступило время, подходящее для мести.

Вот так, в раздумьях, она и доехала до работы. Тело все еще немного подрагивало, но Рита смогла взять себя в руки, нацепить на лицо улыбку, и отправиться нервировать шефа. Ведь с самого утра настроение было отличным. И она не позволит какой-то мрази, которая когда-то пыталась ее уничтожить, портить ей день. Она сможет, ей не привыкать — гордо держать голову, все-таки не зря Иван Сергеевич выгнал ее из дерьма, а этого мужчину она подвести просто не имеет права.

— Марго, что произошло? Ты меня напугала! — едва девушка вошла в приемную, как Катя начала тараторить, практически налетая на подругу.

— Это я умею, прости, — улыбнулась в ответ, обнимая Катерину.

— Скажи, ты правда его встретила?

— Правда, — не совсем радостно ответила Рита. — И поверь, угрызения совести его не мучают.

— Урод, блин. Он тебе хоть ничего не сделал?

— Нет, все нормально, он мог обидеть Риту, но не меня.

— Ох, любимая подружка, давай, я принесу тебе кофе, и ты расслабишься, — поморгав глазками и мило улыбнувшись, предложила Катя.

— Давай, а то меня, и правда, немного потряхивает, — призналась Марго и пошла в сторону своего кабинета.

— Маргаритка, забыла сказать, ты сегодня прекрасно выглядишь, даже как-то необычно.

— Спасибо. Самой непривычно, но нравится. Тащи кофе, — подмигнув подруге, ответила Рита и скрылась в своем кабинете.

Как только она сняла свою куртку, чтобы повесить ее в шкаф, смежная дверь открылась, и в проеме появился господин шеф, как всегда, красивый, в своем сером костюме и белоснежной рубашке. В руке он держал розовую маргаритку, которую прокручивал между пальцев. Рита, закрыв шкаф, прошла на свое рабочее место мимо него и, усевшись в кресло, открыла первую попавшуюся папку, и якобы погрузилась в изучение документов.

— Доброе утро, Марго, — немного громче, чем следовало, поздоровался Максим, на что она едва уловимо кивнула.

Вишне夫斯基 хмыкнул и, отодвинув кресло, уселся напротив своей помощницы и наклонился вперед, поближе к ней.

— Я пришел извиниться за вчерашнее. — Рита продолжила смотреть в папку, делая вид, что ее вовсе не интересует, о чем говорит мужчина. — Был неправ, прости меня, — в этот момент он положил цветок ей в документы и, сложив руки на столе, положил на них голову, верно ожидая ответа.

Но блондинка сделала вид, что вовсе ничего не слышала, хлопнула папкой, тем самым прижимая маргаритку, и достала новую, продолжая игнорировать шефа.

— Понимаю, был слишком груб, но ты же не можешь вечно на меня обижаться...

В кабинет без стука вошла Катя, держа в руках поднос с чашкой кофе, которую тут же поставила возле Марго.

— Извините, Максим Иванович, не знала, что вы здесь, может, и вам принести кофе?

— Катя, наш шеф будет пить кофе у себя в кабинете, — наконец-то ответила Рита и взяла ложечку, чтобы помешать свой напиток. — И еще, передай, пожалуйста, Максиму Ивановичу, что извинения не приняты, а дряхлый цветочек, — она кивнула в сторону растения, зажатого папкой, — не повод простить за шлюху.

Катерина только хотела открыть рот, чтобы выполнить просьбу подруги, как шеф выставил руку вперед, тем самым призывая ее к молчанию.

— Катюша, иди, — попросил он, и девушка мигом испарилась, оставляя подругу наедине с рассерженным Максом. — Прости, что не выкупил гектар поля, вместе с этими долбанными цветами! И не смей разговаривать со мной в таком тоне при подчиненных, поняла?

Вишне夫斯基 действительно взбесился, ярость так и кипела в нем, а еще хотелось взять эту неугомонную блондинку, сжать в своих объятиях, и целовать так нежно, как не целуют шлюх. Хотел, чтобы она поняла, что он не считает ее таковой, что просто был зол вчера. Но сейчас боялся, ведь снова мог навредить, потому что не понимал, почему при ней в ярости

начинает молоть всякую чушь.

Поднявшись с кресла, мужчина прошел к двери, ведущей в его кабинет, и на минутку обернулся, бросая взгляд на ее тунику.

— И будь добра, больше не приходи в наряде пацанки, это не офисная одежда, — и, развернувшись, скрылся за дверью.

— Козел, сам ты — пацанка, — зло выпалила вполголоса и сделала глоток своего кофе, наконец-то расслабившись, и по-настоящему погружившись в работу. Ее план сработал, и главное — продержаться еще два дня.

Так и прошел весь четверг. Марго игнорировала Максима, а он, в свою очередь, бесился от этого и, как мог, дергал ее, говорил, что она неправильно выполнила работу, или не по порядку сложила цвета тканей, все ему было не так. Но девушка сдаваться не собиралась, и сама не зная, зачем это делает, но продолжала игнорировать его, скорее кайфуя от злости шефа.

А вот в пятницу в офис явилась действительно не пацанка, а Маргарита Владиславовна, шикарная изящная блондинка. Стройная фигурка была облачена в платье-футляр розового цвета, с золотистым нашитым кружевом по всему наряду. Длина — чуть ниже колен, как всегда — глубокое декольте, лиф которого держался на двух бретелях. Одна шла за спину, и являлась единственным прикрытием той, а вторая — через шею. И если смотреть спереди, то казалось, что очень даже приличное платье. Для того, чтобы шеф не получил инфаркт, она оставила волосы распущенными, тем самым прикрывая голую спину. Хотели не пацанку, получайте.

— Маргарита Владиславовна, принесите, пожалуйста, новые образцы обоев, которые пришли вчера, — они проводили небольшое совещание — Макс, Рита и Глеб.

Марго практически молчала, отвечая только на вопросы Варшавского, Макс был серьезен, но общителен, а Глеб и вовсе не понимал, что происходит, только бросал голодные взгляды в сторону девушки.

Она протянула нужную папку, едва ли не ткнув ею в лицо мужчины, и наконец-то села на свое место, ожидая его одобрения.

— Глеб Николаевич, образцы там, — кивнула в нужном направлении, заметив явное внимание замдиректора. — А то будете на меня так смотреть, зрение испортится.

— Точно подмечено, почему бы Вам, Глеб Николаевич, не сосредоточить внимание на образцах? — Вишневский кинул тому папку и зло уставился на Риту, которая выглядела сегодня чертовски обворожительно.

Максим сразу заметил, как это платье обрамляет ее фигуру, словно вторая кожа, и не оставляет места для фантазии. А еще эта прикрытая волосами спина просто сводит его с ума. И, конечно, Варшавский, как нормальный мужик, не мог оторвать от нее взгляда. Безумно красивая, аж пальцы сводит, а ему так хотелось сжать кулаки и двинуть по морде другу, чтобы не пялился на чужое.

Еще некоторое время они рассматривали новые образцы и эскизы, изредка прерываясь на кофе, а после того, как все было отобрано, разошлись по кабинетам, вернее, ушел Глеб, а Марго задержали.

— Маргарита, ты долго будешь выделываться? — в ответ последовала ожидаемая тишина.

Максим подошел к ней со спины, отодвинул в сторону волосы и рукой прошелся по голой коже, которая, вслед за прикосновениями, покрылась мурашками. Как же он хотел эту

девочку, его девочку, строптивую, непокорную и такую желанную. Готов всех разорвать, лишь бы никто не смог паяниться на нее, и Глеба прибить, который все это время слюной истекал, любуясь его Марго.

— Ты такая красивая, и одновременно стервозная, — губами прошелся по нежной шее и услышал тихое «ах». — Я же попросил прощения, признал вину, девочка моя. Ты моя, Рита, нравишься мне, а значит — моя. Ауч... — Рита локтем заехала ему под ребра и быстро сбежала в свой кабинет.

Конечно, сбежала, иначе назвать это не могла, ведь ей стало страшно, очень. Она боялась того, как действует на нее Вишневецкий, боялась своих чувств. А она чувствовала, еще и как, и боялась, что влюбится, что испытает те чувства, а потом... Потом ее сбросят с небес на землю, и вряд ли появится еще один прекрасный спаситель. Второго раза точно не будет.

— Наверное, я должен был сказать ей спасибо, что не заехала коленкой в пах, — сам себе сказал Макс и нажал кнопку селектора. — Катерина, принеси мне кофе и захвати свой блокнот.

Почему-то именно сейчас ему вспомнились слова отца: «Если ты захочешь просто развлечься, не подходи к ней, прошу. Как отец прошу». Что он хотел этим сказать, Макс не понимал. Но он помнил о песне, которую тоже посоветовал Иван Сергеевич, и скачал вчера на телефон, только не успел прослушать. Решил, что Катя будет готовить кофе минут пять, и он успеет прослушать. И сможет найти ответы на свои вопросы именно в словах песни.

Подключив наушники и надев их, он включил мелодию и принялся вслушиваться в слова, пытаясь соотнести их с Марго, и начал понимать, что связано все с ее прошлым. А ведь, возможно, она и не была такой стервой раньше, может быть, именно развод так повлиял на нее, вот что первым пришло в голову Макса.

— Максим Иванович, Ваш кофе, — Катя вошла очень тихо, или он заслушался и задумался. Мужчина мгновенно сорвал с себя наушники, делая вид, что он вовсе ни при чем. — Максим Иванович, я, конечно, понимаю, что вы директор, но, не музыку же слушать, — она поставила поднос на стол и открыла свой блокнот, намереваясь сесть в свободное кресло и записывать нужную информацию, но передумала. — А что у Вас там играет? — она подошла к нему и быстро схватила наушник.

— Катя, — прикрикнул шеф и выхватил гарнитуру.

— Ой, Макс Иванович, а чего это вас на лирику потянуло? Вы, часом, не влюбились?

— А Вам, Катерина, часом, зарплата карманы не давит?

— Бука, ладно, зачем вызывали? Я вся во внимании, — и она, наконец-то, уселась в кресло и принялась записывать указания шефа.

— Маргаритка, я принесла твое любимое, красное, — кричала Катюша от самой двери, пока разувалась, а Марго, вернувшись в кухню, варганила какой-то салат.

Сегодня они решили отдохнуть у Риты дома, выпить вина, и просто поболтать на разные темы. Часто так делали, практически каждые выходные удавалось оторваться по полной, и их встречи не ограничивались одной бутылкой. Но самое главное, что на утро не болела голова.

— Спасибо, Катюш, наконец-то расслабимся, а то что-то неделя была не из легких.

— Ну, не знаю, дорогая, кому она была нелегкой, — Катя прошла в кухню, поставила бутылку и фрукты на стол, а потом скрылась в ванной. — Козла своего бывшего отчихвостила? Отчихвостила. Молодец! Максика довела? Довела!

— Кого я довела?

— Максима Ивановича. Он, вон, сегодня лирику слушал, в наушниках, да еще и на работе, — уже вернувшись в кухню, пожаловалась подруга, еще и пальцем погрозила.

Они рассмеялись вдвоем, просто и от души, сами не понимая толком, с чего, но вдруг весело стало, наверное, представили Вишневого в наушниках.

— А довела-то я его чего?

— Как чего? Щеголяешь перед ним в таких шикарных нарядах, а теперь еще и игнорируешь...

— Будет знать, как меня шлюхой называть.

— Че, прям так и сказал?

— Нет, но прямо намекнул.

— Это как?

— Катюш, ну, вроде, из нас двоих, блондинка я, а не понимаешь ты, — с улыбкой ответила Марго, и они снова расхохотались, весело и задорно, только они так могли. — Ты же видела, как он меня отдернул от Ивана Сергеевича, — подруга кивнула. — Так он мне потом еще ткнул, грубо так, что я место должна свое знать.

— Вот гад.

— А я про че?

Марго продолжила готовить салат, а Катерина, достав из пакета фрукты, прошла к мойке, и начала их мыть и нарезать, подготавливая легкую закуску. Позже, когда было все готово, и они уже наполнили бокалы, хозяйка прикурила сигарету, стоя у большого окна, впервые за день наслаждаясь горьким вкусом.

— Маргось, а можно я сегодня немного покурю? — невинно хлопая глазками, поинтересовалась Катя.

Она не всегда курила, только при таких посиделках, и то — с разрешения подруги, слишком ее уважала, и прислушивалась к советам.

— Кури, засранка, — подтолкнула к ней пачку и выдохнула дым в сторону.

— Сама засранка, нет, мы обе такие, — улыбнулась Катюша и тоже прикурила.

Ее взгляд метнулся к примятому цветку в стакане и милому зайчику примерно такой же высоты, как и стакан.

— Забрала дряхлый цветочек все же...

Рита метнула взгляд в сторону маргаритки и едва уловимо улыбнулась. Конечно, забрала, сразу же достала его из папки, как только Вишневский вышел из кабинета. Не могла оставить, что-то он значил для нее, то ли Максим, то ли цветочек...

— А кроль чей?

— Сама ты кроль, это зайчик, — наигранно обиженно произнесла она и сделала очередную затяжку. — Тоже Макс подарил. Вернее, оставил в ванной на полочке, когда я сдыхала в своей кровати.

— Марго, так и нет никаких изменений? — вдруг очень спокойно и грустно спросила подруга.

— И быть не может. Это приговор, — действительно отчаянно ответила Рита и раздраженно потушила окурок в пепельнице. — Катюш, мне кажется, твой телефон звонит, — совершенно другим голосом проговорила она и еще добавила вина в бокалы.

Подруга убежала за телефоном, который оставила в прихожей на тумбочке, а уже через минуту протягивала трубку Марго:

— Кто там? — шепотом спросила она, чтобы на том конце не услышали.

— Шеф, — так же тихо ответила Катя.

— Меня нет.

— Есть.

— Нет.

— Я уже сказала, что есть, так что, бери, — девушки продолжали шептать друг другу, а потом Катерина произнесла громче: — Маргарита Владиславовна, шеф вызывает.

— Су*ка, — ответила вышеупомянутая, и все же взяла трубку. — Я вся — одно большое ухо.

— Маргарита, завтра в три часа ты должна быть в офисе, нужно утвердить заказ на понедельник, — без приветствий отчеканил Вишневецкий.

— А без меня никак? И с чего вдруг — на понедельник?

— Без тебя никак, и потому, что нам срочно нужны материалы!

— Бу-бу-бу. В три часа дня? — решила уточнить.

— Конечно, дня, а когда еще?

— Да откуда мне знать, может, у вас слишком срочный заказ...

— Дорогая, если бы в три часа ночи, то я пригласил бы тебя к себе в кровать.

— Макс, напомни, чтобы я купила тебе губозакаточную машинку.

— А мне нужно купить для тебя плетки, и стегать за каждое плохое слово.

— И вам всего хорошего, — и она скинула вызов, костеря шефа, на чем свет стоит. — Козел, блин, плетку он мне собрался покупать. Мозгов себе купи, — крикнула в потухший телефон. — Блиин, у меня завтра свидание.

— Это еще с кем? — решила поинтересоваться Катя, которую не посвятили в данное событие.

— Да, учились вместе в университете, пойдем в гостиную, там все расскажу.

Марго зашла в кабинет к Максусу, который, к слову, оказался пустым. Не раздумывая ни секунды, она отправилась к себе через смежную дверь, где и застала своего строгого и страстного шефа. Мужчина сидел за ее столом и листал какие-то документы, по всей видимости, те самые, ради которых вызвал ее на работу в субботу. Из-за этого она была зла на шефа в два раза больше, ведь сегодня у девушки свидание, впервые за три года, и она приложила все усилия, чтобы выглядеть шикарно, но перед этим мероприятием теперь ей пришлось тащиться в офис.

Не общаясь два дня, Максим смог найти прекрасный повод, чтобы заманить блондинку на работу, ему срочно понадобилось утвердить заказ по доставке тканей на понедельник, а не как обычно, на среду. Специально? Скорее всего, но выбора не было, и теперь Рита находилась здесь, в своем кабинете, в компании директора, один на один во всем офисе.

Услышав, как щелкнула дверь, Макс поднял голову и устремил свой взгляд в сторону Марго, а заметив, что на ней надето, изумленно замер, не в силах сказать и слова.

— Что, никогда не видел бабу без силикона? — с сарказмом, который сочился в ее голосе, поинтересовалась Рита и, пройдя к диванчику, кинула на него свою кожаную курточку, а сумку положила на кофейный столик. — Любуйся, пока есть возможность. Только недолго, а то времени нет совсем.

Максим, словно заколдованный, поднялся с кресла и, витая в своих мыслях, наконец-то подошел к девушке, которая прошла к кулеру с водой. Он развернул Риту и пристально посмотрел в голубые затягивающие омуты глаз, не в силах перестать думать о том, какая сексуальная девушка стоит сейчас перед ним.

— Бабу без силикона не видел, а прекрасная девушка стоит сейчас передо мной, — каким-то чарующим голосом произнес он и заметил, как краской залилось красивое лицо девушки. — Настолько прекрасная, что у меня нет сил оторвать взгляд.

Сегодня Маргарита выглядела сногшибательно, невероятно, потрясающе в своем сексуально открытом наряде. Тонкая, просвечивающаяся ткань телесного цвета с идеально вышитой абстракцией шикарно подчеркивала статную фигуру Марго и придавала ей особый шарм и невероятную женственность. Длинная приталенная юбка прекрасно выделяла красивую округлую попку, а внизу струилась волнами и падала на пол, отчего при ходьбе нужно было рукой придерживать ткань, сквозь которую было прекрасно видны стройные ноги. А вот верх костюма был красив по-своему, кофточка с высокой горловиной и длинными рукавами также была прозрачной, и если на юбке была подкладка вплоть до края попы, и разглядеть трусики не имелось возможности, то здесь грудь мог скрыть только бюстгальтер. А еще особенность кофты была в том, что она была длиной чуть ниже груди, а животик оставался голым.

Мог ли Макс отреагировать на появление Марго иначе, когда она выглядела неземной и в то же время совершенной? От таких женщин напрочь сносит голову, вот и он не в силах был мыслить здраво, а просто правой рукой, нежно касаясь щеки, убрал подкрученный белокурый локон, выбившийся из замысловатой, подобранной кверху прически. Никогда не заикливался на прическах своих барышень, не смотрел на их макияжи, не любовался маникюрами, а от Риты не мог отвести глаз, не мог не заметить, как прекрасно ей было с подобранными волосами, как красивы четкие скулы и невероятно притягательны глаза. Ему

хотелось в ней забыться. Полностью окунуться в эту женщину.

— Тебе придется от меня отлипнуть, — немного очарованная и пораженная близостью мужчины, Марго наконец-то смогла произнести несколько слов, и тем самым «разбудить» Максима.

— Зачем мне это делать, если я прекрасно чувствую себя именно так, — она почувствовала на щеке его дыхание, а потом мурашки по всему телу, вызванные его хриплым голосом.

— Затем, что я пришла утвердить заказ, и очень тороплюсь, — ответила, и все же отошла от него, направляясь к столику за сигаретами.

— Куда это ты торопишься? — уже бодро, вернувшись на землю, поинтересовался Вишневецкий.

— Меня ждет мужчина, — буднично ответила Рита и подкурила тонкую сигарету.

От услышанных слов Макс едва ли не взревел и мгновенно оказался возле блондинки, рывком выхватил сигарету и потушил ту в пепельнице. Девушка так и застыла с пальцами у губ, не успев сделать затяжку, и наблюдала, как у ее шефа моментально меняется настроение от доброго зайчика до злого, хищного тигра. Точно, Макс — Тигр. Сейчас он выглядел именно так.

— Какой, нах*р, мужчина тебя ждет? — грозно спросил, пытаясь сдерживать нахлынувшую ярость, сжимая кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Максим Иванович, я свободная молодая женщина, у меня есть личная жизнь, поэтому, без зазрения совести, сегодня иду на свидание. Я предупреждаю Вас, в субботу мне не особо хочется находиться в офисе, — Рита видела, что его это бесит, но он ей — никто, и она вправе делать, что хочет.

— А твой мужчина знает, как ты передо мной своими прелестями сверкаешь? — снова спросил Макс в том же тоне.

— Во-первых, у меня нет мужчины, это всего лишь свидание, первое! Во-вторых, я не виновата, что Вы расцениваете это именно так. Не будьте слишком самоуверенны. Из этого, — она рукой провела в воздухе от груди до бедер, — Вам ничего не принадлежит, а вот тот, кто сегодня будет со мной на свидании...

— Расслабься, свидания у тебя никакого не будет. У нас слишком много работы, — уже более спокойно поведал Макс о своем решении и увидел, как на лице Марго меняются эмоции.

Конечно, ей неприятно стало то, что он пытается помешать ее свиданию, но и это говорит о чем-то большем. Ведь не будет мужчина злиться просто так. Почему он взбесился, услышав о другом, почему начал вести себя так, словно ревнует, ну, не может же он, в самом деле, это делать?

Марго внимательно посмотрела в его глаза и, развернувшись, прошла к окну, пряча свой взгляд в сером дождливом дне. Но Макс не дал ей возможности погрузиться в свои мысли, и тут же оказался около нее, практически касаясь грудью изящной спины. Рита вздрогнула от близости, но не отпрянула, и почувствовала теплые руки на своем голом животе, которые уютно загребли ее в объятия. Дыхание стало прерывистым, сердце заколотилось с бешеной скоростью, но ей так хотелось положить голову ему на плечо, и никуда не уходить, даже позабыв о грядущем свидании.

Крепкие мужские руки двинулись вверх, забираясь под тонкую кофту, проникая под лифчик, и наконец-то получая в плен округлые, упругие груди и тихий протяжный женский

стон удовольствия. Он аккуратно сжимал и гладил, передавая всю свою нежность, которая только могла быть в этих сильных руках, ласкал и все крепче прижимал девичье тело к себе. И Марго наконец-то подчинилась воле своих чувств и откинула голову на мужское плечо, полностью отдаваясь его власти. Власти этого несносного мужчины.

— А сердечко-то шалит, пора к доктору обратиться, — тихо прошептал Максим, утыкаясь носом в тонкую шейку. — Или это Цветочек так на меня реагирует? — он чувствовал, как под левой рукой, под ее грудью сильно колотится сердце, готовое вот-вот вырваться на волю.

— Из-за нахального шефа мир может лишиться одного ценного сотрудника и несостоявшегося адвоката, — пожаловалась она и попкой прижалась к возбужденному члену.

— Не лишится твой мир никого. А вот если ты пойдешь на свидание, да еще в таком развратном виде, то народ этой фирмы точно останется без шефа, потому что его засудят за убийство несостоявшегося жениха.

Он резко разворачивает к себе блондинку, миг смотрит в глаза и губами примыкает к ее скуле, влажно проводя по коже горячим языком.

— Это не может быть ревностью, потому что я тебе никто, — отвечает девушка и выдыхает от нахлынувшей страсти.

— Не знаю, как это называется, — он провел по голой спине руками, с нежностью перемещая их на ребра, снова пробираясь под кофту и пальцами хватаясь за ткань. — Но вчера я решил, что ты только моя, — и после его слов последовал резкий треск и глубокое «ах» от Риты.

— Что... Что ты делаешь? — непонимающе уставилась на Макса, а потом бросила взгляд на свою разорванную кофту, которую уже никак нельзя было спасти.

— Раздеваю тебя, — и стащил обрывки ткани с ее тела, оставляя в красивом телесного цвета лифчике без единого узора.

Ее грудь высоко вздымалась от переполнявших чувств, и Макс, как замороженный, смотрел на небольшие холмики, которые ему не терпелось попробовать губами, языком, не терпелось просто полюбоваться глазами. Но сначала он взял ее за руку и усадил на рабочий стол, продолжая рассматривать горящими глазами, а Рите стало немного неудобно под его взглядом. Все-таки она не часто раздевалась перед мужчинами, особенно в последние годы.

— Красота. Моя красота, — уверенно произнес и, нагнувшись, схватил ее юбку за полы и так дернул изо всех сил, что ткань тут же разорвалась буквально по центру. — Поэтому никакого свидания не будет.

Снял обрывки и откинул в сторону, оставляя Цветочка в одном белье и золотистых туфлях, которые шикарно смотрелись на ее стройных длинных ногах.

— Ты ненормальный! — возмущенно прикрикнула Рита, и хотела схватить юбку, чтобы хоть немного прикрыть свою наготу.

Максим помешал ей, вернув на место, и сам, скинув пиджак, уютно устроился между женских ножек, руками проведя от колен к бедрам, и выше по талии.

— Ненормальный. И ты — чокнутая! Но нравишься мне, и зачем я буду отпускать свое непонятно к кому? — это был риторический вопрос, и мужчина не ждал на него ответа, а только скользнул рукой за спину Марго и, прильнув к сладким губам в жарком поцелуе, повалил ее на стол, смягчая удар подложенной рукой.

Он исследовал ее рот своим языком, слыша в ответ тихие стоны удовольствия,

чувствовал горячее тело даже сквозь свою рубашку, и мечтал скорее оказаться раздетым, чтобы почувствовать кожу к коже и наслаждаться прекрасным телом блондинки. Ее пальчики начали мстить мужчине и, схватившись за воротник, дернули рубашку, отчего пуговицы посыпались по столу и полу, создавая звук удара, а Марго наконец-то коснулась каменной груди своего шефа. Провела пальцами, слегка царапая ноготками кожу, и неожиданно обхватила бедра ногами, крепко, давая понять, что отпускать его не намерена, и мужчине придется идти до конца. А он и не собирался отстраняться, разве что только для того, чтобы снять остатки вещей, сорвать с девушки трусики и, наконец-то, глубоко погрузиться в нее, как когда-то давно уже делал. Рита горела вся, чувствовала, что кожа уже мокрая от испарины, ощущала, как он своим возбуждением упирается ей в промежность, и сама желала, чтобы он наконец-то сбросил с себя одежду. Но Макс продолжал целовать губы, иногда прикусывая их и зализывая, показывая свою страсть и желание, а потом перешел на шею, которая теперь была мокрая и от его влажных поцелуев. Рука, которая до сих пор находилась за спиной, нашла крючки лифчика, и он, наконец, освободил для себя притягательную небольшую грудь с розовыми сосками.

Взгляд зафиксировался на холмиках, такой пронзительный и задумчивый, что невозможно было понять, о чем думает мужчина.

— Ожидал увидеть большее? — насмешливо произнесла она, вырывая Макса из мыслей.

— Я не ожидал увидеть настолько прекрасное, — и, не медля, склонился к груди, осторожно, совсем невесомо поцеловал один сосок, потом второй, снова коснулся первого и жадно погрузил в рот, влажно терзая, при этом ни единым намеком не причиняя боли.

Руками сжимал, гладил, пальцами ласкал свободный сосок, потирая его, немного сдавливая, потом делал то же самое со второй грудью, упиваясь нежными звуками стонов девушки. Когда наконец-то смог оторваться от груди, приподнял Риту и впился в сладкие губы, а руками принялся разбирать прическу, желая пальцами погрузиться в водопад белокурых прядей.

— Точно, богиня, — от его слов пошли мурашки по коже, и она немного поежилась, пытаясь ближе оказаться к мужчине. — Моя. Моя богиня, — продолжал целовать, набирая полные ладони волос, которые успел выпустить из захвата шпилек.

Цветочек отстранилась от его губ и заглянула в голубые омуты, пытаясь понять, действительно ли все эти слова говорит он, но Максим не дал ей долгой передышки. Немного отстранившись, наклонился и принялся целовать левое бедро, спускаясь вниз к щиколотке. Руки застыли на туфельке, не спеша сняли ее и отбросили в сторону, предоставляя обзор на изящную нежную ступню.

— Можно осторожнее, я их за свои деньги покупала, — возмутилась Маргарита и тут же ахнула, ощутив на пальцах ноги горячий язык. — Что ты делаешь? Это не гигиенично и смертельно, — но он продолжал целовать пальчики и руками гладить ногу.

— Смертельно будет, если я тебя сейчас не отлюблю, Цветочек, — посетовал он, но не отстранился, а продолжил ласкать своим языком.

— Ох, называй меня вот так чаще, — шепотом попросила девушка и указательный палец положила на нижнюю губу. — Из твоих уст это звучит горячо.

— Всегда буду называть. Всегда, — Максим переместился к другой ножке и проделал то же самое, что и с первой.

— Как же хорошо, я как раз три дня ноги не мыла.

— Марго, если ты так вкусно грязнеешь, то не мойся чаще, — попросил он, пряча

улыбку за ее ножкой.

Вишне夫斯基 осторожно опустил ногу и, наконец-то взявшись пальцами за женские трусики, медленно стянул их, после чего снял свое белье и, будучи полностью обнаженным, прижался к влажным складочкам своим членом. Рита ахнула и словно получила разряд по телу от такого приятного сближения.

— Ничего себе, конь! Да ты в меня не поместишься, я слишком маленькая, — возбужденно пропыхтела она, а глаза так и горели, мечтая поскорее почувствовать всю его длину.

— Маленькая, все прекрасно войдет. Пробовали, знаем, — он головкой провел по складочкам и аккуратно начал входить в ее глубь. — Какая же ты узкая... — с придыханием проговорил Макс, продолжая медленно продвигаться вперед.

— Это все потому, что ты у меня первый, — капризным голосом ответила Рита.

— Цветочек, не порть момент, — он вошел, и тут же последовал обратно, давая девушке привыкнуть к размеру.

— Мне больно. Не насилуй меня, — снова капризно сказала Марго, но Макс видел смешинки в голубых глазах, и чтобы наказать несносную девчонку, полностью погрузился в нее, глубоко, до конца, насколько позволяла его длина. — Ах...

— Марго, закрой рот. Иначе я тебе его сейчас кляпом заткну! — теперь мужчина продолжал двигаться, страстно сжимая попку своими руками.

— Ого! А у тебя есть? — восторженно поинтересовалась и снова ахнула от глубокого толчка.

— Мой член идеально подойдет, — теперь и на его теле проступила испарина, и было так хорошо, так сладко находиться в ней, такой тугой и горячей.

В этот момент у него появилось новое любимое занятие — слушать музыку в виде стонов Марго.

— Дурак! — немного обиженно произнесла девушка и ноготками впиалась в сильные покатые плечи.

— Заткнись, — на очередном толчке произнес Максим.

— А стонать можно?

— Нужно! Потому что по-другому ты не сможешь, — он сам уже рычал от удовольствия, и даже ее дурацкий треп не раздражал его, а лишь подстегивал ускорить темп.

— Самоуверенный, — сильный толчок. — Ох, твою мать...

— Не трогай мою маму.

— Да я никого не трогаю, — простонала вместе со словами, и почувствовала, как к ней приближается волна оргазма. — Ах, Макс, ты... Боже, еще, Макс, прошу...

— Ну, наконец-то... — прошептал он и, сделав еще несколько мощных толчков, почувствовал, как девушка сжимает его и дрожит от нахлынувших волн удовольствия, и сам, не выдерживая, кончает, в последний раз глубоко проникнув в ее лоно.

— Цветочек, ты всегда так много болтаешь во время секса? Или только мне так повезло? — задал интересующий вопрос Максим, после того как они отдышались, и теперь сидели на столе.

Марго спиной оперлась об его голую грудь и с наслаждением расслабилась в крепких объятиях, впервые за долгое время доверив себя мужчине.

— Всегда, и только тебе, — двусмысленно прозвучал ответ, а мужчина приподнял ее ладошку и поднес к губам для легкого поцелуя.

— Это как так? — уточнил между ласками.

— После тебя у меня не было ни одного мужчины.

— В смысле? Почему? — Макс даже оторвался от руки и немного приподнял блондинку, чтобы видеть ее глаза.

— Ну, я же развелась с мужем, — простой ответ, который якобы должен был ему все объяснить.

— Да, но...

— Я же не дура, чтобы ложиться под кого попало!? — недоуменно произносит, и сама полностью поворачивается к мужчине, с которым только что занималась горячим сексом.

Макс пристально смотрит в ее глаза, не пытаясь там что-то выискать, а просто — зачарованно и нежно, а потом уверенно отвечает:

— Ты не дура. Ты моя девочка.

— Десять минут назад ты утверждал иное. И не льсти себе, я не твоя, — вернувшись в исходное положение, будничным тоном ответила Рита.

— Я ожидал, что ты будешь упираться, но никакие твои слова не воздействуют на мое решение. Забудь об этом, как и о том, что у тебя свидание.

На эти слова она только наигранно огорченно вздохнула и крепче прижалась к мужской груди. Сегодня можно понежиться, расслабиться, просто почувствовать себя хрупкой женщиной. Только сегодня.

— Как я теперь поеду домой? — Рита подняла обрывки своего наряда и попыталась рассмотреть возможность его восстановления.

— Значит, решено, сегодня ночуешь у меня, — будничным тоном ответил Максим, застегивая свои брюки.

— Еще чего? — возмутилась девушка и застегнула крючки на бюстгальтере, — У меня есть квартира. А ночевать вне дома я не привыкла.

— Примерная девочка. Завтра куплю тебе новое платье.

— Конечно, купишь, злодей, — она кулачком помахала около его носа, и Максим тут же перехватил ее ручку.

— Хорошо, что ты сегодня не на машине, — прошептал он и поцеловал ладошку.

— Почему?

— Либо ты едешь ко мне, либо вот так идешь домой пешком, — кивком головы указал на ее фигуру, облаченную в одно белье. — От твоей куртки толку мало.

— Я такси вызову.

— Теперь нет, — Вишне夫斯基 схватил ее сумочку, тем самым показывая, что не намерен отступать от своего плана.

— Похититель...

— Угу, — с милой улыбкой мужчина согласился на ее обвинение.

— Маньяк.

— Немного.

— Жулик, — чуть строже произнесла и потерлась животиком о его пах.

— О, да.

— Максим, а как я выйду отсюда?

Забрав свою руку из захвата, Марго прошла к столу, сверкая прелестями, и, вытащив сигарету из пачки, прикурила, присаживаясь на стол. Мужчина подобрал золотистые туфли и подошел к девушке, встал на колени, помогая ей обуться. Рукой провел по ноге, ощущая гладкость кожи, наклонился и поцеловал коленку, отчего Рита почувствовала мелкие мурашки по всему телу.

В этот момент была такая приятная и нужная тишина, даже интимность, и оба чувствовали себя на своем месте, в нужных руках. Им казалось, что все так и должно быть, нежно и уютно, страстно и горячо. Единение. Их словно магнитом притянули, слепили, сшили, не так, как три года назад, не ради удовольствия тел, а для спокойствия душ. Мужской и женской. Маргариты и Максима, которые до этого словно и не жили, а просто существовали в своих темных мирах.

Он резко поднялся и приник к сладким губам блондинки, руками упираясь в стол по бокам ее бедер, и почувствовал не совсем приятный вкус сигарет. Ему нужно срочно отучить ее от этой пагубной привычки, он хочет, чтобы она пахла только цветами. И сексом!

Рита простонала от нахлынувших чувств и горячего напористого языка, и сама принялась отвечать, поглощая дикую страсть мужчины. Как же ей нравилось с ним целоваться, ощущать щетину, от которой теперь жгло кожу вокруг губ. Но это жжение ей казалось приятным и дурманящим, ведь вместе с ним она чувствовала и его вкус.

— Я об этом позаботился, Цветочек, — девушка не сразу поняла, о чем говорит Максим,

он так резко отстранился от губ, что она еще не успела сориентироваться, и только через несколько секунд поняла, что мужчина ответил на ее вопрос.

— Что? В каком смысле?

— А ты что думала? Я тебя позвал бумажки читать?

— Ну, да.

— Наивная моя девочка, я позвал тебя мириться.

— Обманщик, вот ты кто, — посетовала она, делая только вторую затяжку.

— Угу, и жулик, и маньяк и похититель.

— Именно!

— С тобой я могу быть кем угодно. А теперь, родная, надевай мою рубашку, и поехали.

— Максим... — начала она, но Макс понял, что Рита имеет в виду, и поспешил объяснить.

— Камеры выключены, не переживай!

— Как у тебя все просто, — ехидным голосом произнесла Марго и потушила окуроч в пепельнице.

Мужчина протянул ей свою рубашку, которую тоже нельзя было застегнуть, а сам накинул на голое тело пиджак.

— В моей одежде ты очень сексуальна, — прошептал на ушко, касаясь руками ее плеч.

— А без одежды я вообще огонь, Вишневский.

— Знаю, — прикусил мочку уха и тут же отошел, хватая свой телефон, который удивительным образом не упал на пол со стола во время секса, — А теперь пойдём.

Она как раз успела застегнуть куртку и поправить волосы, когда Макс взял ее за руку и потянул к выходу, мечтая скорее оказаться с ней в уютной, теплой кровати.

Едва закрыв за собой дверь, Максим тут же набросился на Марго, буквально припечатав ее к вышеупомянутой, распластав, придавив, и губами захватив в плен ее губы и шею. Влажно целуя кожу, впитывая в себя ее вкус, он расстегнул сначала свою куртку, потом женскую, сбросил пиджак, и с удовольствием голой кожей соприкоснулся с нежным телом.

— На свидание она собралась, как в пятнадцать лет, — говорил между поцелуями, и сдирал с нее белье, не в силах сдерживать эмоции.

— Я в пятнадцать не ходила на свидания. А вот ты, возможно, разрушил сегодня мою жизнь, — Рита тоже не отставала, и уже расстегивала брюки, желая скорее прикоснуться к его возбужденной плоти.

— Именно поэтому ты мечтаешь коснуться моего члена, вместо того, чтобы попытаться спасти свою жизнь, — словно поругал ее и, схватив тонкие запястья, пригвоздил их к той же двери, согнув в локтях.

— Мне слишком нравится твой член, — едва не покраснев, призналась она, и тут же почувствовала под собой прохладный кафель. Они даже не успели дойти до спальни, Максим уложил девушку у входа в гостиную, не имея сил сдерживать свое возбуждение.

— И ты хочешь, чтобы после этих слов я отпустил тебя? — нависнув над ней, поинтересовался мужчина.

— Да...ох...

После ее ответа Максим одним рывком вошел во влажное тело и, тут же почувствовав, как стенки лона сжали его плоть, застонал и на миг остановился. Дал возможность Рите прочувствовать весь кайф оргазма, окунуться в эту сладость и немного успокоиться, а затем резко перевернул ее, насаживая на себя, а сам лег на пол, чтобы не причинять ей боли.

— Как же хорошо и немножко больно, с непривычки, — говорила она и, развернувшись вполоборота, снимала с него брюки, которые по-прежнему были на крепких бедрах.

— Я компенсирую это, иди ко мне, — он руками притянул ее к себе и снова впился в губы, нашел язычок и начал жадно ласкать его своим.

— Ах... — Марго почувствовала сильный толчок и простонала ему в рот.

— Кошечка? — отлипнув от девушки, поинтересовался Максим.

— Нет уж, лучше Цветочек, — на ее ответ он снова глубоко толкнулся и руками прошел по животику к груди.

С медленных глубоких толчков он переходил на быстрые и резкие, и с каждым разом быстрее приближался к разрядке. Рита руками уперлась в его плечи, и на каждое его погружение устремлялась навстречу, получая более яркие эмоции, сильную дрожь в теле и невероятно приятные спазмы внизу живота. Их тела были покрыты испариной, но они совершенно не обращали на это внимания, прохладный воздух и горячая мокрая кожа придавали только больше возбуждения. Максим с силой насаживал на себя девушку, желая еще глубже проникнуть в нее, а она в ответ стонала все громче, их, казалось, могли услышать даже соседи. Вот только плевать они сейчас на это хотели, ведь главное, что им хорошо, а кому что-то не нравится, смело могут идти к черту.

Обоюдные стоны, тяжелое дыхание и одновременный оргазм настигает их на самом пике удовольствия. Рита, обессиленная, падает на мощную грудь и чувствует, как сердце мужчины громко стучит у нее под ухом. Она и сама не может успокоиться, и улыбка на ее губах — результат их общего секса, страстного и горячего. Блондинка приподнимает голову и начинает нежно, почти невесомо целовать его грудь, при этом игриво поглядывая в глаза Макс. Чувствует, как он снова начинает твердеть в ней, чувствует и ликует, ведь виновницей его возбуждения является она.

Приподнявшись всем телом, она резко проводит ногтям по его груди, оставляя после себя неслабые красные полосы, и спиной опирается на его уже согнутые ноги.

— Марго, да больно же, ну! — он рукой проводит по следам, пытаясь хоть немного убавить жгучую боль.

— Это я тебя пометила, — невинно хлопая глазками, говорит девушка томным голосом.

— Ты же недавно утверждала, что ты не моя.

— А я и не твоя, — громче, чем следовало, отвечает Рита и, уже взяв свои эмоции под контроль, добавляет. — Но это не значит, что ты теперь должен тр*хать всяких баб.

— В этом можешь не сомневаться, — Макс привстал и нежно коснулся розовых губ в легком поцелуе, после чего, придерживая девушку, поднялся с пола. — А теперь — душ.

— Макс, у тебя есть красное вино? — громко спросила Марго, удобно разместившись на королевской кровати среди черных шелковых простыней, пока мужчина вытирал воду с пола в ванной.

Душ они приняли достаточно шумно и не по правилам, а чтобы не затопить соседей, Вишневы вызвался сам убрать последствия «купания», и поэтому, принеся Риту в спальню в своем халате, удалился обратно в ванную. Девушка, наоборот, наслаждалась, расслабившись и дурея от шикарного запаха духов и мужчины, с которым сегодня побила все свои рекорды.

— Для тебя у меня есть все, что захочешь, Цветочек, — ответил Максим, вернувшись в спальню в одном полотенце на бедрах.

Походка и мощное тело выдавали мужественность этого мужчины, уверенность в себе и

невероятную сексуальность, от которой Рита сходила с ума с самого первого дня. Ей нравилась даже грубость Максима, ведь она не выходила за рамки, и была очень даже кстати. Его грубость возбуждала ее и удивляла. Другой бы, за такое вольное поведение Марго, давно бы что-то сделал, а шеф только колко отвечает, и так же крепко ее хочет. Парадокс, не иначе.

Вишне夫斯基 достал из мини-бара бутылку красного вина, откупорил ее и, наполнив один бокал и коленкой встав на кровать, подал его девушке, нежно ей улыбаясь.

— Почему один бокал?

— Я не люблю вино, — просто отвечает мужчина, наблюдая за ее действиями.

Рита, немного прищурившись, смотрит в голубые глаза, делает глоток красного и, удобно разместившись на кровати, развязывает пояс халата свободной рукой и распахивает его полы. Его взору открывается красивая небольшая грудь с напрягшимися сосками, а Цветочек, убедившись, что мужчина смотрит на нее, наклоняет бокал и капает буквально несколько красных капель в ложбинку.

— А если так? — и макает палец в этом вине, скользя им по коже груди и смачивая сосок.

Зрачки Макса расширились, и Марго увидела, как под полотенцем он снова возбудился и готов был взять ее прямо сейчас. Он наклонился к груди и с удовольствием захватил сосок, сначала сжав его губами, а потом облизав языком так, словно целовал ее губы. Она почувствовала дрожь по телу и приятное томление внизу живота, и даже выгнулась, еще больше подставляя грудь его рту.

— Если я всегда буду закусывать твоей грудью, то готов даже молочное есть, — ответил мужчина хриплым голосом и, слизав в ложбинке остатки вина, захватил в плен своих губ второй сосок, не оставляя и его без внимания.

Сквозь задернутые шторы пробивались первые осенние лучи солнца, падая на прекрасное лицо белокурой девушки, которая уже морщила носик от прямого попадания света на закрытые глаза. Просыпаться не хотелось, но яркий свет не давал покоя, она улыбнулась и, немного склонив голову, потянулась, доставая руки из-под одеяла и вытягивая их над головой. В теле ощущалась приятная боль, а между ног — небольшой дискомфорт, но все это перекрывали воспоминания о вчерашней волшебной ночи в объятиях красивого мужчины. Расслабившись, Рита спрятала руки обратно под одеяло и, открыв глаза, с удовольствием вдохнула полюбившийся запах строгого шефа — Вишне夫斯基. Где он сам, девушка не знала, да и не спешила вставать, ей очень хотелось насладиться этой тишиной и непередаваемой атмосферой спальни, где теперь, вперемешку с мужскими духами, витал запах секса. Комната была просторная, в черно-белых тонах, и практически пустая, не считая огромной кровати, на которой лежит Марго, кофейного столика с двумя креслами, похожими на работу восемнадцатого века, и небольшого белого диванчика, разместившегося в углу, параллельно столику. Ни шкафов, ни зеркал, ничего больше в этой комнате не было, то ли хозяин недавно купил дом и еще не успел обустроиться, то ли просто не заморачивался об уюте, одно из двух.

По бокам над кроватью висели два светильника, совершенно обычные, но вливающиеся в общую атмосферу, а вот само ложе было поистине королевским. Высокие красивые ножки, огромный матрац, который разместил бы явно человек пять, и невероятных размеров мягкая спинка, по краям отделанная коваными узорами. Что очень завораживало в спальне, так это нереальной красоты люстра, которая, кажется, сделана из бриллиантов, о чем девушка очень хотела поинтересоваться у Макса. Вчера, когда он включил свет, камни сверкали невероятным количеством оттенков, и просто блестели, не давая своим зрителям оторвать взор.

Повернувшись на правый бок, Марго провела пальчиками по подушке, на которой спал мужчина, и улыбнулась, вспоминая, какие вещи они вчера вытворяли, и как развратно она себя вела. Нет, конечно, ничего извращенного не было, просто Рита отвыкла от прикосновений мужчины, но вчера она не чувствовала себя неловко или скованно, наоборот, все было естественно и с удовольствием. Возможно, именно поэтому она не хотела сейчас вставать с кровати, в которой проспала голышом на шелковых простынях, не хотела терять это волшебство момента, осознавать, что все закончилось, и она снова вернется в свою реальность. Нравился ли ей Максим? Конечно, да, и именно это ее и пугало, боялась влюбиться, влюбиться так, как она умеет, сильно, отдавая всю себя, и не требуя ничего взамен, боялась отдаться человеку полностью, и в прекрасный момент быть повергнутой в пропасть с самой высокой скалы. Быть свергнутой туда, откуда больше она не сможет вернуться, даже если ее там будут ждать два Ивана Сергеевича. Потому что, случись такое еще раз, от девушки останется одна оболочка с разорванной, неизлечимой душой.

Еще раз потянувшись, Марго откинула одеяло и изящно присела на край кровати, спуская свои ножки на пол. Немного приподняв подбородок, глазами посмотрела в окно сквозь штору. Видел бы сейчас Вишневецкий, как красиво смотрится ее стройное изящное тело, с красиво растрепанными волосами, струящимися по спине, среди черных простыней. Она сидела с грацией кошки, обыденно для нее, и так сексуально вызывающе для любого мужчины, который бы только мог увидеть сейчас девушку. Упрямый подбородок, длинная шейка, небольшая округлая грудь с торчащими сосками, плоский животик и идеально ровная спинка, Максим бы сошел с ума от этой красоты в полумраке его спальни.

Последний раз глубоко вздохнув, Рита поднимается с мягкого матраца и оглядывается по сторонам, пытаясь понять, что бы ей надеть, ведь кроме белья, у нее здесь ничего нет. Поискав глазами, она обращает внимание на пуфик, который не сразу заметила с другой стороны кровати, и, довольно улыбнувшись, проходит к нему. Словно пирамидкой, на нем сложены три мягкие упаковки. В первой она обнаруживает черные трусики танго, которые точно подойдут ей по размеру. Кружево, Вишневецкий знает, как угодить девушке. Вторая упаковка была проще, в ней были капроновые колготы бежевого цвета, а вот в третьей, разительно отличающейся по размеру, упаковке девушка обнаружила платье, и, не медля, поспешила его открыть. Обычное черное, с рукавами три четверти, длиной до середины бедра и красивым пояском, всем своим видом кричало, что его выбирал лично Максим, чтобы, упаси Бог, не было видно груди и спины. Ох уж эти мужчины, подумала про себя Рита и положила наряд на кровать, а сама, надев новые трусики, сверху накинула белую мужскую рубашку, которая лежала на пуфике, в самом низу, под коробками. Пока вот так будет самое оно, легко и свободно. Открыв дверь, которая находилась здесь же, в спальне, Рита попала в ванную и приступила к утренним процедурам, стараясь кое-как привести себя в порядок.

Сбежав вниз по лестнице, девушка сначала помедлила, определяясь, куда ей идти, и что

делать, и все же решила отправиться в кухню, тут же надев на себя маску безразличия. Остановившись у стола, замерла, с интересом смотря в глаза красивому мужчине, который всю ночь делал так, чтобы она стонала.

Он стоял посреди кухни в одних джинсах и серьезным, слегка надменным взглядом наблюдал за изящными, раскованными движениями красивой голубоглазой блондинки. Весь ее вид говорил одно — уверенность, она была до безумия уверена в себе, ни взглядом, ни жестом не выдавала какого-либо страха или признака нервозности. Наоборот, глаза сверкали задорными искорками, а в уголке губ можно было прочесть заигрывающую улыбку, которая страстно увлекала мужчину в свои сети. Нет, он не впервые видит эту улыбку на губках, которые уже успел опробовать, даже вкусить, наслаждаясь пьянящим ароматом клубники. Точно, клубники, и сама девушка выглядела настолько сладко, настолько красиво, что другое сравнение и не придумаешь, просто не посмеешь.

С грацией, подобной кошке, она стояла у обеденного стола, слегка касаясь бедром стула, и призывно, одним взглядом, словно хищника, манила его к себе. Изумительная, в его белоснежной рубашке, которая едва прикрывала ей попу, и он не был уверен, есть ли на ней трусики, но до зуда в пальцах скорее хотелось выяснить это. Конечно, то, что она была без лифчика, сомневаться не приходилось, соски, призывно торчащие под тонкой рубашкой, возбуждали его с невероятной силой, и мужчина уже готов был сорваться, отпустить свою напускную сдержанность, и наконец-то овладеть этим стройным, сексуальным телом. Погрузиться в него настолько, чтобы из ее дурной головы вылетели все глупые мысли, чтобы стонала под ним там громко, как только позволяет ее голос, и дрожала, чтобы дрожала в конвульсиях, испытывая дикий оргазм от его глубоких и мощных толчков.

— Что смотришь так, словно хочешь меня тра*нуть? — совсем не приветливо и без капли нежности произнесла Марго, закидывая белокурую прядку волос за плечо, да так изящно, что у него не оставалось сомнений — сейчас точно сорвется, набросится, как изголодавший тигр, и вы*бет из нее всю дурь.

— Ты раздетая передо мной, и смеешь спрашивать такие вещи? — ехидно произнес он, делая расслабленные шаги в ее сторону, и наблюдая за выражением лица, прищуренным хмурым взглядом.

— Извини, после вчерашнего мне больше нечего надеть, — тут же соорудив из себя милую невинность, очень ласково произнесла она, хлопая длинными ресницами, и умудряясь при этом с ним кокетничать.

— Не делай из себя с*ку, — совсем грозно прорычал Максим, и одной рукой рванул пуговицы на своей рубашке, представляя своему взору небольшие округлые груди, которые, как он догадался раньше, оказались без лифчика. — А бюстик тоже не в состоянии надеть?

— А я и есть с*ка, Вишневский, — злобно ответила на первую его фразу и, пропустив мимо ушей вопрос, она рывком попыталась притянуть его к себе за ремень, что, к слову, вышло очень плохо, учитывая его габариты. А сама, оказавшись прижатой к сильному телу слишком близко, грудью скользнув по крепким мышцам, встала на колени, и пока пальцы проворно расстегивали пряжку кожаного ремня, язык изящно выводил влажные узоры на каменном прессе горячего мужчины.

Макс терпел, потому что нравилось то, что делает девушка, наслаждался ее теплым влажным языком, легкими царапающими движениями ногтями по животу, и улыбался, как малолетний идиот, который не в силах оторвать взгляд от красивой девушки. Почему терпел? Потому что не собирался позволять ей сделать то, что она хочет.

Как только джинсы оказались расстегнутыми, и чтобы достичь своей цели, Марго нужно было отодвинуть в сторону трусы, он одним рывком поднял ее на ноги и тут же усадил попой на стол. Сам расположился между женских ножек, рукой коснулся щеки, погладил и переместил на затылок, тем самым приближая ее лицо к себе.

— Ты не с*ка, Цветочек, ты не с*ка, — глубоко смотрел в ее голубые озера глаз, пытаясь найти там хоть какие-то эмоции, но попытки казались тщетными. — Хорошая девочка Рита с утра натянула на себя маску и хочет казаться холодной и раскованной женщиной, но я-то тебя видел вчера, видел настоящую. Что мешает тебе быть и сегодня такой? — он не ждал ответа, он ждал действий, которых так и не последовало.

— Дай мне доделать то, что я начала? — произнесла девушка сквозь зубы и рукой схватилась за его руку, которая удерживала затылок.

— Ты не будешь делать мне минет, — строго ответил Макс и приблизил свое лицо, останавливаясь буквально в пяти сантиметрах от ее губ.

— А что, брезгуешь? Вчера мне не показалось так, когда тра*ал меня, не предохраняясь...

— Эти губы созданы, чтобы детей целовать, своих детей, возможно, наших, но никак не для того, чтобы сосать член. Поняла меня? — он грубо схватил ее за подбородок, внимательно смотря в глаза, которые теперь выдавали страх. Она испугалась его, черт. Тут же убрал руку и уже с нежностью обнял ее тело, пытаясь вселить тепло и уверенность. — Дура, дурочка моя, я не причиню тебе боли, не ударю. Прости, — начал шептать он, и Рита ощутимо расслабилась, да так, что снова вернулась вчерашняя хрупкая девушка.

Она сдалась, сейчас, в его доме, снова сдалась, и даже чуть не расплакалась, ведь ей так хотелось быть слабой рядом с Максимом, и с такой же силой она боялась ему довериться. Ей ведь действительно на миг показалось, что он ее ударит. Девушка испугалась, очень, как когда-то, но следующие слова заставили ее поверить, и она смогла расслабиться, отпустить ситуацию, и теперь просто наслаждаться объятиями этого мужчины.

Когда Рита отняла свое лицо от его груди, то встретила голубыми глазами, такими похожими на ее, и такими... теплыми и нежными. Рукой коснулась его щеки, и неспешно приблизилась к пухлым губам, чтобы, наконец, почувствовать их тепло и жадность. Легонько поцеловала, с маниакальностью наслаждаясь их гладкостью, а потом языком раздвинула губы и тут же почувствовала его язык. Максим нежно ласкал, целовал с особой осторожностью, и если не знать наверняка, казалось, что с любовью, как не целуют временных любовниц или проституток, он целовал заботливо и сладко. Марго с удовольствием прижимала его ближе к себе, руками надавливая на спину, а он левой рукой придвинул ее за поясницу, чтобы она четко могла ощущать его возбуждение. Правая рука легла на левое бедро, медленно, сантиметр, за сантиметром продвигаясь вверх, желая снять трусики и коснуться ее женственности.

— Кхм кхм, — неожиданно послышалось со стороны входа, и они резко оторвались друг от друга.

Заметив родителей, Максим быстро поднял девушку со стола и завел себе за спину, прикрывая ее, и сам принялся застегивать джинсы. Хорошо, что не позволил ей осуществить задуманное, иначе ситуация вышла бы ужасная, после которой Марго было бы стыдно до безумия.

— Родители, могли хотя бы позвонить, — посетовал Максим и наконец-то посмотрел на неожиданных гостей.

Мама была смущена, а вот отец, наоборот, казался сердитым, и он понял, что сегодня придется выслушивать наставления по поводу этой девочки.

— Мама, знакомься, да и ты папа тоже — это Рита, моя девушка, — родители улыбнулись, и даже отец стал более мягок, а вот Марго не могла выйти из-за спины мужчины, слишком неудобно ей было, да еще и в одной рубашке.

— Очень приятно, — прошептала женщина и отодвинула сына в сторону, — Меня зовут Дарья, но ты можешь называть меня Ласточка.

Она приподняла подбородок блондинки и с доброй улыбкой посмотрела в глаза девушки и подмигнула.

— Здравствуйте. Господи, простите, мне нужно одеться, — Рита мгновенно покинула кухню, словно ее здесь и не было, а мама тут же посмотрела в глаза сыну.

— Что, мамуль?

— Когда ты собирался познакомить меня с дамой своего сердца? — наигранно строго поинтересовалась она и прошла к кофе-машине, чтобы приготовить всем кофе.

— Скоро, честно, очень скоро, но вы все переиграли.

— Конечно. А с отцом, я смотрю, она уже знакома, — предположила женщина с красивой улыбкой.

— Да, родная, я тебе о ней рассказывал, — ответил Иван Сергеевич и удобно расположился за столом. — Я надеюсь, вы здесь не успели? — он указал на деревянную поверхность, вспоминая, на чем подловили сына.

— Отец!

— Ну, а что? Ты хоть двери закрывай, а то...

— Иван, прекрати, — Дарья уже разлила кофе в четыре чашки, и в холодильнике искала сливки.

— Что, будешь читать нотации или согласишься, что я не глупый мужчина? — неожиданно поинтересовался Максим, кивком поблагодарив маму за напиток.

— Я никогда не думал, что ты глупый, и сейчас, надеюсь, знаешь, что делаешь, — серьезным тоном ответил Иван Сергеевич.

— Более чем!

В кухню вошла Марго в новом, купленном утром Максимом платье, все такая же смущенная, не похожая на себя, но уже более уверенная, чем десятью минутами ранее. Она застыла в проходе, не зная, как себя вести, что делать и что говорить, ведь совсем не собиралась знакомиться еще и с матерью Максима, никогда не думала, и не хотела.

— Ритуль, проходи, ты чего застыла? — от этого обращения девушка сжалась, но всеми силами постаралась сделать вид, что ее это вовсе не угнетает, дабы не обидеть женщину. — Рита, давай, выпьем кофе в семейной обстановке, поболтаем по-дружески, а потом мы с Иваном Сергеевичем вас оставим, и не будем друг от друга отвлекать.

— Марго, проходи, ты чего? — Максим сам встал и прошел к ней, взял руку, поцеловал, подбадривая, и провел к свободному стулу. — Мамуль, а ты тоже давай, не суетись, присаживайся.

Маргарита была в какой-то прострации, совершенно отключенная от внешнего мира, и не понимающая чего от нее хотят. Какие-то звуки, чужие эмоции и неправильные слова, все это было не ее и не для нее, она здесь чужая, и никогда не должна была сидеть за столом с такой прекрасной и любящей семьей. Она знала, что у Ивана Сергеевича все именно так, а вот Рита — она же не из них, она сирота, к тому же запачканная и униженная бывшим

мужем. Ей не место за этим столом, не место рядом с такими людьми, ей впору запереться у себя в квартире, и отсидеться там, пока снова не приведет мысли в относительный порядок. Всегда была одна, никакой настоящей и любящей семьи, и так и должно оставаться, иначе ее все это поглотит, затащит в рутину своими липкими лапами. Она привыкнет, а потом, что с ней будет потом? Господи, почему все идет по кругу, почему ты не даешь ей просто жить, как раньше, как это было в годы учебы в университете, где она не знала, что такое любовь, почему?

— Извините, я не могу, — громко произносит Рита, одновременно отодвигая чашку, из которой тут же выплескивается черная жидкость на стол.

Она буквально выбегает из кухни, а по щеке уже катится соленая слеза отчаяния и боли, которая снова сковывает ее душу.

— Марго, — завет Максим и хочет бежать за ней, но его тут же останавливает отец, крепко хватая за руку.

— Посиди, я сам, — он знает, о чем говорит, и знает и понимает, что чувствует девушка, поэтому и хочет сам с ней объясниться.

А Дарья, если она поняла, кто эта Рита, то даже не смеет останавливать мужа, осознавая, какая поддержка нужна девушке.

Мужчина догнал блондинку, которая уже надевала свою курточку, пряча лицо за занавесом волос. Теперь ей не было стыдно, одна лишь боль завладела ее сердцем, и так хотелось поскорее убежать из этого дома, туда, где привычно одиноко и так спокойно душе.

— Рита, подожди, дорогая, — Иван Сергеевич развернул девушку к себе лицом и с болью посмотрел в ее заплаканные глаза. — Ты прости, что так вышло, Марго. Прости. Но ты не можешь всю жизнь убежать, не можешь прятаться, слышишь?

Она молчала, просто слушая мужчину и глотая слезы, которых стало слишком много за последние несколько минут.

— Ты не можешь, девочка, не можешь. Однажды тебе придется впустить в свое сердце любовь, а в жизнь — семью, и ты уже не будешь вправе бежать от своих страхов.

— В какую семью, о чем вы говорите, Иван Сергеевич? — всхлипывая, спросила она и наконец-то, немного расслабилась в его объятиях.

— Я говорю о том, что однажды ты выйдешь замуж...

— Я не выйду замуж, не собираюсь становиться проблемой для мужчины, который захочет иметь детей. А я не та, кто сможет подарить ему ребенка.

— Рита, ты иди, отдохни немного, — он вытер ее мокрые щеки. — Но знай, девочка моя, любовь творит разные чудеса.

На это девушка ничего не ответила и, выбравшись из объятий, обула туфли и нашла на комодке свою сумочку.

— Передайте мои извинения своей жене, а Максиму... Мы увидимся...

— Что мне ответить им? Я могу сказать, что ты...

— Да, — быстро перебила она, и без лишних напоминаний зная, что является сиротой. — Но не больше.

Иван Сергеевич кивнул и уже через несколько секунд закрывал входную дверь, в которую только что вышла Марго. Тяжело вздохнув, он потер глаза и отправился в кухню к жене и сыну, думая, как покоректнее объяснить сложившуюся ситуацию.

Максим заметно нервничал и курил, а Даша более спокойно пила свой кофе за столом, пытаясь не лезть к сыну с расспросами. Видела, как он переживал, что говорило о том, что

эта блондинка ему небезразлична.

— Где она? — Вишневецкий младший тут же откинул сигарету в пепельницу, бросая взгляд на вошедшего отца.

— Рита ушла, ей нужно немного отдохнуть.

— Папа, а с чего вдруг ты решаешь, что ей нужно? — немного грубо поинтересовался Макс, доставая новую сигарету.

— Потому что я знаю ее лучше тебя. И прекрати курить!

— Что произошло, Ванечка? — взволнованно спросила Ласточка, подходя к мужу, а он обнял ее, успокаивая, и решаясь на трудный разговор.

— Рита, с самых первых дней своей жизни, воспитывалась в детдоме. Она сирота, — огорченно произнес Иван, крепче прижимая жену и чувствуя, как ее тело окаменело. — В этом мире она всегда была сама за себя, ей некому было помочь, и... Вот эта обстановка, она ее пугает. Мы никогда не сможем до конца этого понять, но должны попытаться.

Максим пораженно уставился на отца, не в силах поверить в услышанное, но знал, что врать тому незачем.

— Ее бросили? — сильным голосом спросил он, желая знать всю правду.

— Да, от нее отказались в роддоме, — слова прозвучали тихо, но резко, да и могло ли быть иначе, когда речь шла о брошенном ребенке?

— Господи... — ошарашенно прошептала Дарья.

— Какого хрена родители отказались от своего ребенка? Разве такое бывает, чтобы человек, женщина, которая носила ребенка под сердцем, отказалась от своей кровиночки? — практически крича от злости, произнес Максим, смотря в глаза мамы, а потом отца.

— Максим...

— Что у них должно было быть в голове, чтобы бросить свою дочь, бросить вот эти полметра счастья, которое рыдает и требует мамину грудь? — он говорил, и Иван впервые увидел в глазах сына подступившие слезы, которые тот даже не собирался скрывать.

Они не знали, что ему ответить, ибо сами не понимали, как родители могут отказаться от своего ребенка, не понимали, потому что сами вырастили четверых детей. И единственное, что могли понять, так это вот эти застывшие слезы в глазах Максима, которые теперь и у Даши текли по щекам.

— В чем виновата была Рита, когда родилась у этих ублюдков? — еще громче спросил Макс, чувствуя, как ярость взбунтовала его разум.

— В том, что появилась на свет, — негромко ответил Иван, глядя жену по голове, пытаясь ее успокоить и подбодрить.

Неожиданно Макс подошел к матери, и, отняв от папы, крепко обнял, чувствуя ее дрожь.

— Меня, чужого ребенка, всю жизнь любила эта женщина, а Риту бросила собственная мать.

— Ты никогда не был мне чужим, не был, и не будешь, ты мой сын, — строго отчитала Ласточка и ближе прильнула к мужской груди.

Иван Сергеевич наблюдал со стороны и гордился, каким умным вырос его сын, каким достойным воспитала его Даша, и теперь был уверен на двести процентов, что Максим сделает все, чтобы Марго больше никогда не страдала. Был уверен, потому что просил его не играть с девушкой, и сын бы не стал этого делать, а значит, судя по его поведению, он испытывает теплые чувства, и сможет защитить Риту.

— Они пожалеют, что так поступили с моей женщиной. Я об этом позабочусь, — негромко ответил Максим и, поцеловав маму в щеку, прошел к окну, прикуривая новую сигарету, и раздумывая о дальнейших планах.

Макс не находил себе места, постоянно думая о Марго и ее состоянии, которое ну никак нельзя было назвать спокойным. То, что он узнал, привело его в шок, и совершенно не хотело поселиться в мыслях, как что-то необходимое и понятное. Знал, не так все должно быть, не с его девочкой, которая достойна любви и внимания, но почему же Бог удостоил ее такой судьбой? Почему она должна страдать, всю жизнь защищать саму себя, ведь она такая маленькая и хрупкая, нежная и незащищенная. Теперь Максим понимал, почему Марго выпускает свои колючки, играет роль холодной стервы, и не подпускает никого к своей душе, не дает заглянуть в нее глубже. Она боится, привыкла всю жизнь быть одной, а теперь просто боится, что кто-то засядет в ее душу, очень глубоко, а потом так же оставит одну, только теперь с разбитым сердцем. Но ведь в ее жизни был муж, которого она наверняка любила и впустила в душу, рассказала о самом сокровенном, он должен был всегда быть рядом, поддерживать ее. Должен...

— Сколько же они прожили в браке? — произнес мужчина в пустоту комнаты и отпил из стакана виски.

Он уже пару часов сидел в гостиной и думал о Рите, о том, как она себя чувствует, одна ли сейчас, или с Катериной, о чем думает. Ужасно хотел к ней, чтобы обнять, поддержать, чтобы сказать, что теперь о ней есть, кому позаботиться, и она не должна сама все решать. Женщина вообще не должна сама все делать, для этого существуют мужчины, чтобы помогать, решать проблемы, дела. Для того, чтобы защищать эти хрупкие создания, любить их и боготворить, ведь они такие неземные и причудливые. Женщины созданы для любви, но не для того, что искать способ выживать в этом мире.

Максим любил однажды, очень, но не знал, хотел ли с той девушкой провести свою жизнь, да и с родителями не знакомил, и не потому, что не было повода, скорее — желания. А потом считал правильным, что не привел ее в самое сокровенное, в свою семью, она оказалась слишком не достойной этого.

А что касалось Риты, здесь вообще все идет так, как должно, и, казалось бы, не вовремя пришли родители, но зато они познакомились с женщиной, к которой он питал удивительные чувства, и не капельки не пожалел, а наоборот, теперь еще больше мечтает впустить ее полностью в свою семью.

Рывком поднявшись с кресла, он со стуком поставил бокал на столик, схватил телефон и ключи и, накинув куртку, в миг покинул дом, не имея сил сдерживать свой порыв. Он хотел видеть ее, хотел чувствовать, просто ощущать рядом, дарить свое тепло и заботу.

Заехав в магазин за любимым вином его девочки, он тут же вырулил на дорогу, желая скорее оказаться в назначенном месте. Так сильно хотел быть рядом, совершенно не понимая ее состояние, ведь никогда не знал ненависти, по крайней мере, со стороны родителей, которые вложили в него, его братьев и сестру всю свою любовь. Макс вообще был безмерно благодарен Дарье за то, что любила его, словно своего собственного сына, а главное, она так и считала, для нее и не было сомнений, что он — родной.

Максим помнил, как в шесть лет он уже просто мечтал, чтобы Ласточка стала его мамой, и боялся, что она отвергнет, не захочет, посчитает не достойным. А потом ее украл Николаев, и он до сих пор не знает, что тогда произошло, но помнил, как она потеряла память, и как отец страдал без своей любимой женщины. Помнил, как радовались ее

возвращению, и как маленьким мальчишкой шептал ей, что хочет себе такую маму, как она. И в один прекрасный момент его мечта сбылась раз и навсегда. Даша стала его мамой, такой, которой иногда и родная не бывает, любящей и искренней, живой и искрящейся. Мужчина это ценил и по сей день, и никак не мог понять, какими черствыми и гнилыми людьми нужно быть, чтобы бросить свое дитя на произвол судьбы.

Добравшись до дома, в котором живет Маргарита, Максим припарковался напротив подъезда и, заглушив двигатель, взял бутылку с соседнего сидения и покинул салон своего авто. Погода сегодня не радовала, словно чувствовала настроение его девочки, нависнув свинцовыми тучами над городом, и то и дело срываясь мелким морозящим дождиком на головы проходящих людей. Максим поспешил забежать в подъезд, скрываясь от промозглого ветра, и, поднявшись на третий этаж, наконец-то оказался напротив двери Марго. Поежившись от холода, нажал на звонок и принялся ждать, когда ему откроют дверь.

Только спустя три звонка послышался щелчок замка, и через пару секунд дверь открылась, являя взору грустную красивую блондинку. Она стояла в маленьком ночном костюмчике из кружевных черных трусиков, которые скрывали самые пикантные места, и под стать им маечки на тонких бретельках, из едва просвечивающейся ткани. И если бы не волосы, рассыпавшиеся по плечам и груди, то Макс точно бы увидел ареолы и соски, но Рита как будто специально прикрылась белокурой прядями. Опустив взгляд на ее босые ножки, заметил, как она подогнула пальчики, вызывая в нем улыбку и нежность, а потом посмотрел ей в лицо.

— Не кусай губу, — пальцами правой руки освободил нижнюю губу от захвата зубов, пристально смотря в голубые глаза. — Не причиняй себе боль.

— Зачем ты пришел? — поинтересовалась она, не спеша пропускать в дом незваного гостя.

— Привет, — наконец-то поздоровался и достал руку из-за спины, протягивая бутылку вина. — А я не один.

— Максим, я хочу побыть одна, прости, — она начала закрывать дверь, но он не позволил, резко выставив свободную руку.

— Не надоело еще? — строгим голосом спросил мужчина и, отодвинув Риту, вошел в квартиру, и уже даже успел снять туфли.

— Нет, не надоело, я привыкла, — она прошла в гостиную и уселась на диван, поджав под себя ноги.

— Буду отучать тебя, — войдя вслед за ней, прошел к небольшой тумбочке, поставил бутылку и устремил взор на девушку.

Маленькая, хрупкая и, казалось, продрогшая, она сидела на диване, забившись в самый угол, лицо выдавало грусть, а глаза отражали отчаяние и боль. Максим всегда верил только глазам, они не обманут, не наденут маску безразличия, а всегда выдадут реальное состояние человека. И сейчас видел, как плохо Цветочку, страшно и больно, а душевная боль порой хуже физической, тяжелее и сильнее.

Развернувшись, Макс прошел в спальню девушки, нашел там плед, как и в первый его визит, сложенный в ногах на кровати, и, взяв его в руки, вернулся обратно в гостиную. Рита, облокотившись на боковую спинку, носиком уткнулась в руку, прикрыв глаза, а услышав шаги, подобралась, словно воздвигая вокруг себя барьеры. Мужчина заметил ее поведение, но не стал комментировать, а лишь накрыл маленькую фигурку принесенным пледом и услышал тихое «спасибо».

— Где штопор и бокалы?

Марго поняла, что он не намерен отступить, и кивнула в сторону тумбочки, из которой Макс тут же извлек вышеупомянутое. Через минуту в ее руке красовался бокал, наполненный любимым красным вином, а мужчина присел справа от нее, удобно разместив левую руку на ее ногах. Она почувствовала тепло, и тут же захотелось к нему прильнуть, но сдержала свой порыв, опуская взгляд в бокал.

Максим приблизил свой бокал к ее, несильно стукнул по нему и отпил, наслаждаясь полусладким напитком, Рита сделала то же самое, но уже не отрывая взгляда от гостя. Она не понимала, зачем Макс пришел, ведь Иван Сергеевич наверняка рассказал ему, что Рита сирота, что она детдомовская, и девушка надеялась, что он от нее отстанет. Надеялась, что сам вычеркнет ее из своей жизни, вычеркнет те два дня и обо всем забудет, но как сильно она надеялась, так же сильно и не хотела этого. Нравился он ей, очень нравился.

— Ты боишься больших компаний, — совсем неожиданно произнес Макс, немного сжимая руку на ее ноге.

Не думала, что Максим заговорит об этом, и бросила на него быстрый взгляд, не уверенная, что хочет отвечать.

— Рита, отец все рассказал.

— Все? — девушка испуганно уставилась на него, подумав, что Вишневский старший рассказал и о муже.

— То, что ты выросла в детдоме, ни капли не делает тебя недостойной, или еще какой-то в этом роде. Разве есть твоя вина в том?

— Разве нет?

— Что за бред? Конечно, нет!

От этих слов Марго зажмурилась, казалось, что ее преследует дежавю, ведь эти слова она уже слышала, к тому же, похожим голосом.

— Моя вина в том, что я родилась, — негромко ответила, и тут же услышала резкий стук, когда Макс поставил бокал на стеклянный стол.

— Если кто и виноват во всем случившемся, то только те люди, которые тебя бросили...

— Я была их ошибкой.

— Рита, послушай, — он забрал ее бокал и отставил его к своему, а сам взял в плен женские ручки. — Если бы ты была ошибкой, то Бог не дал бы тебе родиться, понимаешь? И он порадовал твоим появлением не твою мать, а мир, потому что ты особенная, не похожая на других, и верная самой себе.

— Нет, — она резко начала качать головой из стороны в сторону и глотать слезы, стараясь не показать их мужчине. — Я совсем не верна себе, совсем не верна. Столько раз обещала себе не думать о маме, столько раз говорила, что ненавижу ее за то, что я ей не нужна, за то, что она родила меня. Только сердце не могу заставить не чувствовать, не могу забыть, — и все-таки не сумела сдержать слезы, те покатались по щекам, оставляя после себя мокрые дорожки.

Максу было безумно больно видеть, как страдает его девочка, ему хотелось всю ту боль забрать себе, чтобы хоть немного облегчить страдания Цветочка. Он вздохнул и притянул ее в свои объятия, желая показать свою заботу и тепло, дать понять, что она не одна, и может полностью рассчитывать на поддержку. А Рита и сама с удовольствием прильнула к теплому и крепкому телу, буквально вжалась, боясь, что он ее оттолкнет, но в ответ почувствовала нежные поглаживания по голове.

— Любишь ее, — не спрашивал, утверждал полушепотом, продолжая монотонные поглаживания.

— Я так сильно хочу, чтобы она меня обняла, хочу почувствовать тепло ее рук, хочу, чтобы однажды она мне улыбнулась улыбкой мамы и сказала, что я ей нужна, но самое ужасное — это то, что я понимаю, такого никогда не будет.

Руки Макса сжались сильнее, он буквально глотал ком в горле и пытался справиться со своей злостью, которую питал к той женщине, родившей ему Цветочка.

— Почему ты так думаешь, пыталась ее найти?

— В этом не было необходимости, она сама меня нашла, чтобы выразить всю ненависть, — он слышал, что Марго грустно улыбнулась, а потом потерлась носиком о его свитер.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказала, — ответила и снова всхлипнула, не в силах сдерживать эмоции.

Максим осторожно приподнял лицо девушки и с нежностью заглянул в заплаканные глаза, пальцами постарался стереть со щек влагу, и, придвинувшись ближе, прошептал:

— Я не хочу, чтобы ты плакала снова, не хочу, чтобы страдала, такой цветок, как ты, должен цвести и пахнуть, и я обещаю тебе...

— Не нужно мне ничего обещать, прошу... — она резко изменилась в лице и постаралась отодвинуться от Макса, но он не позволил, удержал в своих крепких объятиях. — Не обещай, нет, не надо.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Рита, я...

— Молчи, — она ладошкой накрыла его губы и пристально посмотрела в глаза. — Бери то, зачем сюда пришел, и уходи.

Маргарита сама набросила на его губы, стараясь скорее растормошить Максима, но он не дал ей сделать задуманное и быстро оторвал от себя, вернее — от своих губ.

— Дура, я, что, должен при каждой встрече говорить тебе, какая ты дура? — начал шептать он, блуждая своим взглядом по ее лицу.

— Что? — непонимающе уставилась на него.

— Не ищи во мне потребителя или ничтожество, я не собираюсь причинять тебе боль, а уж тем более пользоваться. Я пришел, чтобы просто быть рядом, не хотел оставлять тебя одну.

— Разве ты пришел не для того, чтобы...

— Нет, Марго, не за сексом. Я хочу дать тебе понять, что не все люди эгоисты, некоторые интересуются желаниями других людей.

— Почему тебя интересуют мои желания? — девушка догадывалась, но хотела услышать ответ, хотела утвердиться и снова начать спорить.

— Ты мне не безразлична, и, как бы ни пыталась меня оттолкнуть — ничего не выйдет.

— Я буду законченной стервой, и все равно это сделаю, — высказала Марго строгим голосом и рассерженно посмотрела на Максима.

— Не поможет.

— Я же попросила тебя уйти, оставить меня одну, и ты не послушал, а говоришь...

— В этом я эгоист, так уж и быть. Во всем, что будет касаться тебя и твоего настроения — я эгоист.

— Ты ненормальный.

— И это тоже, зато ты будешь знать, что в этом твоя вина.

Вишневский поднялся с дивана и прошел к тумбочке, прихватил бутылку вина и, вернувшись на свое место, добавил алкоголя в бокалы.

— Держи, — он протянул Рите ее бокал и взял свой, приближая к губам, — За твой сексуальный костюмчик.

— Вот гад!

Понедельник наступил быстро и неожиданно. Рита даже не сразу поняла, почему звенит ее будильник. И только сообразив, что наступили будние дни, наконец-то поднялась с кровати, в которую, как она помнит, ее отнес Максим. Сам мужчина уехал домой, ведь дела никто не отменял, и ему было необходимо изучить некоторые документы. И он предлагал вернуться к ней после, но девушка настояла на том, чтобы он остался у себя дома. Ему ничего не оставалось, как послушаться и отправиться домой, но перед этим убедившись, что она уснула.

Сегодня она чувствовала себя намного лучше. Быстро собравшись, уехала на работу, не желая долго находиться среди серых стен одиночества, а желая скорее приподнять настроение в обществе Катерины.

— Доброе утро, — войдя в приемную Вишневого, громко поприветствовала Маргарита свою подруга и грациозной походкой прошла к ее столу.

— Доброе утро, Маргарита Владиславовна, — как-то отстраненно и серьезно ответила девушка.

— Хм, а где моя Катюша? — непонимающе поинтересовалась блондинка.

— Там же, где и все выходные была моя Маргаритка.

Девушка поняла, о чем говорит подруга, и поспешила объясниться, тепло улыбнувшись:

— Кать, прости меня, я знаю, виновата, и готова искупить вину своим рассказом.

— Ладно, — тоже улыбнувшись, ответила Катюша.

— Отлично, тогда через десять минут жду тебя в кабинете с двумя чашками кофе, — подмигнув, Марго перегнулась через стол, поцеловала подругу и прошла к двери своего кабинета. — Шеф у себя?

— Нет еще.

— Ок, жду тебя, — и Марго исчезла за дверью, оставив секретаршу наедине с бумагами и телефоном.

Естественно, Катерина быстро привела в порядок расписание шефа, приготовила кофе и отправилась следом за подругой, желая скорее узнать, где та пропадала все выходные.

— А вот теперь, Маргарита Владиславовна, рассказывайте, — наигранно строгим голосом попросила девушка, усаживаясь в кресло напротив подруги.

Маргарита сделала глоток кофе и, улыбнувшись, посмотрела в глаза Кате, которая уже изъёрзалась в нетерпении.

— Я была с Максом, — шепотом, едва слышно сказала Рита и снова пригубила кофе, пряча в чашке свою улыбку.

— С каким Максом? — не сразу поняла Катерина, тоже сделала глоток и тут же закашлялась, осознавая, о ком идет речь. — С Максимом Ивановичем? — ошарашенно уточнила она и быстро отставила в сторону чашку.

— Да, Катя, да, — продолжала улыбаться Рита.

— У вас был секс? Нет, ну я так и знала, что он в тебя влюбился, иначе почему бы ездил за тобой ухаживать, когда тебе было плохо.

— Не мели ерунду, мне еще этого не хватало, мы просто переспали, несколько раз, — снова шепотом произнесла девушка.

— Ну, да, просто переспали, это ты просто его не знаешь. Хрен он отступится от такой красоты.

— Самое страшное, что я познакомилась с его матерью.

— Так это же здорово!

— Ничего не здорово, его родители пришли так невовремя, и мне ужасно стыдно.

— Вы же не тра*ались, а они зашли?

— Нет, но практически, и я чувствую теперь себя какой-то шлюшкой перед Иваном Сергеевичем.

— Уверена, он понял все правильно.

— Твои слова, да Богу в уши, только как ему что-то докажешь, если я была в одной рубашке его сына?

— Главное, чтобы трусики были на месте.

— Катя!

— А что? Он взрослый мужчина, да и вы с Максом не дети, оба красивые, имеете право.

— Ты прекрасно знаешь, как мне все трудно дается.

— Знаю, а также знаю, что Максим бы не стал тобой пользоваться, потому что Иван Сергеевич его за это по головке не погладит. Да и шеф у нас хороший, хоть и строгий.

— Эгоист ваш шеф, — буркнула Марго, и буквально через секунду в кабинет вошел тот самый эгоист с довольной улыбкой на губах.

— Доброе утро, Катя, — быстро проговорил он, проходя мимо своей секретарши напрямиком к блондинке.

Рита не успела ничего понять, как ее губами завладел этот настырный и сильный мужчина, погружая свой язык в ее рот, лаская своим поцелуем и даря нежность и спокойствие. Он руками касался ее щек, не давая ей отстраниться, поглощая сладкие стоны, вызванные поцелуем, впитывая вкус желанной девушки. Скучал, целую ночь не видел, и скучал. До безумия, до ломоты в костях. Как уехал вчера от нее, так и места себе найти не мог, полночи пытался вникнуть в содержание документов, но перед глазами постоянно возникала сексуальная фигурка его Цветочка. Потом еще пару часов пытался уснуть, принимал холодный душ, чтобы хоть немного унять свое возбуждение, и отключился под утро, отчего и проспал на работу. И даже не позавтракал, мечтая скорее ощутить ее вкус, такой сладкий, долгожданный и ни с чем не сравнимый.

— Доброе утро, Цветочек, — наконец-то оторвался от вкусных губ и поздоровался, глядя на удивленную Риту.

Он знает, что девушка не ожидала подобного, наверняка думала, что он станет скрывать их отношения, а он даже и не собирался этого делать, хотел, чтобы весь мир знал, что она его, и ничья больше.

Катерина замерла с открытым ртом, ошарашенно глядя на парочку, которая, кажется,

забыла, что находится не одна в этом небольшом кабинете. Еще никогда не видела шефа таким, страстным и, Боже, нет слов, чтобы выразить, каким был Макс по отношению к ее подруге.

— Потрясающе выглядишь, — с придыханием произнес мужчина и взглядом прошелся по телу Марго, и тут же застыл на ее груди. — Ты, что, без лифчика?

— Что? — первое, что смогла девушка произнести после появления Вишневого.

Он кивком указал на ее грудь, где сквозь шелковую ткань ее черной блузы четко очерчивались соски, благо, красивая золотистая юбка доставала ей до колен, и была вероятность, что похотливые мужики не будут пялиться на ее ноги. Но соски — они были четко видны, и это ужасно бесило Максима.

— Это бюстгальтер без поролона, — собравшись с мыслями, ответила она, стараясь немного отодвинуться.

— Выкинешь его, он ни хрена не закрывает, — Макс отпустил ее лицо и немного отошел, буквально на полметра.

— Если бы ты не набросился на меня, то все было бы нормально.

— Я не виноват, что так возбуждаю тебя, — будничным тоном ответил он и уже повернулся к Катерине.

— Катюша, когда освободитесь, и мне принесите кофе.

Девушка только кивнула и проводила взглядом шефа, который отправился к себе в кабинет через смежную дверь.

— Офигеть, Маргаритка, он же тебя чуть не тра*нул одним своим взглядом, — восторженно прошептала подруга.

— Катя!

— А что? Ты мне еще будешь говорить, что он так, от нефиг делать с тобой? «Ты, что, без лифчика?», — скопировала своего начальника. — Да ему было бы пофиг тогда, кто на тебя пялится, а так он хочет, чтобы это все было его!

— Не придумывай.

— Ага-ага, — зачарованно добавила Катя и сделала последний глоток. — Я прямо сама возбудилась от вашего поцелуя.

— Вот дурочка, молоденькая дурочка, ничего ты еще не понимаешь в мужчинах.

Девушка поднялась, поставила на поднос две пустые чашки и прошла к выходу:

— Я, может, и молоденькая, но уверяю тебя, вот там, за дверью, твоя судьба. Хорошего дня, Цветочек, — и подмигнув, Катя вышла за дверь, оставляя Риту наедине со своими мыслями.

Она не может не признаться, что рада поведению Максима, ей приятно его внимание и забота, нежное и трепетное отношение, но что будет дальше? Да, он принял то, что Рита сирота, но он не знает основного, не знает, как безжалостно и жестоко она была выброшена на улицу своим мужем. Не знает, что не смогла уберечь своего дитя, которого только она могла защищать, и не знает, что больше никогда Марго не сможет познать материнство, и виной этому является она сама. Что ей со всем этим делать, девушка пока не знала. Она боялась думать о будущем, привыкла за три года жить сегодняшним днем, и не беспокоиться о том, что будет завтра. А Максим перевернул ее устойчивый мир, внося в жизнь кучу эмоций и приятных моментов, но также и массу нескончаемых переживаний, в которых, в принципе, и не был виноват. Всему виной — ее страхи прошлого, ее мысли и неисчезающая боязнь впустить в душу кого-то еще, кроме себя сомой.

— Вызывали, Максим Иванович? — в кабинет вошел главный бухгалтер Евгений Николаевич, принеся с собой папку с отчетом за последний месяц.

Молодой мужчина-специалист уже несколько лет числился в их штате, и только то и делал, что радовал своим профессионализмом, никогда не участвуя ни в каких аферах или скандалах. Да и вообще, в их компании всегда было тихо, только за редким исключением мог кто-то повздорить из-за проигрыша той или иной футбольной команды, или не поделить очередную женщину на ночь, встретившуюся в том же спорт-клубе, где смотрели очередной матч. В целом же офис был дружный и приветливый, и, возможно, заслуга в том, что их рабочий коллектив состоял только из мужчин.

— Да, проходите, — Макс указал на свободное кресло и взял в руки предложенные документы.

Принялся изучать расходы за сентябрь, полностью погрузившись в цифры, когда неожиданно услышал вопрос своего подчиненного:

— Эта у себя? — как-то грубо поинтересовался Евгений, кивая головой в сторону закрытой двери, ведущей в кабинет помощницы.

— Эта? — не совсем понимая, уточнил Макс, слегка прищутив глаза.

— Ну, Марго.

— С какой целью интересуетесь? — слегка напрягся, чувствуя, как внутри него поднимается злость.

— Да, думаю на свидание пригласить, в кафе или бар, а потом и к себе отвезти. Уверен, она даст в первый же вечер, — с надменной улыбкой констатировал мужчина, и был тут же схвачен за лацканы своего пиджака.

— Что ты сказал? — зло прошипел Вишневецкий, стараясь удержать ярость внутри, не особо срываясь на подчиненном.

— Ну, а че? Фигурка у нее улетная, мордаха тоже симпатичная. Такую стоит тра*нуть, — стараясь убрать от себя руки шефа, пропыхтел Евгений, и был тут же схвачен еще сильнее.

— Максим... Иванович, у вас все нормально? — поинтересовалась вошедшая Рита. Она испугалась увиденного, и уже подумала звать на помощь.

— Нормально! — строго ответил он. — Иди к себе в кабинет, — девушка замешкалась, во все глаза смотря, как Максим сжимает горло незнакомому мужчине. — Я сказал, иди в кабинет! — приказал он, и Рита тут же испарилась, напуганная его поведением.

А Максим был зол и рассержен на это ничтожество, чье горло сжимал сейчас за то, что тот посмел плохо подумать о его девочке, посмел говорить такие вещи, и желать ее. Ярость распространилась по всему телу, пробрала до костей, требуя наказать мерзавца за его поганые мысли. Но мужчина кое-как попытался справиться, попытался унять бушующие эмоции. Он совсем немного расслабил пальцы на шее своего бухгалтера и, придвинув ближе, прошептал в самое ухо:

— Я тебе за нее кишки голыми руками вырву, только посмей подойти, — и, отпустив многострадальную шею, Макс вернулся в свое кресло, снова углубляясь в изучение цифр.

— Извините, — негромко пробубнил Евгений и совсем притих, боясь даже пошевелиться.

— Максим, что у тебя произошло? — чуть позже встревоженно поинтересовалась Рита, когда шеф вошел к ней в кабинет.

— Переживаешь за меня? — с довольной ухмылкой спросил он и, подойдя ближе,

положил свои руки на тонкую талию, придвигая девушку к себе.

— С чего бы вдруг? Нет, я волнуюсь, чтобы тебя не посадили за убийство, иначе мы останемся без шефа, — наигранно ответила она.

— Ну, у меня есть отличный заместитель. Думается мне, что ты бы прекрасно справилась со всеми делами.

— Я? Нет, мне чужого не надо.

— Марго, — он переместил руки на ягодицы, и крепче прижал к себе тело девушки. — Я тебе не чужой, и прошу тебя запомнить это, — прошептал нежно у самого уха и осторожно лизнул его, отчего Рита вздрогнула и сама прижалась ближе.

Мужские губы ласковыми касаниями прошли по щеке к губам, замерли, наслаждаясь нежностью кожи, и припали во влажном поцелуе, снова и снова поглощая тихие стоны своей девочки. Руки уже блуждали по изящной спине, пробравшись под блузу и нащупав застёжку лифчика, намереваясь его стащить с желанного тела.

— Макс, будний день, в офисе полно народа, — тяжело дыша, запротестовала она и вырвалась из мужских объятий.

— Поехали сегодня ко мне?

— Нет, у меня есть свой дом, — она начала приводить в порядок рабочий стол, когда снова почувствовала нежные прикосновения рук на своей талии.

— Тогда к тебе, — предложил другой вариант мужчина, удобно прижавшись к попке.

— Максим...

— Я соскучился, очень, — ладонями прошелся по животу, коснулся груди, сжал ее, почувствовал напрягшиеся соски и сам негромко застонал.

— Ладно, — резко развернувшись в кольце рук, волосами задела его лицо и улыбнулась от того, как Макс задорно сморщил гримасу. — Только с тебя вкусное вино, а то вчера мне как-то не до него было.

— Договорились, через пятнадцать минут я зайду за тобой, — довольно ответил Максим, чмокнул теплые губы и прошел в свой кабинет.

— Я хочу принять ванну, а ты пока можешь посмотреть телевизор, — предложила Рита, пройдя в гостиную и включая вышеупомянутую технику.

— Я тоже хочу ванну принять вместе с тобой, — Макс подошел к Марго вплотную со спины, и сам стащил через верх ее блузу, отбросил в сторону и нежно коснулся губами красивого плечика. — Ты позволишь? — руками принялся искать молнию на юбке и, нащупав ее сзади, потянул вниз, а потом спустил ненужную ткань по стройным ножкам. Девушка кивнула и выгнулась, почувствовав сильные руки на плоском животике, — Какое шикарное ажурное белье, с ума схожу от твоего вкуса.

— Это моя маленькая слабость, на которую я не жалею денег, — призналась она и гортанно застонала, когда его рука опустилась к трусикам и сквозь ткань погладила влажные лепестки.

— Правильно делаешь, а если понадобится, я куплю тебе целую фабрику по изготовлению изысканного белья, — левая рука легла на грудь, сжимая, поглаживая, доставляя удовольствие.

Марго давно закинула руки ему за голову, и теперь царапала ногтями затылок Макса и слушала, как тяжело он дышал, наслаждаясь ее невинной лаской.

— А теперь иди, наполни ванну, а я пока открою бутылку, — попросил он и отступил от девушки, лишая ее тепла своих рук.

Рита тяжело вздохнула, овладела собой и в одном белье и чулках продефилировала в сторону ванной комнаты, увлекая за собой взгляд Макса, который жадными глазами смотрел ей вслед. Сняв пиджак и галстук, отбросил на диван и принялся расстегивать рубашку. Со знанием дела нашел штопор и бокалы, наполнил их, и уже в одних брюках присоединился к девушке.

Она как раз добавляла пенку в воду, наклонившись над ванной, когда почувствовала руки на своих бедрах. Резко поднялась и развернулась, буквально натыкаясь на крепкую грудь мужчины, который уже отставил бокалы на стиральную машинку, и в любую секунду был готов завладеть ее телом. По комнате разливалась красивая классическая музыка, витал аромат ванильного эфирного масла, который в скором времени точно смешается с запахом их горячего секса.

Максим рукой провел по щеке Риты, отбросил белые пряди волос за плечо и просто стоял и любовался ее естественной красотой. Изумительные бездонные голубые глаза, обрамленные неброско подкрашенными ресницами, ровный прямой носик и изящные пухлые губки, которые он до безумия любил целовать. Ему нравилось в ней все, даже то, что любой другой посчитал бы маленьким или некрасивым, Максим же любил в ней каждую частичку, каждую клеточку тела.

Заведя руки за спину, неспешно расстегнул крючки лифчика и, ласково касаясь плеч, медленно спустил бретели по рукам, высвобождая грудь из плена мягкой ткани. Все это время, пытаясь уловить каждую эмоцию, полученную от удовольствия, продолжал смотреть в ее глаза и медленно опускаться вниз. Спустил по ножкам черные трусики, и с большим удовольствием прижался лицом к животу, вдыхая запах, присущий его женщине. Стоял на коленях у ее ног, и не мог оторваться, пытаясь как можно больше впитать в себя ее вкус, ее сущность, ее тело, которое готов был целовать сутками, лишь бы никогда не отходить от Марго.

Рита сама коснулась его волос пальцами, и он, приподнявшись, взял ее за руку и помог опуститься в теплую пенную воду. Сам быстро стянул с себя штаны вместе с боксерами, снял носки и тут же устроился за спиной девушки, привлекая ее к своей груди. Удобно устроившись спиной на каменной груди мужчины, Марго с улыбкой приняла протянутый бокал с красным вином, Максим стукнул своим бокалом по ее, и они одновременно попробовали напиток.

Как же ей было хорошо в таких надежных объятиях, так тепло и не страшно, так приятно, что с каждым разом хотелось все больше и больше. А Макс только и рад дарить ей себя, взамен требуя только немного ласки, а все остальное он сделает сам.

Удивительная романтическая атмосфера, накаляющая их чувства до предела, но не пересекающая грани, знающая, когда нужно остановиться, чтобы в ответ получить намного больше. В ванной комнате казалось так жарко и тесно, но это ни грамма не ущемляло их комфорт, а наоборот, подстегивало на что-то большее. Вишневы, отставив свой бокал, нашел на висевшей рядом полочке баночку, взял из нее немного геля на свои руки, проигнорировав лежавшую на бортике мочалку, и, растерев немного руками, коснулся женских плеч, намазывая их и разминая. С каждой секундой его руки продвигались все ниже, и ниже, лаская каждый сантиметр кожи, доставляя удовольствие своими касаниями и буквально доводя до экстаза.

— Макс, прошу, хватит, — Рита отставила свой бокал на пол и попойкой поерзала по возбужденному члену, снова удобно разместившись на груди.

Мужчина и не стал медлить, руками немного раздвинул ее ножки, и одним скользящим движением погрузился в горячую плоть. Оба застонали от нахлынувшего удовольствия, Марго руками схватилась за бортики ванной, а Макс положил руки на бедра девушки, крепче прижал ее к себе и принялся погружаться в податливое тело, с каждым толчком все больше и больше ускоряя движение, доводя друг друга до нужной грани. Затуманенный страстью разум практически заглушил музыку, и в комнате были слышны лишь громкие стоны и шум плещущейся воды. Максим гладил ее по всему телу, чувствовал, как Рита время от времени дрожит и сжимает его внутри себя, и продолжал снова и снова двигаться, стараясь глубже погрузиться в женское лоно. Она уже давно закинула руки ему за голову, ощущая сладкие поцелуи в области шеи и плеч, а потом ее правая нога была закинута на бортик.

Вишневатый еще больше открыл ее для себя, пальцами коснулся клитора, поглаживая тот и сжимая, толкаясь в нее и освобождая, доставляя удовольствие, которое заслуживает только она, и вознося до небес. Да, он возносил, дарил свободу, окрылял, и медленно спускал на землю, не резко, нет, а так, чтобы Рита поняла, как сильно он нуждается в ней.

Чуть позже Марго лежала, убаюканная нежными объятиями, все так же под шапкой пены, полностью расслабившаяся, и абсолютно не желающая ничего делать. Они допили бутылку вина и просто наслаждались телами друг друга под тихую музыку, которая играла уже по второму кругу.

— Пора выходить из воды, она практически остыла, — заметил Максим и, перехватив женскую ручку, нежно поцеловал каждый пальчик.

— Ты меня затра*ал до смерти, у меня нет сил подняться, — пожаловалась сонным голосом его девочка.

— Я тебя не тра*ал, а страстно любил, не придумывай, Цветочек.

— Угу.

— Главное, что тебе хорошо, а остальное не важно, — Макс приподнял девушку и выбрался из воды, куда-то исчез на несколько минут, а вернувшись, поднял Марго на руки, доставая из ванной, да так и понес, мокрую, в спальню.

— Мне нужно вытереться, — лениво заметила она, но продолжала покорно держаться за его шею.

— Я сам все сделаю, а ты отдыхай, — он положил свою драгоценную ношу на полотенца, предварительно расстеленные на кровати, и принялся вытирать мокрое тело Маргариты.

— Ты мне снишься, потому, что так бывает только в сказке, — засыпая, говорила блондинка сквозь милую улыбку на губах.

— Нет, моя девочка, я, точно, настоящий.

А утром они вместе позавтракали, Максим помог подобрать Рите наряд, уделив особое внимание его длине и закрытости. Отвлекались на ласки, когда он сам надевал на нее нижнее белье, и отправились на работу, предварительно заехав домой к мужчине, чтобы он мог переодеться. Макс всей душой желал, чтобы каждое утро начиналось вот так — с совместного завтрака и теплого поцелуя с пожеланиями хорошего дня. Знал, что все отдаст, чтобы добиться полного расположения ее сердца и души, и сделает все, чтобы всегда видеть счастье в глазах Цветочка.

День протекал спокойно, все занимались делами, изредка прерываясь на перекуры или чашку кофе, как вдруг неожиданно шеф услышал громкий разъяренный мужской крик. Сорвавшись с места, он поспешил в приемную, желая увидеть возмутителя спокойствия и,

если потребуются, наказать его.

— Отвечай, в каком кабинете работает эта шлюха недоделанная, иначе я сейчас по всем пройду, но найду эту грязную шалашовку!

Максим поспешил к грубияну, чтобы тот, не дай Бог, не успел навредить Катерине, остановился возле него и зло посмотрел в лицо наглого гостя.

— Потрудитесь объяснить, кто вы такой, и кто вам позволил так себя вести в моем офисе?

— Я ищу свою жену, Маргариту, такая блондинка с повадками сучки, — все так же похамски ответил Сергей, и вмиг упал на пол, сбитый сильным ударом в рожу.

Максим моментально закипел от злости, что какая-то гнида позволяет снова оскорблять его женщину, и, не сдержавшись, нанес еще один удар в челюсть.

— Катерина, нажми кнопку, пусть начбез заберет его, я попозже решу, что с ним делать, — Катя кивнула и нажала на кнопку, через минуту наглого мужика забрали в отдел безопасности, а Максим отправился к Рите, выяснить, что именно хотел бывший муженек.

Зайдя в кабинет, Вишнеvский наткнулся на пустоту, но сбоку услышал тяжелое дыхание, и, обернувшись, увидел Марго, прислонившуюся к стене, и дышавшую глубоко и нервно, так, что казалось, из ее груди готово выпрыгнуть сердце. Голова металась из стороны в сторону, руки были сжаты в кулачки, а в глазах плескался страх, дикий и необузданный. Макс резко подошел к сжавшейся фигурке, и бережно заключил ее в свои объятия, показывая, что защитит от любой мрази, готовой только посмотреть в ее сторону. Успокаивающе погладил по голове и принялся раскачивать, так и не отпустив от себя, а лишь крепче сжав, заботясь о безопасности ее тела и души.

— Все хорошо, моя девочка, все хорошо.

Макс долго не мог успокоить дрожащее тело в его руках, такое хрупкое и беззащитное, казавшееся на данный момент безвольным и слабым. Он не мог до конца понять, почему именно Марго испугалась мужа. Потому, что тот орал, или была вероятность, что в прошлом он мог ее бить, и девушка боялась снова почувствовать на себе удары. Да он бы не позволил ни одной мрази коснуться его девочки, сам бы лично его придушил, но подойти к Цветочку не дал бы. Она ведь такая нежная, словно лепестки роз, хрупкая, как стекло, и сладкая, как конфетка. Ее защищать нужно, любить, а не причинять боль. Вишневский еще разберется с тем ублю*ком, посмевающим оскорбить Риту, проучит его, покажет, как нужно разговаривать с девушками, и сделает все, чтобы она снова улыбалась.

Но сейчас девочка продолжала дрожать, а Макс все так же гладил ее по волосам, спине, пытаясь передать ей спокойствие и свое тепло. А ведь сам закипал внутри, злился, но старался не сорваться, чтобы пойти и избить этого паршивого мужика, посмевшего напугать его Маргаритку. Зря церемонился, нужно было бить до бессознательного состояния, чтобы тот прочувствовал всю боль, настолько сильно, как и Рита боялась, а может и больше.

Спустя минут двадцать поглаживаний, Маргарита успокоилась, перестала дрожать и нервно сжимать его пиджак своими кулачками. Только тяжело вздохнула и резко отошла, вырываясь из объятий мужчины, прошла к рабочему столу и принялась перекладывать папки, ручки, степлер и прочие рабочие принадлежности с места на место. Начала открывать и закрывать ящики стола, схватила сумочку, ничего из нее не достала и откинула в сторону, снова взялась за бумаги, как тут же почувствовала нежное прикосновение рук у себя на плечах, и наконец-то замерла.

— Рита, успокойся...

— Хватит! — зло проговорила она и снова попыталась вырваться из захвата.

— Цветочек, я тебя прошу, успокойся, — начал он взволнованным голосом.

— Меня зовут Марго, Маргарита, ясно? — неожиданно грубо прозвучало в тишине кабинета, и Макс попытался заглянуть в ее испуганные глаза.

— Для меня ты — Цветочек, ласковый и нежный, а Марго — холодная и закрытая для всех остальных.

— Ты тоже ко всем относишься, понял? — она начала закрываться, отстраняться от него, снова включая холодную стерву.

— Ко всем? — рассерженно начал мужчина, на что Марго согласно кивнула. — А спишь ты тоже со всеми?

Теперь Макс был зол, кипел изнутри, а Рита почувствовала, будто ее ушатом воды окатили. Так сильно ударили эти слова, что она застыла на одном месте, продолжая глубоко дышать. Почему ей так неприятно стало? Сказал бы кто-то другой, она бы только съязвила в ответ и ушла прочь, но именно слова Макса безумно задели ее. Хотелось его ударить, сильно, чтобы хлопок раздался на весь кабинет, чтобы почувствовать боль даже в своей руке, и скорее остудить свой пыл, чем его.

— Бей, — произнес Вишневский, словно прочитав мысли, и она ударила, сильно, как хотела, и ойкнула. — Еще бей!

— Иди к черту! — выкрикнула, и второй рукой обхватила руку, которой била — та покалывала, пульсировала от боли, и стала красной. Ударила на славу, а ему хоть бы хны,

даже не поморщился, только серьезно глядел на нее, пытаясь на лице рассмотреть хоть какие-то признаки спокойствия, но все тщетно.

В один шаг преодолев расстояние между ними, Макс заботливо взял покрасневшую ладонку и коснулся ее губами, поцелуями стараясь унять боль. Нежно целовал каждый пальчик, глазами ловил каждую эмоцию на лице Риты. Очень захотелось ему обнять девушку, что он и сделал, не имея сил отказать себе в этой слабости.

Обняв ее двумя руками, почувствовал, как и сам начал успокаиваться, а когда Рита несмело положила ему на плечо руку, совсем выдохнул и еще больше сжал хрупкое тело.

— Ты моя Рита, моя девочка, — тихо прозвучало на ушко, отчего она прикрыла глаза и расслабилась в объятиях мужчины. — Прости меня за грубость, ты знаешь, что я так не думаю. Зна-а-аешь, — утвердительно протянул, поглаживая белокурую головку.

— Максим, нам нужно все это прекратить, пока не поздно, — наконец шепотом произнесла Рита, а мужчина не сразу понял, что она имеет в виду.

— Ты о чем? — решил тут же уточнить.

— О нас, вернее... — она замялась, не зная, как точнее выразиться, и снова тяжело вздохнула, словно решившись на что-то серьезное. — Нас нет и... пффф, Господи, я о том, что было, больше не нужно этого.

Вишневатый крепче сжал руки на ее спине и, отстранившись, посмотрел в голубые глаза, наполненные решимостью. Больше не было страха, который она испытывала во время крика мужа, теперь где-то глубоко в омутах прятались другие эмоции, который он не мог понять, да и видел впервые.

— Что-то еще хотела сказать? — решил сразу уточнить, чтобы больше не возвращаться к этому разговору.

— То, что мы переспали — это ничего не значит, — после этих слов она отошла от мужчины и принялась в сумочке искать сигареты. Наконец-то нашла пачку, выудила одну и закурила, делая глубокую затяжку и выпуская дым в сторону окна.

Максим наблюдал со стороны, пытаясь понять, что именно движет девушкой — прошедший страх, или что-то новое, не изведенное им. Но заприметив, как она делает очередную затяжку, понял для себя кое-что важное и, не медля, в два шага оказался возле нее.

— У нас был не просто секс, Рита. То, что мы делали, нельзя назвать сексом. Нет, — начал говорить полупшепотом, на самое ушко, стоя за спиной. Рука коснулась руки, прошла от плеча к ладони и, забрав сигарету из тонких пальчиков, потушила ту в пепельнице. — Секс у людей, которые друг к другу ничего не чувствуют, кроме страсти, конечно, а у нас не просто страсть. То, как мы занимались любовью, как доверяли друг другу наши тела — это намного больше, чем просто секс. Мы наслаждались, возносились, ласкали, делали то, что не назовешь каким-то простым словом, потому что у нас с тобой все не как у людей, не как у всех. У нас более интимно и глубоко, — продолжал шептать, прижимая девичье тело все ближе к своей каменной груди, стараясь уменьшить между ними расстояние, которого и так уже не было, но казалось, их все еще разделяют километры. — Скажи, Рита, разве с мужем ты позволяла себе забыться, разве он доставлял тебе такое удовольствие, которое смог подарить я? Он возносил тебя до небес, позволял летать, словно ангел, а потом медленно опускал, чтобы ты, не дай Бог, не упала? Он делал так, чтобы в первую очередь хорошо было тебе? Заботился, когда тебе было плохо, когда нужна была поддержка?

Девушка почувствовала, как из глаз покатились слезы — горячие, соленные, они жгли

лицо так же сильно, как и слова Макса — душу. Он был прав, она не пыталась отрицать, ведь слышала сейчас именно то, что хотела слышать, то, что являлось важным. И он продолжал, все так же явно вынося на слух то горькое и настоящее. — Недавно там, за дверью, он стоял и оскорблял тебя, совершенно не имея никакого уважения к своей бывшей жене, с которой жил, делил постель, ел из одной тарелки. А мы... У нас только началось что-то светлое и искреннее, а ты предлагаешь все закончить и назвать этот этап жизни — «просто переспали». Нет, Рита, такого не будет. Ты связана со мной, с самого первого дня, как только пришла в мой офис в красном кружевном белье, в юбке с большим разрезом и нагло уселась в мое кресло. Уже тогда нас связала невидимая нить, и ее невозможно разорвать или разрезать, она крепкая, на всю жизнь.

Вишневецкий замолчал, и почувствовал, как блондинка полностью оперлась спиной об его грудь, вот только тело ее снова дрожало, девушка ссутулилась и совсем тихо прошептала, так, что если бы он не стоял рядом, то не услышал бы ни слова:

— Он вознес меня до небес, только потом я ударилась. Об асфальт.

Макс сам вздрогнул от боли за свою девочку, и еще крепче сжал в объятиях, словно подтверждая вышесказанные слова, и тем самым пытаюсь закрыть ее от всех невзгод.

— Нам нельзя вместе, Макс, нельзя, — уже громче сказала Рита, и вырвалась из его рук.

— Я не знаю, Цветочек, что ты там для себя решила, но я все сказал по этому поводу, и отпускать тебя не собираюсь.

— Ты не понимаешь! — почти закричала, резко разворачиваясь к нему лицом, глаза ее снова горели от отчаяния и боли, а пальцы нервно сжимались в кулачки.

— Так объясни, чего я не понимаю? Какого хе*а этот урод приходил и орал здесь? Почему он оскорблял тебя? Ты понимаешь, что я это просто так не оставлю?

— Делай с ним, что хочешь! — как-то обреченно произнесла Рита и прикрыла лицо ладошкой.

— Ты его вообще любила? Хоть немного?

— Тебе это зачем? — шмыгнув носиком, поинтересовалась она.

— Потому что, мне казалось, нормальные бабы даже бывших мужей защищают.

— А ты не забывай, я ударенная.

— Марго, я его растопчу только за одно плохое слово в твою сторону, я сломаю ему челюсть.

— Мне, правда, все равно.

— Ты не расскажешь, что у вас случилось?

— Максим, я не хочу об этом говорить, ты должен меня понять.

— Должен, и я понимаю тебя, но вместе с тем хочу и защитить. Я не хочу, чтобы ты страдала.

— Я больше не страдаю.

— Если бы это было так, ты бы не закрывалась от меня, не надевала снова маску стервы-Марго.

Она тяжело вздохнула и присела на край дивана, опустила голову и лицо прикрыла ладошками. Максим видел, как ей тяжело дается этот разговор, но прекращать не стал, она должна выговориться, хоть немного, возможно, тогда ей полегчает.

— Я уже такая и есть стерва, я выработала себя, специально, только...

— Только?

— Душа, она просится на волю.

— Так в чем проблема, Цветочек? Не замыкайся в себе, очень прошу тебя, не нужно этого делать. Я с тобой теперь навсегда.

— Когда ты узнаешь обо всем, я перестану быть тебе нужной.

Максим вмиг оказался около нее, встал на колени и руками поднял грустное лицо:

— Я не знаю, что натворил твой бывший, но как только ты обо всем расскажешь, обещаю тебе — уничтожу его, и глазом не моргну. Хотя бы за то, что убил в тебе веру в лучшее.

Рита только вздохнула и сама потянулась к мужчине, мечтая оказаться в его заботливых объятиях. А Макс и не медлил, обнял, и сам себе немного улыбнулся, такому маленькому, но хорошему ее порыву. Хоть немного, но она доверяет ему, ну, а ко всему остальному он приложит силы, сделает все возможное, чтобы возродить в ней веру и счастье. Сам сделает ее счастливой.

Просидели они так некоторое время, а когда Макс понял, что ноги начали затекать, поднялся и присел рядом, не выпуская из рук женские ладошки.

— Давай, я тебя отвезу домой, выпьешь чаю с мятой и поспишь.

— А ты? Ты уедешь? — грустные глаза смотрели на него с каким-то ожиданием, и мужчине так хотелось убрать из них эту долбанную печаль.

— Да, вернусь в офис.

— Нет, не хочу оставаться одна сегодня, тем более, когда Сергей меня ищет.

— Он закрыт у нас в подвале, можешь не переживать по этому поводу. А хочешь, я Катюху отпущу с тобой, м? А мы с Глебом сами поработаем.

— Я... нет, Катя слишком эмоциональна, и будет весь вечер материть его. Ааа... можешь ты остаться со мной?

— С радость. Ты собирайся, а я пока позвоню Варшавскому и дам указания, — он пальцами провел по нежной щеке, улыбнулся и, поднявшись, покинул кабинет.

Максим решил взять Риту на своей машине, потому как ее нынешнее состояние не способствовало рассеканию за рулем, и ему будет спокойнее, если он сам доставит девушку домой. Войдя в квартиру, отправил ее в душ, а сам прошел в кухню, включил чайник и полез в холодильник в поисках еды. Конечно, там ничего не было, потому как вчера вечером им было не до готовки, но найдя молоко и яйца, мужчина извлек их холодильника нужные продукты на стол и принялся искать муку. Пока его девочка будет мыться, а потом пить чай, он успеет испечь блинчиков, которые, к слову, получались у него отлично.

Марго вышла из душа, когда уже несколько золотистых блинов красовались на тарелочке и блестели от сливочного масла. Запах витал непередаваемый, а красивый мужчина у плиты выглядел безумно сексуально, и ей непременно захотелось его обнять со спины, что она и сделала. Нырнула ладошками под его руки и нащупала кубики пресса на животе, слегка сжала пальчики и услышала страстный вздох. Улыбнулась.

— Моей девочке совсем хорошо стало после душа, — констатировал Макс и перевернул тоненький кружочек на сковородке, а Рита щекой прижалась к его спине.

— Неа, душ здесь не причем.

— А что тогда?

— Ты, — как-то неуверенно, совсем тихо произнесла она и зажмурила глаза.

Макс снял блин со сковородки и налил новый, от чего в кухне зашумело с двойной силой, а уже через несколько секунд снова наступила тишина. Он отложил половник в сторону и развернулся к ней лицом, желая заглянуть в голубые глаза:

— Я сделаю все, чтобы тебе всегда было хорошо. Обещаю!

Наклонился и нежно коснулся теплых губ, провел языком и почувствовав, что Рита начала морщить носик, отодвинулся и взглянул на нее.

— У тебя там что-то горит...

— Вот блин, — он резко развернулся и увидел уже сгоревший блинчик.

Тут же выкинул его в мусор, и услышал, как его девочка буквально расхохоталась заливистым смехом. Сам улыбнулся, подошел, щелкнул ее по носу и отправился дальше готовить их необычный ужин.

— Первый блин комом, не расстраивайся, милый, — ласково проговорила Рита, пытаясь заглянуть за его плечо.

— Это не первый... — он замер и снова развернувшись к ней, пристально посмотрел в глаза, — Как ты меня назвала?

— Блин сгорит, — прикрикнула, а Макс постарался спасти выпечку и поспешил перевернуть. Успел, и снова вернулся к Рите, которая по-прежнему хохотала, заливисто и так сладко, что ему захотелось слушать ее смех целую вечность.

Он подхватил девушку под попку и усадил на обеденный стол, полы ее махрового халата разъехались в стороны, оголяя стройные красивые ножки, привлекая в себе внимание мужчины. Руками провел от колен к бедрам, пальцами нащупал кружева, и уже хотел их снять, как услышал приглушенный шепот Цветочка:

— По сценарию сейчас должны зайти твои родители.

— Но они не зайдут, — так же тихо ответил Макс и наклонился за поцелуем.

— Угу, только вот блин еще один точно сгорел, — Макс отстранился, наигранно огорченно вздохнул, снова поднял блондинку и теперь усадил на стул, а сам, наклонившись, все же чмокнул в губы.

— Вот сиди и пей чай, а я дальше печь буду.

— Спасибо, — тихо ответила и сделала глоток ароматного напитка.

Пока он дожаривал блинчики, несколько завернул со сладким творогом для Риты и поставил ей тарелочку с лакомством. Девушка с удовольствием уплетала угощение и с улыбкой поглядывала на мужчину, который так неожиданно и нагло ворвался в ее жизнь. С ним было хорошо и уютно, а еще не страшно, и почему-то вдруг захотелось довериться, еще хоть раз, и попробовать зажить по-новому. А кто знает, вдруг именно Максим Вишневский подарит ей то счастье, о котором она мечтала всю жизнь. Только все же один факт ее огорчал, серьезно и бесповоротно, но пока не хотела разговаривать с ним на эту тему, сама не зная, почему. Возможно, где-то глубоко в душе, в самой закрытой ее части, тлеет огонек надежды и веры, что все получится, что она такая же женщина, как и множество других. Как знать, почему, но эта тема даже для нее давно под запретом.

— Почему ты до сих пор не женат? — они расположились в гостиной на диване, укутавшись в теплый плед, сытые и довольные, а главное, что Маргарита целиком и полностью была расслаблена.

— Не встречал ту, с которой хотел бы прожить жизнь, — Максим поглаживал женские плечи, и слышал, как девушка от удовольствия едва не мурчит.

— Но ты ведь уже не мальчик, наверняка хочется семью? — продолжала негромко расспрашивать, разморенная массажем.

— Хочется, но я не собираюсь жить с женщиной, которая мне не интересна. Я хочу любить свою жену, и чтобы детей любимая рожала.

Рита вздрогнула, и тут же замерла от услышанных слов, которые она, наверное, никогда не сможет воспринимать спокойно. Только вот Макс являлся нормальным мужчиной, который хотел большую семью, и которую Рита не могла ему подарить.

— Ты моя женщина, — вдруг неожиданно прозвучало на ухо, отчего она поежилась и прикрыла глаза. — Ты. И только от тебя.

Господи, ну почему же ей так больно? А Макс — зачем он говорит ей все эти важные слова, которые разрывают ее душу.

— Макс, у тебя такой большой член, — решила быстро перевести тему, когда под попкой почувствовала внушительный бугор.

— Нормальный, — обыденно ответил мужчина и немного приспустил халат, открывая нежные плечи.

— Для меня большой, — будто посетовала, и тут же ахнула от удовольствия, когда почувствовала теплое дыхание на коже.

— У тебя много было мужчин? — вдруг поинтересовался Вишневский и зубами слегка прикусил шею, как раз на изгибе.

— Нет, ты второй.

— Жаль, что не первый. Надо за это расквасить морду твоему бывшему, — практически прорычал, и полностью скинул халат, выпуская на волю набухшую грудь с призывно торчащими сосками.

— Возможно, если бы не он, то мы с тобой и не встретились бы, — неожиданно самой для себя произнесла Рита, и снова ахнула, когда сильные руки накрыли чувствительную грудь.

— Ну его к черту, моя девочка со мной, — языком провел по шее к ушку, прикусил мочку, и услышал еще один стон, более протяжный и страстный.

— Мааакс...

— Ммм?

— И попец у тебя больше, чем у меня, — выгнув шею, с придыханием произнесла она.

— Хочешь, и тебе накачаем? — между поцелуями спросил Макс, а руками поглаживал ее бедра.

— Чегооо? — почему-то ей показалось, что он хочет отправить Риту в больничку, но мужчина поспешил объяснить.

— Будешь со мной в спортзал ходить.

— Аааа, — улыбнулась она и, развернувшись, набросилась на горячие, сладкие губы, которые тут же впустили в свой плен ее проворный язычок.

Маргарита как раз варила кофе, когда в дверь позвонил курьер. Девушка крикнула, чтобы Макс сам открыл, и уже через минуту услышала тяжелые шаги и глухой, слабый удар цветов о столешницу. Резко повернула голову и встретилась с гневным взглядом мужчины:

— Какой-то хрен прислал тебе цветы, — кивком головы указал на букет роз, перевязанных красной лентой.

— Ммм, красные, мои любимые, — тихо прошептала она и наклонилась, чтобы вдохнуть сладкий аромат бутонов.

— Не забудь выбросить их, я тебе красивее куплю, — уже выходя из кухни, бросил Вишневский, и скрылся в ее спальне.

— Максим, — позвала девушка и сразу же пошла за ним. — Красивее не будет, они же шикарные.

— Все равно, выбрось, — потребовал, и тут же скинул рубашку, которую натянул вместе с брюками после душа.

— Это похоже на ревность...

— Не похоже, я действительно ревную. Я собственник. А тебе, как я понимаю, это уже не впервые присылают.

— Верно понимаешь, — Рита начала подходить к нему, словно кошечка, лениво, и в то же время грациозно. Положила ладошки на грудь, заскользила вверх к шее, переместила пальцы на затылок и, приподнявшись, добавила. — Ровно раз в две недели Константин Вениаминович присылает мне цветы.

— Тогда можешь поставить их в воду, — он подхватил ее под попку и почувствовал, как стройные ножки обвили его бедра. — Напомни, зачем он это делает?

— Говорит, чтобы я не забывала, что являюсь женщиной, — простонала Марго от сладкого поцелуя под ушком.

— Обещаю, не забудешь, — проговорил, и губами спустился к щеке, влажно целуя ее и покусывая. — Но и о цветах позаботишься позже.

— Отлюбишь меня?

— Отлюблю!

Маргарита сидела в своем кабинете, когда к ней заглянул Варшавский в смежную дверь, обвел взглядом помещение и, остановившись на ее фигурке, негромко прошептал:

— Пойдемте к нам, Цветочек, — девушка прищурилась, хитро посмотрела, но все же поднялась и прошла в кабинет шефа.

Максим Иванович, как и предполагалось, сидел в своем кресле, она бросила на него мимолетный взгляд и успела заметить нежную улыбку, предназначенную только для нее. Смутилась и мельком глянула на Глеба, а тот, в свою очередь, ехидно улыбался — заметил, гад, точно, все понял.

— Рита, присаживайся, — произнес Макс, указывая рукой на кресло.

— Еще раз назовешь меня Ритой на людях, вообще ко мне не подходи, — наклонившись к нему, прошипела блондинка, внимательно смотря в голубые глаза.

— Колючка, — прошептал мужчина в ответ, и девушка, выпрямившись, уселась на предложенное место.

Варшавский уже устроился в кресле напротив нее, все молчали, словно погрузившись в свои мысли, а через минуту в кабинет вошла Катерина с подносом, на котором стояли четыре чашки кофе. Расставила их и сама присела в третье кресло, сложила руки на груди и с вызовом посмотрела на замдиректора, который, по всей видимости, тоже ее позвал, но для чего, девушки не знали.

— Давай уже, Казанова, рассказывай, зачем девушек позвал, а то они тебя сейчас живьем сожрут, — весело произнес Макс, отпивая свой кофе.

— Людоедки, — наиграно обиженно фыркнул Глеб, тоже отпил из чашки и посмотрел сначала на Риту, потом перевел взгляд на Катю. — Завтра у меня днюха, и я всех приглашаю в клуб.

— На юбилей, наконец-то, решил раскошелиться? — поинтересовался Макс, пряча улыбку в чашке.

— Нет, приглашаю, чтобы потом не зудели, — съязвил Варшавский и улыбнулся, достал сигарету, прикурил.

— И сколько нашему дедушке-юбиляру исполняется? — решила уточнить Катерина.

— Тридцать мне. — Рита подавилась при очередном глотке кофе, а ее подруга в буквальном смысле слова вытаращила глаза на Глеба. — Ладно, тридцать семь.

— Это больше похоже на правду, — откашливаясь, ответила блондинка.

— Я что, так плохо выгляжу?

— Нет, еще хуже, — громким голосом добавила Катерина и глянула на Маргариту, обе рассмеялись в голос, заражая смехом и Вишневого.

— Вот стервы! Макс, зачем ты на работу баб набрал?

— Чтобы тебя в тонусе держали. Глядишь, да помолодеешь, — шутливым тоном произнес шеф, отчего снова все засмеялись, один Глеб сделал обиженный вид.

— Уйду я от вас...

— В монастырь, али как? — состроив забавную гримасу, поинтересовалась Марго.

— Цветочек, если Казанова уйдет в монастырь, то бабы будут не оттра... ну, девственницами все будут.

— Как-то я об этом не подумала.

— Так, шутники, завтра в десять чтобы все были, а теперь — за работу.

— Оу, дедушка, стойте, — позвал Макс. — Милости прошу, вы заняли мой пост, — он встал со своего кресла, усадил туда зама, отодвинул чашку с недопитым кофе, положил бумаги, поправил ручку. — Вот, так лучше, дорогой Глеб Николаевич.

— Очень смешно, шут гороховый. Но мне нравится, — уже довольно улыбнулся Варшавский и взялся за паркер, игнорируя обычную ручку. — Где подписать?

— На лбу у себя напиши: «Варшавский — болван».

— Хамское поведение работников, всех уволю нахрен, — с улыбкой произнес Глеб, и все же встал с директорского кресла.

Все это время девочки наблюдали за двумя клоунами и негромко хихикали, заряжаясь позитивом на весь оставшийся день, а Глеб, забрав пиджак, почесал лоб и скрылся в приемной офиса.

— Так, ну, все понятно с этим мужчиной, — буднично начала Катерина, наконец-то закончив смеяться. — Максим Иванович, Вам что-то нужно, или я могу идти?

— Иди, Катюша.

Собрав чашки, подруга тоже исчезла из кабинета, задорно подмигнув Маргаритке, и шеф наконец-то остался наедине со своей девочкой.

— Максим, — начала она, так и сидя в своем кресле — Это ненормально.

— Что именно? — вернул паркер на место, отодвинул документы и пристально посмотрел в голубые глаза.

— Я скучаю...

— Мне музыку включить?

Марго тяжело вздохнула и опустила голову, пряча глаза за занавесом белокурых прядей:

— По тебе, — очень тихо, едва различимо произнесла она и, еще раз вздохнув, добавила. — Обними меня.

Макс не ослышался, она попросила обнять, и он не смел ей в этом отказывать, тут же поднялся и прошел к ней, остановился у стола, протянул руку и, дождавшись, когда Рита поднимется, тут же обнял ее. Нет, даже припечатал, отдавая все свое тепло и заботу, именно в этом сейчас нуждалась его девочка, он знал. Ведь одиночество остро ощущается не дома, среди четырех стен, а вот так, в обществе людей, счастливых людей, а она себя таковой не считала.

— Ты не одинока, мой Цветочек, ты не одинока.

— Урааа... С днем рождения, Глееееб!

— С днем рождения...

— Поздравляем с днюхой.

Все поздравляли Варшавского, выпивали, танцевали и много болтали. Компания была очень дружная и веселая, в ней можно было действительно отдохнуть. И Рита расслабилась, пила исключительно вино, болтала со своей подругой, иногда встревала в мужские разговоры, и искоса наблюдала за Максимом, который за последние недели стал непозволительно дорог ей. А разве могло быть иначе, если они всегда были вместе, он

ночевал у нее, да нет, практически жил, заботился, как никто и никогда не заботился, и берег ее. Рита ощущала себя принцессой из сказки, так было хорошо ей, хотя и немного страшно. Да что там немного, конечно, она боялась, что ее сказка снова исчезнет.

— Какого хе*а? — послышалось от друга Глеба, и в их сторону едва ли не упал какой-то смазливый, напыщенный пацан.

Вся компания, а их было человек семь, тут же посмотрела в сторону разборок, и заприметили неприятную картину. Трое, как один, похожих смазливых и, по всей видимости, богатых парней, считавших, что им все можно, нагло приставали к девушке. Даже больше — хватали за руки и пытались ее облапать со всех сторон, а она, как могла, старалась себя защитить, и именно от нее отлетел тот пацан, привлекая внимание ребят. Никто не обращал внимания, все продолжали веселиться, как будто происходящее было обыденным и чем-то правильным.

Максим первый сорвался на помощь, и потом к нему подключился Глеб и еще один друг — Артур, и быстро привели зарвавшихся малолеток в чувства, после чего охрана утащила тех на улицу.

— Как ты? — поинтересовался именинник у блондинки, она непонятно кивнула. — Жека, подай водку, — быстро налил в стакан водку и буквально заставил девушку выпить.

Та закашлялась, глаза заслезились, и тут же почувствовала, как к губам прикоснулось холодное стекло. Это Глеб подал ей сок и надавил на губы, снова заставляя выпить, только теперь — в качестве закуски.

— Спасибо, — ответила она, когда все же выпила немного и облизала верхнюю губу, смоченную в апельсиновой жидкости.

Варшавскому тут же захотелось поцеловать эти губы, попробовать на вкус, ощутить их мягкость, но он сдержался, боясь снова напугать девушку. К слову, очень красивую. Вместо этого он представил ее своим друзьям и с вопросом в глазах посмотрел на грудастую блондинку, желая услышать ее имя.

— Лена, меня зовут Лена, — уже более уверенно сказала она и присела на диванчик к девчонкам, которые приветливо ей улыбнулись.

Глеб уточнил, что она будет пить, Лена была не против того же вина, что и у девушек, он попросил у официанта бокал и еще одну бутылку красного.

— Лена, что же ты так неосторожна, в клуб, да одна? — решил поинтересоваться один из ее спасителей — Артур.

— Приключений искала, — уже совсем расслабившись, ответила та и стукнулась своим бокалом о бокалы Катерины и Марго.

— Ты их нашла, поверь мне, — как-то двусмысленно ответил Глеб и, подняв рюмку, снова услышал поздравления в свою честь.

— С днем рождения! Пенсия, поди, уже? — решила в ответ съязвить Лена. Мужчина кивнул, прищурившись, и опрокинул в себя водку.

— Слушай, а этот идиот был прав, — Глеб загадочно переместил взгляд в зону необъятного декольте своей новой знакомой, которая, не совсем понимая, о чем речь, прищурила глаза, пристально смотря на собеседника.

— Ты о чем? — совсем неласково уточнила блондинка.

— Арбузики у тебя крутые, — довольно пропел, скаля свои тридцать два.

— Ктооо? — хлопая глазами, решила уточнить Лена.

— Тебе, че, перекись мозги сожрала?

— Чегооо? — все тем же тоном.

— Ой, все ясно, — отмахнулся, и лицо повернул в сторону танцпола, надеясь высмотреть стройную кокетку для сегодняшней ночи.

Но задуманное не удалось воплотить в жизнь, ибо он почувствовал резкий захват на своем плече, и в ту же секунду оказался повернутым к разъяренной девушке. Она буквально силой схватила его за плечо для того, чтобы развернуть к себе, перехватила запястье и тут же вывернула мужскую руку ему за спину.

— Слышь, кобелина недорезанная, спасибо, конечно, за спасение, но я тебе сейчас трусы натяну на твои уши, и вмиг забудешь и об арбузиках и о дыньках. Уяснил, олень не доросший?

— Ну, что ты, Леночка, я готов прямо сейчас тебе отдаться. Макс, вызывай регистраторшу на дом, — обратился Глеб к другу и принялся наливать девочкам вино по бокалам. — Вот это днюха!

— Эй, я на групповуху не согласна! — возмутилась Леночка.

— Жениться будем, дура!

Немного захмелев, девушки ушли танцевать, но прежде выслушав приказ мужчин — находиться строго в пределах видимости. Они послушались, и расположились от своей компании не дальше пяти метров, поглощенные музыкой и движениями тел.

Максим сидел на диване, удобно закинув руки на спинку, и пристально наблюдал за Ритой, которая сексуально качала бедрами, плавно изгибала тело и красиво двигала руками. Волосы танцевали с ней в такт, иногда подпрыгивая или разлетаясь, а порой и мягко ударяясь о щеки. Красивая, желанная, особенная. И, зараза, в таком коротком, кружевном платье кремового оттенка. Оно едва прикрывало ей попу. Одно успокаивало — грудь и спина были скрыты, иначе бы его точно парализовало.

— Четкая баба, я бы сам с ней зажег, — прозвучало сбоку от него, и он обернулся к другу, который ничем не отличался от Глеба, такой же кобель.

— Не хочу бить друга, поэтому очень надеюсь, что больше этого не услышу, — немного разозленно проговорил Максим, и тут же вернул свой взгляд Рите.

— Да, ладно, чего ты, — тот по-братски слабо ударил Макса кулаком в плечо. — Хватит уже залипать, никуда не денется твоя девчонка, давай лучше выпьем за друга.

— Марго не какая-то девчонка, она моя женщина, и пока она танцует там, я буду смотреть за ней, чтобы никакая наглая рожа, типа вас с Глебом, не посмела к ней подойти.

— А если она там до утра будет жо*ой вертеть?

Вишневский снова обернулся к другу, пристально посмотрел в его серые глаза, медленно вернул взгляд к Цветочку, и негромко, но так, чтобы тот услышал, ответил:

— Расслабься, тебе эта красота никогда не достанется.

Они наконец-то пришли домой, к Максиму, сюда было ближе, а Марго просто не чувствовала ног, натанцевалась едва ли не до упаду, и теперь толком не могла наступить на ступни. Ее мужчина был, как всегда, заботлив и галантен. Расплатившись с таксистом, поднял ее на руки и донес до самой двери, и даже больше — позволил ей нащупать ключ в кармане его пиджака, открыть дверь, чтобы Вишневский не опускал босые ножки на холодную плитку порога. Уже в коридоре вдвоем облегченно вздохнули и замерли взглядами друг на друге, словно впервые оказавшись наедине. Просто наслаждались долгожданной тишиной, а еще соскучились, истосковались, не имея возможности касаться тел так, как им того хотелось, целоваться — самозабвенно, и просто поглощать друг друга. В клубе, среди

большого количества народа, не сильно предашься своим утехам, а учитывая, что Макс являлся большим ревнивцем, так и целовались всего лишь два раза, чтобы никто не заметил, какая страстная его девочка.

Сейчас, облокотившись на дверь, и удерживая свою ценную ношу на руках, он с упоением наблюдал, какая она расслабленная, нежная, прижалась к нему, как котенок, и точно требует ласк. Макс на секунду прижался губами ко лбу, она от удовольствия прикрыла глаза и тут же почувствовала под собой что-то твердое и прохладное — комод, поняла, когда подняла веки. Мужчина усадил ее на комод, разулся, снял свою куртку, убирая ту в шкаф, и снова вернулся к девушке, спокойно наблюдавшей за его каждым размеренным движением и вздохом. Забрал туфли, которые она продолжала держать в руках, поставил у комода, помог, а точнее, сам стянул с девушки куртку и шарф, также убирая в шкаф, делая все это не спеша, но уверенно, и, взяв на руки, понес ее в спальню.

Сейчас в комнате между ними протянулась невидимая нить, связывающая их чувства, создающая эйфорию, полное доверие и безграничную ласку, которую мужчина, возможно, ощущал очень часто, но вот только не его девочка. Для нее это было все внове, она сегодня впервые чувствовала себя расслабленной, полностью отпустившей себя и доверившейся Максиму. Почему-то сегодня не боялась своих чувств, не думала, что может быть «а вдруг». Не может. Сегодня она — маленькая хрупкая девочка, и снова в его объятиях, таких крепких и надежных. Ему нельзя не доверять, не тогда, когда ради нее он готов свернуть горы, когда так заботился, что казалось, у его любви нет границ. Нет, он не говорил ей о любви, пока нет, боялся спугнуть, но точно ощущал ее, и понимал — так будет всегда, а может даже еще больше и еще лучше, ведь меньшего его девочка не заслуживает. Ждал ли и от нее каких-то слов — может быть, но даже не смел требовать, он все читал в голубых омутках, прекрасно видел все ее чувства, и мог с уверенностью сказать, что теперь эти глаза будут сиять только ярче и ярче, а за каждую пролитую ею слезу будет отвечать виновный.

Максим уложил девушку на свою королевскую кровать, быстро скинул пиджак и, встав на колени около Риты, пальцами аккуратно убрал прядку волос со щеки, при этом не прекращая смотреть в ее глаза. Коснулся скулы, губ, переместил руку к шее, ласково провел по оголенным плечам и, склонившись, коснулся губами мягких губ, просто дотронулся, чтобы ощутить их теплоту и нежность, а отстранившись, нащупал застежку на платье, потянул ту вниз, и услышал протяжный вздох его любимой. Она прикрыла глаза, запрокинув голову назад, ротик слегка приоткрыт, а грудь от сбившегося дыхания судорожно приподнимается вверх, привлекая к себе особое внимание. Но Максим не спешил, он все делал со знанием дела, растягивал удовольствием, и на данный момент не свое, а девочки, которая постанывала от его невинных ласк. Сам же был на пределе, об этом говорило его каменное возбуждение в штанах, но он не жаловался, наоборот, в первую очередь хотел, чтобы было хорошо Цветочку.

Крепкие руки переместилась на бедра девушки, немного сжали их, и начали подниматься вверх, нежно и очень медленно, пока не дошли до оголенной кожи, подцепили капроновые колготы и потянули вниз. Сняв их полностью, Макс наконец-то мог касаться гладкой кожи, наслаждаться ее шелковистостью и целовать каждый сантиметр с особым трепетом.

Рита стонала, просила прекратить эту пытку и дать ей такую нужную разрядку, но Максим решил иначе, осторожно снял через голову ее кружевное платье и, отбросив в сторону, горящим взглядом замер на уже севшей обнаженной фигурке. Стройная,

сексуальная, изящная, она вся была его, и он до одури в мозгах хотел ее, но старался не сорваться, продолжая показывать свою заботу.

Наклонившись, снова коснулся губ девушки, и сам принялся раздеваться, чтобы поскорее почувствовать желанное тело, ощущать тепло, нежность, попробовать всю на вкус. Потом подхватил на руки и понес в ванную комнату. Остановившись у душевой кабинки, включил воду, чтобы скорее стекла холодная, и аккуратно опустил Риту на теплый пол. Она же, не прекращая держаться за его шею, сразу прильнула к нему и вжалась своей возбужденной грудью в его, каменную, горячую и такую сильную. Захотела поцеловать и, не спрашивая, сразу же коснулась губ, сначала просто в невинном поцелуе, а потом, когда почувствовала отклик, мазнула язычком по его губам, и тут же была взята в плен горячего рта. Максим целовал страстно, горячо, не давая возможности передумать, да и нужно ли это было, когда оба уже на грани, готовы вот-вот взорваться, только девушка не могла понять, отчего они медлят.

Ее руки продолжали ласкать затылок, перебирать пальчиками немного отросшие прядки волос, иногда царапая ногтями шею. А вот его ладони страстно блуждали по изящной спине, то продвигаясь вверх, собирая полные пригоршни белокурых волос, то наоборот выпуская их и опускаясь вниз к округлой попке, до сих пор облаченной в кружевные стринги. Хотя облаченной — это громкое слово, потому как тоненькая полосочка, прятая между ягодиц, уж никак не скрывала их, а вот впереди трусики были очень даже скромны, если можно так назвать тонкое прозрачное кружево белого цвета, которое практически ничего не скрывало.

Вишневецкий еще преподаст ей урок о том, как нужно одеваться, нет, он ничего не имел против трусиков стрингов, но в коротком платье — мало того, что без лифчика, так и попа открыта. Но об этом он подумает потом, сейчас его главной задачей было вымыть себя и свой цветок от прокуренного клуба, а потом страстно и нежно залюбить.

Когда воздуха уже практически не хватало, Макс смог отстраниться от сладких губ и с упоением заглянуть в голубые омуты, которые были затуманены страстью, возбуждением и чем-то еще, ему пока незнакомым. Оба тяжело дышали, оба хотели одного и того же, и оба чувствовали одинаково — горели, ловили каждую эмоцию и пили ее до дна, мечтая вкусить все без остатка. Крепкие сильные руки подняли девичье тело, прижали к себе, и мужчина смог ощутить тугие, сжавшиеся в горошинки соски, скользящие по его телу. Шагнул вперед, и их тут же окатило, словно теплым дождем, из лейки душа над головой, и они мгновенно стали мокрыми, но так и не прекратили обниматься.

Теплые струи приятно массировали тело, а горячие объятия только распалили жар внутри друг друга, доводили до точки кипения, брали верх над чувствами, жгли разум. Сначала ее трусики слетели с мокрого тела. Девушка почувствовала горячие пальцы на своей плоти и выгнулась, отставляя попку назад, но тем самым желая, чтобы он не переставал ее касаться. Потом мужчина снял и свое белье, отбрасывая к кружевам, снова вернулся к своей девочке и, подхватив ее на руки, одним движением скользнул во влажное лоно, и тут же почувствовал, как она сжалась и задрожала от настигнувшего оргазма. Так было всегда — стоило Максиму только оказаться в ней, как девушка тут же получала разрядку, выпускала свое возбуждение на волю, а потом по новой наслаждалась ласками, которые мужчина дарил только ей.

Позволив немного успокоиться, Максим начал двигаться, сначала медленно, с особой заботой и осторожностью, потом увеличил темп, все сильнее и глубже погружаясь в свою

девочку. Дарил обоим наслаждение, возносил до небес, позволяя вновь и вновь разлетаться на осколки желаний, дышать новым воздухом, не отравленным, а настоящим. С каждым разом дарил удовольствия больше, сильнее, и ни на минуту Рита не сомневалась, что так будет всегда, всегда, пока они вместе, теперь точно не сомневалась.

Ногами еще сильнее обняла крепкие бедра, желая оказаться ближе, хотя между ними не было и миллиметра свободного пространства, ногтями впиалась в кожу на спине, наверняка оставляя после себя следы, а может быть, даже и ранки. А сама почувствовала, как его ладонь обхватила ее грудь, пальцы поиграли с соском, но движения внутри все также продолжались, только теперь намного сильнее, яростнее. Макс вбивал себя, буквально вколачивал, и чувствовал, что уже на финише, но сначала хотел снова доставить удовольствие Цветочку. Он переместил руку с груди к клитору и принялся поглаживать, немного надавливая. Поняв, что девочка уже пульсирует в точке своей женственности, громко стонет и резко сжимает его плоть, а зубками кусает за плечо, чтобы немного приглушить свои эмоции, он был уверен — малышка оставила свою пометку. Только вот его это еще больше подогревает — и плотно сжимающиеся стеночки, и укус, и стоны, все у нее получается по-особенному, и он сам, сделав последний глубокий толчок, буквально взрывается внутри нее. Содрогаются, пульсирует, дрожит, дышит судорожно, но глубоко, и, делая пару скользящих движений, замирает, все так же оставаясь глубоко в желанном теле.

Вода продолжает литься сверху, прямо на их головы, Макс выключает наконец-то поток и, немного отстранившись, смотрит в лицо Маргаритке, которая одарила его блаженной улыбкой. Он сам улыбнулся и вышел из кабинки, поставил ее на пол и, схватив полотенце с вешалки, принялся вытирать стройное тело, не давая девушке замерзнуть. Но то, что произошло дальше, удивило не только Вишневого, но и саму Риту — она взяла второе полотенце и тоже принялась вытирать тело, только не свое, а мужское, и делала это с огромным удовольствием. Теперь в ее глазах были искорки интереса и счастья, полного и безграничного, которое наверняка грозило вырваться из нее, чтобы показаться всем, утереть нос тому, кто в нее не верил, не верил в саму Риту.

Ее руки сначала полотенцем дотянулись до плеч, мягко касаясь, вытерли капли с кожи, переместились на грудь, четко ощущая под махровой тканью каждый мускул и мощь, так же, не спеша, вытерли руки, каждой уделяя максимум внимания. И уже немного смущенно опустив взгляд в область паха, Рита хотела опуститься, чтобы вытереть мужское достоинство, но Максим в считанные секунды перехватил ее руку и серьезно посмотрел в глаза. Отрицательно качнул головой, забрал полотенце, сам быстро обтерся, заодно и спину, а потом, откинув ненужную уже тряпку в сторону, подхватил девушку на руки и понес обратно в спальню.

Никогда он не позволит встать ей на колени, даже ради каких-то ласк и вот такой заботы, никогда его девочка не должна унижаться, особенно перед ним. Он сам встанет перед ней на колени, все сделает, главное — видеть в ее глазах счастье, а на устах — улыбку. И пусть кто-то посмеет назвать его подкаблучником, он тут же вмажет ему по морде. Любимая женщина никогда не в тягость, для нее хочется делать все, заботиться и одаривать, и не обязательно подарками, которые покупаешь в магазине, внимание и любовь — самые ценные дары.

Положив Цветочек на кровать, он тоже прилег рядом, начал гладить по щеке, любясь прекрасным лицом, и просто наслаждаться близостью. Марго было мало, и она улеглась на него сверху, начала нежно целовать лицо, руками гладила грудь, живот, касалась снова

возбужденного члена, терлась своей плотью об него и стонала, ощущая негу внизу живота. Была уже мокрая, скользила, соблазняла, а мужчине хватило только взгляда на нее, и он уже был готов, хотел то, что она сама ему предлагала так легко и ненавязчиво.

Он немного отстранил ее тело, взглянул в горящие глаза и приподнялся, поворачивая к себе спиной, улыбнулся сам себе, обещал же не ставить на колени, но ведь это действительно удовольствие для нее, и именно сейчас можно. Рукой надавил на поясницу, чтобы она прогнулась, сам разместился сзади, придвинулся ближе, и руку положил на животик, нежно поглаживая, продвигаясь дальше, к груди. Губами коснулся нежного плеча, влажно поцеловал, свободной рукой перебросил волосы на одну сторону и коснулся затылка, спускаясь вниз, вдоль позвоночника, легкими, но влажными поцелуями. Вторая рука продолжала осторожно сминать грудь и, не имея сил больше терпеть, мужчина скользнул во влагалище, вновь ощущая, как его девочка сжала возбужденный член.

Максу казалось, что вся комната пропитана сексом, везде запахи только их двоих, вперемешку с духами и легким потом, который уже проступил на разгоряченных телах. В этот раз он двигался не спеша, распаяя обоих, позволяя вкусить всю полноту любви и единения, доводя до экстаза свою блондинку, унося ее в рай и снова даря настоящее счастье. Руками держал за бедра и плавно двигался, слушая мелодичные стоны, а малышка, подогнув ручки, удобно разместилась на кровати, вздернув кверху свою красивую попку.

Никогда Максим не чувствовал такого удовольствия от секса, никогда так не хотел женщину, а Рита до него, как оказалось, вообще неверно понимало это слово. Даже не слово, само значение. Не думала, что можно быть настолько зависимой и «голодной», настолько хотеть снова и снова, и знать, что это чувство взаимно.

Мужчина чувствовал, что приближается к разрядке, приподнял Марго, прижал ее спину к своей груди, но так же продолжал медленно-тягуче двигаться, только и пальцами теперь скользил по влажным складочкам. Она стонала все больше, просила долгожданной разрядки, а руки перебросила через голову, цепляясь за его шею, и наконец-то сжалась и выгнулась попой, приближаясь к паху, и даже пальцами немного потянула волосы на затылке.

— Любимый мой...

С таким придыханием произнесла она эти слова, а потом буквально рухнула на кровать, потянув за собой мужчину, который тут же кончил следом за ней.

— Рита, я хочу сказать кое-что, важное для меня, обещаю, что не включишь колючку, — серьезно произнес Максим, глядя в глаза утомленной сексом девушки.

Они уже лежали, укрывшись одеялом, Максим на спине, а сбоку, практически на нем разместилась девушка, подбородком уткнувшись в его грудь, и с его же рукой на плечах. Прекрасно ощущали обнаженные тела, но одеваться не собирались, желая и дальше наслаждаться теплом друг друга.

— Я постараюсь, — прошептала в ответ и нежно улыбнулась, левую руку положила ему на грудь и приготовилась внимательно слушать.

— Я люблю тебя, очень люблю, моя девочка, — шепотом, но с особой серьезностью признался Максим, глядя прямо в глаза, желая увидеть реакцию Риты.

А она смотрела точно так же, вглядывалась в его лицо, а потом неожиданно спрятала носик в подушку, разметав волосы по его груди. Он сразу не понял, что произошло, а когда приподнял голову малышки, увидел в глазах смех и смущенную улыбку на губах. Не плакала — и это было отлично.

— Я тоже, — едва слышно прошептала она и снова спряталась, а Макс облегченно

выдохнул и, перекатившись, навис над ней, нежно подминая под себя тело девушки.

— Я знаю...

— Откуда?

— Ты, когда кончила, сказала «любимый».

— Но я могла...

— Никаких «но», — ответил Максим и снова набросился на припухшие губки, поглощая их в страстном поцелуе.

Проснулись они ближе к вечеру, выспавшиеся, довольные и немного голодные, поэтому, приняв душ, отправились в кухню готовить для себя ужин. Тело девушки побаливало от ночных утех, но грех было жаловаться, когда мужчина так заботливо дарил ласки. Рите казалось — она готова повторить все заново.

— Цветочек, я прошу тебя переехать ко мне, — произнес Макс, когда девушка намазывала тосты сливочным маслом.

— Максим, — начала она и вздохнула, ведь нелегко все это давалось, даже то признание, произнесенное утром, оно настоящее, но такое волнительное.

— Родная, мы уже месяц бегаем друг к другу, как студенты, постоянно по утрам возвращаемся домой переодеться. А мне так хочется, чтобы каждое утро начиналось только вместе — завтрак, кофе, совместная поездка на работу. Я даже позволю тебе выкуривать одну сигарету, — действительно, в последнее время Максим запретил ей курить, строго сказав, что девушка должна пахнуть цветами, особенно такими, как маргаритки. И уже две недели Рита не курила, и даже выбросила свои сигареты, за ненадобностью. — Не хочу, как неделю назад, будто чокнутый, мчаться к тебе, переживая, не упала ли ты в обморок от своих месячных. Я думал, что поседею раньше времени...

— Не нужны мне сигареты, Макс, — перебив его, снова тяжело вздохнула девушка и отложила хрустящий хлеб на блюде. — Только у меня одна просьба, — он кивнул, соглашаясь, и приготовился слушать. — Не дави на меня, пусть все идет своим чередом.

— Никогда! — серьезно согласился мужчина и даже руки выставил вперед, подтверждая свою готовность.

Рита улыбнулась, а Максим, сорвавшись, быстро поцеловал теплые губы любимой, которые уже были пропитаны вкусом кофе. Она же в свою очередь протянула ему еще один намазанный тост, и сама откусила свой, наконец-то приступая к еде.

— Обожаю тебя, — сладко пропел Макс и сделал глоток крепкого напитка, не спуская своих глаз с ее умиротворенного лица.

Вишневецкий сам вызвался помыть посуду, на что девушка только довольно кивнула и наблюдала за ним со стороны, как тут же вспомнила о своем деле, которое решила все же выполнить.

— Максим, я... Я хочу найти отца, — уже с грустью призналась она и посмотрела на обернувшегося мужчину.

— Я думаю, он был хорошим человеком, даже несмотря на то, что бросил тебя, — вопреки ее ожиданиям, он поддержал Риту и немного улыбнулся. — Ведь не могла такая сказочная леди родиться у нелюдей.

Она хмыкнула и, поднявшись со стула, прошла к Максиму, обняла его со спины, когда он снова вернулся к мытью тарелок, и тихо, едва слышно, утвердительно прошептала в район лопаток:

— Это ты волшебник.

Каждый новый день был для них чем-то волшебным и интересным, а просто сидеть в четырех стенах с бокалом чего-то крепкого уже не приносило удовольствия. Да, каждое утро начиналось одинаково — поцелуй, крепкий кофе и душ, соответственно, по очереди, потому как совместное купание затягивалось на длительное время. В доме Макса была прекрасная терраса, которую Рита успела облюбовать, и как только ее кофе был готов, она бежала туда, едва ли не сломя голову. Садилась в плетеное кресло, подгибая ноги под себя, делала глоток ароматного, дымящегося напитка и уже через минуту чувствовала, как на плечи уютно ложится теплый плед, принесенный любимым мужчиной. Сам Максим располагался в соседнем кресле, прикуривал сигарету и любовался своей блондинкой, которая с упоением смотрела на небольшой пруд, разбитый у подножия террасы. Утром уже были первые заморозки, да разве они могли как-то помешать двум влюбленным, которые были согреты не просто кофе или пледом, они были согреты друг другом. Ночами, полными ласк и любви, тепла и заботы, счастья и радости. Им было хорошо и уютно, и казалось, что они живут вместе уже сто лет, а знакомы и того больше.

Да, Рита по-прежнему молчала о своем прошлом, а Макс ни о чем не спрашивал, считая, что если она захочет, то сама расскажет обо всем, как только настанет нужный момент. Сама же девушка впервые за долгое время ощущала счастье, такое, которого, пожалуй, у нее не было даже с Сергеем. Казалось, никто не сможет осчастливить ее еще больше. Только Максим. Он дарил покой, уверенность, заботу, едва ли не возносил до небес, но Рита так боялась снова упасть, разбиться, погибнуть. Понимала, что второй раз не соберет себя, не поднимется, и не будет второго Ивана Сергеевича, не будет веры, ничего не будет... Но продолжала верить, что Максим не позволит ей сломаться, не заставит страдать, не выкинет в болото, где ее будет засасывать в трясину боли и темноты. Максим... Она верила ему.

Единственное, что огорчало Маргариту — неизвестность, она не знала, что с ними будет дальше, не знала, и не хотела знать. А еще больше боялась, что мужчина может позвать ее замуж. Смешно, конечно, но, а вдруг, и что она тогда будет делать? Замуж... Какое слово интересное, только не всегда означающее истинную правду. Нет, не пугал сам факт штампа в паспорте, да, к Вишневному ее чувства были искренними, но что он может потребовать в самом браке? Понятно, что, то, что любому мужчине хочется в его возрасте — детей. А этого Маргарита не могла ему дать, абсолютно никак.

— Цветочек, ты уверена, что хочешь это сделать? — они только что подъехали к кафе, в котором Риту уже должна ждать Наталья.

Девушка переживала, но была настроена решительно, как никогда, потому что спустя столько лет ей почему-то очень важно было узнать, кто приходится ее отцом. А Максим поддержал это желание, хоть и сам переживал за любимую, за ее спокойствие, но отговаривать даже не думал.

— Назад дороги нет, — немного хриплым от волнения голосом произнесла девушка и потянулась за сумочкой, которая лежала на заднем сидении автомобиля.

— Мы можем прямо сейчас развернуть машину и уехать, — предложил Макс, уже протягивая руку к ключу зажигания.

— Нет. Я должна знать, кто мой отец, — уже более уверенно произносит Рита и смотрит в голубые глаза мужчины. — Я должна.

— Может, я все-таки с тобой пойду?

— Нет, подожди меня, пожалуйста, здесь, не думаю, что я задержусь, — он только согласно кивает в ответ на ее слова и сжимает маленькую ручку в знак поддержки. Рита как-то наигранно улыбается и выбирается из машины.

Хорошо, что сегодня каблуки не обула, ибо колени дрожали с невероятной силой, но она шла, уверенная, что поступает верно, и ни за что не пожалеет о содеянном.

Колокольчики громко зазвенели, стоило ей открыть дверь и попасть в тепло уютного кафе. В гардеробной сняла куртку, мазнула взглядом по своему отражению в зеркале, заметив дикий блеск в своих глазах, нервно сжала пальцы и сделала глубокий вдох, пытаясь хоть немного привести нервы в порядок. Всегда яркая, уверенная и целеустремленная Марго Герц боялась, словно последняя трусиха, встретиться с матерью и посмотреть в ее глаза, но она ни капли не стыдилась своего страха.

Сделав еще один глубокий вдох, она наконец-то решается и проходит в зал, где тут же замирает взглядом на женщине с практически седыми волосами и морщинами вокруг глаз. Наталья заметила ее сразу же. Стоило девушке появиться в кафе, как ненавистный взгляд тут же застыл на красивой миниатюрной блондинке. И сейчас даже больше можно было увидеть в ее эмоциях зависти, ведь ее «доченька» жива, и сияет еще ярче, чем прежде.

Рита в который раз за сегодня сделала глубокий вдох и наконец-то подошла к женщине, которая по воле Божьей называлась ее матерью.

— Жива, ну, надо же, какая неудача, — послышался прокуренный голос женщины, и та обвела взглядом Риту.

— Знаю, ты бы хотела, чтобы было иначе, — совершенно уверенная в себе, произносит девушка и с грацией кошки садится на свободный стул. — Только не понимаю, почему? Я ведь не тревожу тебя, не прошу присутствия в своей жизни, чем же так мешаю своей... тебе? — она хотела сказать «свое маме», но побоялась снова увидеть насмешку.

— Знаешь, детка, меня бесит одно твое присутствие в этом мире...

— А что же не добились три года назад? Думаю, вы уверены были, что я подохну на улице.

— Ты оказалась живучей. Я вот все не пойму никак, что же Бог тебя так бережет?

Марго прикрыла глаза и почувствовала, как по телу побежали мурашки, вдруг так захотелось вернуться в машину к Максусу, утонуть в его объятиях и забыть все, как страшный сон.

— Нужно было делать аборт, чтобы мир не загрязнять...

— Господи, — едва слышно прошептала Рита и, вскинув взгляд, прошептала. — Я хочу знать, кто мой отец.

Наталья на миг замерла, глядя точно в глаза дочери, а потом, хмыкнув, произнесла:

— Будь уверена, он такой же мерзкий тип, как и ты. — Маргариту начала колотить дрожь от слов этой женщины, от одного ее вида и нахальной улыбки.

Она не понимала до сих пор, как можно ненавидеть собственное дитя, винить его в рождении, желать смерти. Так больно ей было снова, как и прежде, три года назад. Или пятнадцать лет, в первую их встречу. Боль не притупляется — абсолютно.

— Хотя, мне кажется, что ты еще хуже, из-под одного крыла, да под другое, судя по твоим шмоткам...

— Добрый день, — послышался голос в паре метрах от столика, — Маргарита, рад тебя видеть. А я пришел встретиться со старым знакомым, смотрию — ты сидишь.

— Добрый день, да я... — Рита запнулась, не зная, что ответить мужчине, как тут же услышала неожиданный возглас.

— Опа, ну, вот оно, вот воссоединение! — Наталья громко хлопнула в ладоши и оскалилась как-то нездорово. — Вся семья в сборе. Аплодисменты! — так же продолжала говорить насмешливым голосом.

Маргарита непонимающе уставилась на мать, и тут же перевела взгляд на стоявшего рядом мужчину, который, к слову, в недоумении хлопал глазами.

— Вот, милый мой, смотри, какую я тебе дочь родила, паршивку, которая нам жизнь испортила.

Девушка все еще не понимала, что происходит, ее взгляд метался от одного к другому, а разум совершенно не хотел мыслить в нужном направлении. Тело снова задрожало, стало очень холодно, и из глубины души начала выскальзываться та маленькая наивная девочка, которой когда-то была Маргарита. Она почувствовала, как по щеке покатились слезы, но не стала заострять на этом внимание. Все, о чем она могла думать, так это о том, что этот мужчина является ее отцом, и что он бросил ее на произвол судьбы. Оставил, как бездомного котенка, никому не нужного и беспомощного.

Руками упираясь в стол, она еле-еле, совсем не спеша поднялась со стула и начала головой качать в разные стороны, словно не веря во все происходящее, не веря, что это все совершается именно с ней, с ее жизнью. Так больно стало, как даже не было больно от предательства бывшего мужа, а сейчас хотелось просто выть, а еще — умереть. Точно. Чтобы и не было Риты, чтобы никому не травить жизнь, и самой не страдать, не подыхать от бессилия и совершенной бесполезности в этом мире.

Она буквально сорвалась с места и побежала к выходу, не обращая внимания на людей, которые смотрят на нее, не слыша, как ее новоявленный отец кричит «Рита, подожди!». Она просто бежала. Мгновенно выскочила на улицу, находясь только в тонком свитерке и брючках, и рухнула вниз, практически не чувствуя ватных ног. И только крепкие и уже такие родные руки не позволили упасть хрупкому телу на землю. Максим подхватил на руки любимую и быстро прошел к машине, укладывая Риту на заднее сиденье.

— Что-то болит, Марго? Что? — начал встревоженно осматривать ее на наличие ран, а девочка только скривилась и поднесла к своей груди сжатый кулачок.

Новый поток слез орошал ее щеки, и Макс, не выдержав, громко чертыхнулся и, закрыв дверь, рванул в кафе, просто мечтая удавить эту тварь.

А в кафе, мужчина продолжает буравить взглядом женщину, только один вид которой выдавал ее злость и ненависть. Он сам не мог поверить в услышанное, а подойдя ближе к столику, слегка наклонился и произнес:

— Ты же сказала, что ребенок умер!

— Как видишь, жива и здорова и, как я погляжу, снова устроилась под богатой крышей. Эх, нынешнюю молодежь ошибки ничему не учат, — как-то жалобно произнесла она и добавила. — Лучше бы она действительно сдохла в роддоме.

— Откуда в тебе эта желчь, Наталья? Она же твоя дочь. Господи, и моя дочь, я не верю, неужели Маргаритка — моя дочь?

— Ну, уж, нет, мне она точно не дочь. Эта девка испортила мне всю жизнь.

— Интересно, чем она тебе ее испортила? Тем, что ты отдала ее в детдом? — искренне недоумевал мужчина, подойдя еще ближе и хлопнув ладонями по столу.

— Из-за нее родители выдали меня замуж за нелюбимого! Наказали таким образом.

— За нелюбимого? А ты вообще можешь любить хоть кого-то, кроме себя? Женщина, которая любит, никогда не бросит свое дитя на произвол судьбы!

— А что мне нужно было делать? Бежать, неизвестно куда? Всю жизнь скитаться по мусорникам? — прищутив глаза, поинтересовалась Долматова.

— Ты всегда была меркантильной и мелочной, но теперь можешь совершенно точно видеть, что со мной бы не пропала.

— Хм, а ты точно такой же добренький, как и твоя девка.

— Какая же ты тварь, Наталья, — в противовес ее словам, ответил он.

— Все благодаря тебе, Костя, тебе и твоей Ритке.

— Да уж, а знаешь, я не удивлюсь, что детей, которых ты родила мужу, ты тоже ненавидишь.

— Ха-ха-ха, вот так насмешил... А я ему не родила, не волнуйся. Не смогла больше забеременеть.

— Это тебя Бог наказал. Он на стороне Риты, будь в этом уверена! — он едва ли не пальцем ткнул ей в грудь, стараясь донести сказанные слова.

Больше мужчина не успел ничего сказать, разъяренный, словно тигр, Макс буквально влетел в кафе, взглядом поискал женщину, которую видел на снимке, и тут же оказался около нее, совершенно не обращая внимания на мужчину. Перегнувшись через стол, он схватил Наталью за кофту на груди и притянул ее к себе:

— Это она? — спросил у мужчины, чтобы наверняка не ошибиться. — Она? — прозвучало еще громче и злее.

— Да... — неуверенно ответил тот.

— Запомни, больше повторять не буду! Я тебя уничтожу! А ты жди меня, поняла? Уничтожу!

Вишневецкий словно выплюнул эти слова и резко отпустил Долматову, разворачиваясь и покидая это место, спеша к своей девочке, которой так необходима сейчас поддержка.

Женщина сидела, пораженная страхом, ее испуг виден был даже Константину, который, к слову, несколько не жалел ее, а наоборот, сам бы еще наподдал, если бы только имел хоть каплю жестокости.

— Как же я мог с тобой связаться? Хотя, я тебе даже благодарен, ты подарила мне прекрасную дочь. А Маргарита сама смогла себя правильно воспитать.

— Что он сделает? Этот мужик — что сделает?

— Ты что, испугалась? Да ладно, расслабься, Наталья, всего лишь то, что сказал. Ах, да, и стоит тебе знать, он — не Сергей, лучше бы тебе бежать, хм, даже исчезнуть. С планеты Земля.

Больше не говоря ни слова, Константин уходит, оставляя эту гнилую женщину наедине со своими мыслями, а сам думает, как объяснить дочери, что он не знал о ее существовании. Не знал! Конечно, нет! Но был безумно счастлив, что Рита — его кровинка, ведь с самого начала полюбил ее, как дочь.

Как только Максим подъехал к воротам, он тут же вынул свою девочку из машины и понес ее в дом, скинул в прихожей обувь и, не задерживаясь из-за курток, поднялся на второй этаж. Уложив на кровать свою ношу, он стянул с себя куртку, а потом и с девушки, отбрасывая ненужные вещи в дальний угол спальни. Накрыл ее одеялом и принялся руками растирать дрожащее тело, напряженное, скованное липкими пальцами страха.

Все это время Рита не переставала беззвучно рыдать, слезы орошали бледные щеки,

скатываясь по подбородку вниз под свитер. При каждой новой слезинке она вздрагивала и зажималась еще больше, кусала губы до крови и сжимала руки в кулачки. Наверное, уже на ладошках следы от ногтей остались, с такой силой она их сдавливала, пытаясь тем самым унять душевную боль. А Макс и рад был бы забрать ее страдания, ее мучения себе, только не знал, как это сделать. Единственное — ему было тоже больно, больно и жалко свою любимую, которая сейчас просто тонула в своей горечи.

Мужчина прилег рядом, поверх одеяла, буквально переложил Цветочка на себя, одной рукой касаясь дрожащей спины, а другой глядя по голове, и начал немного раскачиваться вместе с ней. Что-то шептал убаюкивающее, ласковое, доброе, чувствовал, как стучит ее сердечко, а потом услышал громкий всхлип, не такой, как прежде, а раздирающий, разрывающий его душу, и Рита заплакала в голос, ручками сжав его плечи.

— Почему-у-у? Ну, за что? Она же моя мать!!! — начала говорить Рита, а Максим чувствовал, что его грудь уже мокрая, и это доставляло еще большую боль, ведь это слезы его женщины, которая достойна только лучшего. — Она мама, она родила меня. За что? Почему она так ненавидит меня? Почему? — ногти буквально вжались в мужские плечи, а он только крепче прижал к себе девушку. — Моя мама — она ненавидит меня! Ненавидит! Моя мама меня ненавидит! Почему, Господи!? Почему?

Это напоминало истерику, нездоровые рыдания. Ненормальная реакция, да разве может быть другая, когда собственная мать ненавидит своего ребенка? Разве можно не лишиться ума из-за ненависти человека, который априори должен быть самым родным и дорогим?

— Почему, что я сделала такого, чтобы меня ненавидели? Неужели ей не хочется меня обнять? Я никогда не чувствовала материнского тепла, никогда! За что она со мной так, в чем я провинилась, что сделала не так? Что я им, двоим, сделала, что они меня бросили, в первый же день моей жизни? Моей никчемной жизни! Жизни, где меня растоптали, и выбросили, как ничтожество. Почему отец меня не любит, он же не похож на мать, почему?

Макс не знал, что сказать, как ответить на ее вопросы, боялся задеть, произнести что-то не то. Только четко понимал, что ее родители — никчемные твари, посмеявшие так ненавидеть его Цветочек — светлый и добрый, нежный и ласковый, ранимый и в то же время сильный. Он позволит ей в последний раз вот так себя изводить, даст возможность выплакаться, и никогда больше не разрешит страдать. Хорошо, что Вениаминыч оказался в том кафе, у него еще все расспросит, узнает конкретно, что произошло, и любыми способами поквитается с теми, кто причинил боль и страдания Маргарите.

Когда через два часа девушка не перестает всхлипывать, и даже успокоительное, которое Макс дал ей выпить, не помогло, он решается на серьезный шаг. Осторожно достает телефон из кармана брюк, находит нужный номер и нажимает на вызов, а когда на том конце берут трубку, только и говорит:

— Ласточка, ты мне очень нужна. Мы дома.

— Поняла.

Сбросив вызов, мужчина откидывает телефон и снова начинает укачивать свою малышку, пытаясь всеми силами души вселить в нее спокойствие и веру. Продолжает гладить голову, плечи, спину, шептать о том, что она не одна, как он любит свою страстную блондинку, как готов дарить ей счастье каждый день. На какой-то момент всхлипы утихают, но ненадолго — видимо, пока она убаюкалась в его объятиях, но вскоре Рита снова начинает плакать, вспомнив еще о какой-то гадости, которая до сих пор отравляет ее жизнь.

Когда послышались шаги со стороны лестницы, девушка немного притихла, но дрожь в

ее теле до сих пор была. В спальню вошла красивая блондинка с аккуратно подколотыми волосами. В глазах встревоженный взгляд, а в теле уверенность.

Максим осторожно выбрался из объятий Риты, уложил ее и, быстро поцеловав маму, вышел их комнаты.

А женщина, присев рядом с девушкой, нежно заправила ей прядку за ушко, ласково посмотрела на нее, и когда Рита взглянула на Ласточку, то получила доброжелательную, теплую улыбку.

— Поговорим? — девушка несмело кивнула, и как-то уж совсем расслабилась в присутствии мамы Макса. — Цветочек, вот ты же у нас самая красивая, ты же знаешь, как мы тебя любим, но почему-то саму себя не любишь! — Дарья гладила пальцами нежное лицо и мило улыбалась, стараясь передать свою любовь. — Ты знаешь, что мечтам свойственно сбываться? — Марго отрицательно качнула головой, но глаз не отвела, продолжая слушать. — Я для тебя — как мама, а все потому, что я люблю тебя, как свою дочь, наравне со своими детьми, понимаешь? Ты дорога, как мне, так и моей семье, и еще можешь называть меня мамой. Понимаю, тебе будет нелегко, возможно, понадобится время, но ты смело можешь на меня рассчитывать. Знай, что никто из нас не позволит никому причинить тебе боль, мы твоя семья, и это неизбежно, дорогая моя.

Рита повернулась и, подобрав под себя ноги, удобно устроилась около подушек, смахнула последние слезы и уже более сфокусированным взглядом посмотрела на Ласточку.

— Такого не бывает, — слишком обреченно произнесла она.

— Какого?

— Я не могу вам стать дочерью, у вас есть дети, которых вы, исходя из ваших слов, безмерно любите, а я чужой человек, и нельзя любить чужих, как своих.

— Девочка моя, ты уверена в своих словах?

— А почему нет? Если собственные родители ненавидят меня, — дрогнувшим голосом ответила девушка и сглотнула подступивший ком в горле.

— Знаешь, что я тебе скажу, Цветочек, родители не любят свое дитя не от того, что именно ребенок виноват в чем-то, они не любят, потому что у этих людей гнилая душа.

— Я не верю, что Конс...

— Родная моя, послушай, прошу, — перебила Дарья, и сжала в руке запястье Риты, в знак поддержки. — Видимо, вы с Максом не разговаривали на эту тему, но я открою тебе одну тайну, думаю, она заставит тебя задуматься.

— А Макс хотел бы, чтобы я это знала?

— Если это необходимо для твоего спокойствия, то да, хотел бы.

— Тогда, что это?

— Я не родная мама Максиму, не по крови.

— Кааак? — не веря в услышанное, проговорила она.

— Родная мама умерла при родах, но я знаю его с пеленок, такого крохотного и забавного малыша. А когда Максиму было пять лет, мы сошлись с Иваном Сергеевичем, у нас были нелегкие отношения, я очень вспыльчивая была, строптивая, но сын всегда был на моей стороне.

— Никогда бы не подумала, что...

— Да, дорогая, чужие тетки могут любить детей любимых мужчин.

— Но я...

— А ты любимая женщина одного из моих любимых мужчин, и я, в свою очередь,

обещаю тебе, что сделаю все, чтобы ты не чувствовала себя чужой в нашей семье.

— Поверьте, когда вы узнаете обо мне все, то перестанете так думать...

— Маргарита, — как-то строго проговорила женщина и, придвинувшись к ней ближе, добавила. — Я ничего не хочу слышать о том, что я буду думать «после»! Свои дети всегда дороги! Запомни это, — а потом смягчилась, улыбнулась и обняла, прошептав на ухо. — Иди, моя хорошая, в душ, а мы тебя подождем внизу.

После этих слов Дарья Борисовна вышла из спальни, оставляя Марго наедине со своими мыслями. Только вот сама девушка ощутила в себе какой-то щелчок, словно ее что-то подтолкнуло, и она поняла, что дальше тянуть нельзя. Она не имеет право обманывать людей, которые так хорошо к ней относятся, не имеет право скрывать правду от Максима, мужчины, который дарит ей всю свою заботу.

Он не родной сын! Господи, да она бы в жизни не посмела так подумать, а все потому, что Дарья ни разу не показала себя холодной или не любящей.

— Успокоилась, слава Богу, — произнесла Дарья, когда вошла в кухню, где сидели Константин Вениаминович и Макс.

— Спасибо тебе, мама, — прошептал мужчина, подходя и обнимая ее.

Он был по-прежнему взволнован и зол, но когда мама произнесла нужные слова, его словно попустило, стало легче, что Рита, наконец, смогла успокоиться.

— Вы лучше объясните мне, что произошло, кто довел девочку до такого состояния?

— Рита захотела узнать, кто ее отец, а для этого ей пришлось встретиться с матерью, пффф...

— И? — потребовала женщина продолжения.

— А дальше Вениаминыч знает лучше, — он кивнул в сторону своего бывшего помощника, который приехал перед тем, как спустилась Ласточка.

— Я в кафе пришел на встречу со старым знакомым, и совершенно случайно увидел Риту, решил подойти, поздороваться, и не сразу обратил внимания, кто с ней сидит. Только когда услышал голос, узнал в той женщине Наталью, а она тут же начала поливать Маргариту грязью. И еще я узнал одну важную вещь... Маргаритка — моя дочь, — слова сочлились сквозь боль, грудную клетку сдавило, и он себя даже ненавидел за то, что не присутствовал в жизни дочери.

— Что??? — неожиданно прозвучали два голоса.

— Когда мне было сорок лет, я встретил Наталью, влюбился, как мальчишка. Новые отношения за долгие годы, счастью не было предела. Потом она забеременела, я был так рад, только... ее родители были против, да и статусом я тогда не особо блистал, ты знаешь, Дарья. — Она кивнула, прекрасно зная, что Костя гораздо позднее открыл свой бизнес. — В общем, я попросил, чтобы они оставили ребенка, что после родов я сразу заберу его, воспитаю должным образом, и их никогда не потревожу. Все было решено, ее родители согласились, потом настал день родов, а мне даже не сообщили, и когда я пришел в роддом, сказали, что малышка умерла при родах.

Мужчине больно было вспоминать об этом раньше, а теперь стало еще труднее, понимая, что на самом деле ребенок остался жив.

— Сказали, что девочка была очень слабой... Господи, ну откуда в этой женщине столько зла? — это был риторический вопрос, но так требующий своей озвучки.

Ему хотелось кричать, хотелось выпустить на волю свою боль и ненависть к этой женщине, посмевавшей решить судьбы двоих людей. Ладно, его, но маленькой, ни в чем

неповинной девочки! За что?

— Если бы я только знал...

— Значит, она отдала Риту в...

— Да, — перебил Макса Константин. — Она оставила ее в роддоме, ну, а куда ребенка дальше определяют, ей было плевать.

— Господи, — горько вздохнула Ласточка, прикрывая рот ладошкой.

— Я бы ни за что не бросил своего ребенка, — прошептал Вениаминыч и бросил взгляд на дверь, где уже стоял Вишневский старший. — А теперь даже не знаю, как просить прощения у Риты.

— Думаю, пришло время рассказать все, — начал Иван Сергеевич. — Только не знаю, имеем ли мы на это право.

— Рассказывай, — без доли сомнений попросил Максим, мечтая узнать все о своей девочке.

— Я сама... расскажу обо всем, — все четверо повернули головы в сторону смежной гостиной, где уже тихонько ступала Рита, переодетая в спортивный костюм.

Войдя в кухню, она замерла взглядом на отца — взглядом, наполненным болью. На миг прикрыв глаза, прошла к столу, вытащила сигарету из пачки Макса и прикурила. Давно не курила, недели три, а сейчас не могла, хотелось чем-то руки занять, а потому, сделав затяжку, и больше ни на кого не глядя, прошла к панорамному окну. С минуту смотрела в никуда, а потом, снова прикрыв глаза, согнутой в локте рукой оперлась о стекло, тяжело вздохнула и, сделав затяжку, вернулась к столу. Потушив недокуренную сигарету в пепельнице, Маргарита каждому по очереди посмотрела в глаза, сжала кулачки и снова подошла к окну, съехала по стенке спиной, располагаясь на полу и отворачивая голову в сторону внутреннего двора.

И Рита начала свой рассказ, с самого начала, с того момента, как мечтала найти свою маму, как грезилась о ней. Вспомнила первую встречу, и как мать ее унизила, как ненавидела и смеялась. Рассказала о знакомстве с Сергеем, об их счастливой семье, как она хотела ребенка. Вспомнила день, когда ее жизнь начала рушиться с момента выстрела пистолета в кабинете мужа, его арест, ее переживания. Не утатила и потерю ребеночка, которого не смогла сберечь, рассказала все о том дне суда, и как они впервые встретились с Максимом. О том, что мать и здесь помогла добить Риту, обвиняя в том, что она сделала аборт. Они все ее в этом обвинили. А потом о том, как оказалась на улице, «голая» едва ли не в прямом смысле этого слова, и некуда ей было идти с пустым кошельком. Как хотела сброситься с моста, но пошла в сторону сквера, и лежала на скамье, не чувствуя ни рук, ни ног от мороза. И как очнулась в светлой уютной комнатке, хозяйкой которой являлась Катерина.

Все это время по Дашиным щекам катились слезы, она не переставала всхлипывать, ощущая боль за эту молодую девушку, которой так много пришлось пережить. На ватных ногах она поднялась со стула, медленно прошла к Рите, заглянула в голубые глаза, полные боли, и с отчаянным порывом обняла хрупкое тело. Сжимала крепко, но нежно, выказывая свою поддержку, и чувствовала, как Маргарита выдохнула и расслабилась, словно сняла с себя оковы страха. Цветочек обняла ее в ответ и прошептала негромко, но так, чтобы могли слышать все:

— Не покидайте меня, никогда.

После ее слов раздался грохот на всю кухню, и все четыре пары глаз устремили свои взгляды на взбешенного Максима, который со всей дури саданул кулаком по дверце

отрытого шкафчика.

— Закопаю мразей! — выкрикнул он и в два шага оказался возле своей девочки, осторожно забрал ее у мамы в свои руки и бережно обнял любимую женщину.

Некоторое время они так и стояли в кухне, Константин с отчаянием потирал одной рукой лоб, Дарья с болью и слезами в глазах смотрела на мужа, а Максим продолжал обнимать свою женщину, которая на данный момент была слаба и нуждалась в его поддержке. А он согревал не только тело, но и ее душу, вселял уверенность и надежду, и как-то становилось совсем хорошо, и больше не страшно. Да, Рита давно перестала бояться, научилась жить с этим грузом, но когда в офисе услышала дикий крик Ржевского, вот тогда снова почувствовала былой страх. А Макс все равно не дал ее в обиду, защитил, поддержал, а теперь и вовсе говорит, что любит. И она не сдержалась, призналась в своих чувствах. Вот только что будет теперь, после откровенных признаний?

— Цветочек, — мужчина немного отодвинулся, чтобы заглянуть в глаза Рите, а она даже нашла в себе силы ему улыбнуться, совсем немного, лишь приподняв уголки губ, — тебе стоит отдохнуть.

— Нет, я не хочу, не сейчас.

— Родные мои, пройдемте все в гостиную, а я нам чаю сделаю, — предложила Дарья, и всех начала подталкивать в указанном направлении.

Марго с Максом разместились на одном диване. Мужчина поближе придвинул к себе девушку, обнимая и поддерживая, Константин Вениаминович устроился в кресле, и никак не мог отвести взгляд от дочери, а Иван Сергеевич присел на второй диван в ожидании жены. Все молчали, и не от того, что им нечего было сказать, а наоборот, потому что не знали, с чего именно начать, ведь девушке было и так слишком больно.

Рита доверчиво прижалась к Максиму, а прикрыв глаза, почувствовала легкое головокружение и резко приподнялась, оставаясь на краю дивана. Как раз в этот момент в комнату зашла Дарья с подносом, на котором были чашки с чаем и кофе, и только она начала расставлять белый фарфор, как увидела состояние девушки. Та приложила ладонь к горлу и сама посмотрела на женщину ничего не понимающим взглядом.

— Что-то мне нехорошо, наверное, слишком перенервничала, — сделала она заключение, и сама хотела подняться, но Ласточка подхватила ее под руку.

— Цветочек, пойдем со мной, — предложила женщина, рукой хлопая сына по предплечью, потому как он сам хотел отвести девушку наверх.

— Может, нужно скорую вызвать? — предложил Макс, взволнованно поглядывая на Маргариту, которая уже начала подниматься по лестнице в сопровождении его матери.

— Все нормально, мы сами, — ответила Дарья и, поддерживая блондинку, исчезла из поля зрения.

Макс сделал глоток принесенного кофе и с грохотом поставил чашку на стеклянный столик, выдавая свою нервозность. Он безумно переживал за Риту, хотел быть сейчас рядом, поддерживая, заботясь, но и понимал, что нужно прояснить некоторые непонятные моменты.

— Максим, успокойся, Рита устала, ей нужно отдохнуть, — начал успокаивать отец, но мужчина перебил его.

— Господи, а вдруг она беременна, вдруг... Да ей нервничать нельзя, — все так же встревоженно говорил он.

— Сын, успокойся, — прикрикнул Вишневецкий старший и посмотрел на друга

серьезным взглядом. Тот едва заметно кивнул, соглашаясь с чем-то, и мужчина вернул взгляд к сыну.

— Что? — не понимал Макс. — Говорите уже.

— Максим, Рита не может иметь детей, — неуверенно произнес Иван, что в принципе было ему несвойственно.

Сын замер диким взглядом на отце, повернулся к Вениаминычу, желая понять, правда ли то, что он услышал, а когда тот кивнул, он не громко, но разъяренно прошипел:

— Это кто так решил?

— Это заключение врачей после... после выкидыша, — ответил Константин и сжал переносицу.

— Господи... Через что ей пришлось пройти?! — Макс не верил, что его девочка смогла все это пережить практически в одиночку.

— Первые полгода были просто адом, Рита винила себя во всем, начиная с рождения и заканчивая тем, что теперь не может родить, — продолжил Вениаминыч.

— Ладно, знаю, что она винит себя в рождении, неоднократно говорила, но причем тут бесплодность?

— Маргарита была слишком привязана к Сергею, он, в принципе, первый человек, который ее полюбил. В детдоме сильно будут тебя любить, когда их бегают там сотни таких, к сожалению, никому не нужных? А Маргаритка буквально заглядывала в рот мужу, да и они счастливы были, только вот изменилось все в один момент, — начал рассказ Иван Сергеевич, понимая, как тяжело говорить об этом другу, ведь и самому было непросто. — До конца непонятно, что произошло, но с ее слов, Ржевский испугался, что она захочет себе долю в его бизнесе.

— Какой маразм!

— Для него нет ничего, важнее денег, и никогда не было.

— А как же любовь к Рите? — Макс непонимающе уставился на отца.

— Здесь тоже стоит задуматься. Они поженились очень быстро, Сергей спонтанно сделал предложение, скорее, это был порыв неосознанный, но никак не любовь.

— Гнида. Зачем было так жестоко ее выгонять, неужели у него нет ни капли жалости к человеку?

— У таких людей нет души, сын. В тот день, когда я нашел Риту, она пришла домой, чтобы забрать вещи, да и деньги у нее на карте были. Только вот вещи ее уже сожгли, а потом, как оказалось, и все драгоценности, который Сергей ей дарил, он продал.

— А что с деньгами? Ты говоришь, на карте были деньги.

— Были, Рита утверждает, что ей месяца на три хватило бы, но когда она пришла к банкомату, ее и там ждало огорчение — карта была заблокирована. Он даже до этого опустил — забрал ее деньги.

— Она осталась ни с чем...

— Совершенно, даже карманных денег не было на то, чтобы оплатить комнату на одну ночь. Она просто не знала, что делать, и хотела сброситься с моста.

Максим с силой сжал голову, стараясь придать себе спокойствия, да только возможно ли это, когда узнаешь, что твоя любимая женщина была на грани смерти?

— Только Бога мы должны благодарить за то, что ее ноги повернули к скверу.

— Отец, почему ты тогда ей помог, как, скажи?

— Максим, я не знаю. Просто увидел девушку на скамье — она полулежала на ней. Я

знал, что люди могут подумать, будто она пьяная, и никто не подойдет. А я не мог ее оставить там, ноги словно сами несли меня туда. И я даже и секунды не думал «а может, не надо». Надо! Даже будь она пьяной, нельзя человека оставить в беде. На улице мороз, снег, а она лежит там...

На несколько минут в комнате воцарилось молчание, каждый думал о своем, и каждый по-своему переживал эту боль за ставшую такой важной для них девушку.

— Папа-папа, даже не представляешь, что ты сделал, — негромко начал Максим. — Если бы не ты, Господи, если бы не ты, то... Спасибо тебе, отец, — он встал и прошел к Ивану, тот поднялся навстречу, и они крепко обнялись, понимая друг друга без слов.

— Вот так, дорогая моя, ложись. Водички принести? — поинтересовалась Дарья, укладывая девушку в кровать.

— Нет, спасибо. Побудете со мной? — прозвучало как-то неуверенно, но Марго не хотелось оставаться одной.

— Конечно. Конечно, побуду, ну, ты чего? Немного легче?

— Да, уже легче, видимо...

— Цветочек, а может, мы маленькую вишенку ждем, м? — загадочно предположила мама Макса.

— Ч-что? — не поняла девушка и вскинула взгляд на женщину.

— Ну, вы же с Максимом полноценно живете, и возможно, что ты беременна.

— Как бы мне этого хотелось, — безжизненным голосом прошептала Рита и на миг прикрыла глаза.

— Значит, все будет, раз ты хочешь, да и Максим, думаю, тоже уже мечтает о детках.

— Нет...

— Что?

— Я... Нет, я не могу. После выкидыша... мне сказали, что я не смогу больше забеременеть.

— Ох, детка, иди сюда, — Ласточка обняла Риту и начала поглаживать ее рукой по спине. — Этот мир так непредсказуем, и мы не знаем, что может случиться с нами завтра. А чудеса — это дело такое — не ждешь, они и происходят.

— Не знаю, я уже ни во что не верю. Бог забрал у меня неродившегося ребенка, на что мне надеяться? — отчаянно шептала Маргарита, убаюканная объятиями, казалось бы, чужой женщины.

— Бог дал — Бог взял, Рита, значит, так должно было случиться.

— Только нужна ли я Максиму такая?

— Ну, какая — такая, Цветочек, объясни мне, какая — такая? Да, на крайний случай, можно сделать ЭКО, ну что ты крест на себе ставишь? И вообще, я уверена, это не понадобится, ты, главное, после ... ножки вверх поднимай, — девушка с недоверием глянула на женщину, а та, в свою очередь, кивнула. — Угу, повыше, а еще лучше — в «березку» становись.

— Глупости, если суждено...

— Не глупости, Рита, не глупости. Любовь творит невообразимые вещи. Верь мне.

— Вы говорите, как Иван Сергеевич.

— Мы одно целое, понимаешь? Да и вообще, я в молодости та еще девица была, ошибок натворила... Я ведь на байке любила гонять, — вдруг более весело заговорила Ласточка, надевая на лицо улыбку.

— Вы? — Дарья кивнула. — Ни за что бы не поверила.

— Да, оттуда и прозвище, Ласточка, летала быстро я, но однажды долеталась, память отшибло напрочь.

— Ничего себе!

— Так ты думаешь, что врачи мне помогли? Нет, иногда и они бессильны. А вот Иван Сергеевич меня такой заботой окружил, такой любовью! И вот тогда постепенно начала возвращаться память.

— Вам повезло с Иваном Сергеевичем.

— Поверь, тебе с Максом — не меньше.

— Да, но...

— Никаких «но», однажды у вас будет плод вашей любви, — женщина переместила руки и коснулась плоского живота девушки. — Вот здесь.

— Тигренок? — совершенно неуверенно произнесла Рита, поднимая глаза на женщину, которая так хорошо влияла на ее душевное состояние.

— Почему Тигренок?

— Однажды я мысленно сравнила Макса с Тигром.

— Значит, Тигренок, маленький и любимый.

— Даша, — позвала она.

— Да?

— Спасибо вам.

— За что, дорогая?

— За то, что вы рядом.

— Главное, чтобы вы с Максом были счастливы, а остальное не важно, — белокурая женщина по-матерински обняла Риту, мечтая подарить ей всю свою любовь и ласку.

— Да, Макс настоящий, вы воспитали достойного сына.

— Что есть, то есть. А вот что ты будешь делать со своей новостью? Тебе, конечно, еще предстоит поговорить с отцом, но не верю я...

— И я не верю, что-то в этом не так.

— Что ты предлагаешь? — Вениаминыч допил свой чай и отставил в сторону чашку, поднимая взгляд на Максима.

— А что тут предлагать, я ударю его по самому больному — по бизнесу.

— Хорошая идея, и что ты собираешься сделать? — Иван Сергеевич закинул ногу на ногу и удобно уперся в спинку дивана.

— Ну, меня он видел, и все данные явно пробил, так что попрошу Женьку мне помочь, составим хороший план.

— Фальшивые документы о выгодном предложении?

— Именно! Я заставлю его страдать, ведь дороже у него ничего нет.

— Там была еще его мать — Алиса, — добавил отец.

— Ну, я не такая сволочь, чтобы к женщине силу применять, но думаю, что живет она за счет сыночка.

— А Наталья? — неожиданно спросил Константин. — Я хочу, чтобы она понесла самое тяжкое наказание.

— Хотите — будет, но я подумаю над этим позже.

Со стороны лестницы послышались шаги, и через минуту около сына оказалась мать, которая тут же приобняла его за плечи:

— Рита уснула, я думаю, нам всем пора по домам.

— Даша...

— Кость, мы не особо затронули эту тему, но Рита настроена положительно, — она поняла, о чем хочет спросить мужчина, и кивнула ему с теплой улыбкой. — Я думаю, вам наедине нужно поговорить обо всем.

— Спасибо, Даша. Макс, ты не против, если я завтра приеду? Хотел бы поговорить с дочкой.

— Конечно, я позвоню вам, — согласно кивнул тот и поднялся, собираясь проводить родню до двери.

— Сын, я сам обо всем договорюсь с Женькой, ты, главное, будь рядом с Маргаритой, — произнес уже в прихожей отец и крепко пожал руку Макса.

— Отец прав, мне кажется, что ей ты сейчас оочень нужен, — подозрительно странно протянула Ласточка и, подмигнув, поцеловала сына.

— Мама, ты о чем? — непонимающе прищурился Максим, желая узнать правду.

— Да, это я так, о женском, о футболе. Пока. — Мужчина не понял, что именно имеет в виду мама и, махнув на ее странно хорошее настроение, закрыл дверь на замок и поспешил подняться к своей девочке.

Максим проснулся раньше Риты и, повернувшись к ней, согнул руку в локте, подпер голову и принялся любоваться красивой, безмятежно спящей девушкой. Она лежала на левом боку в тонком черном трикотажном пеньюаре, который четко очерчивал все изгибы девушки, и придавал некую сексуальность и изящество. Мужчина с удовольствием смотрел на красивые скулы, спокойное расслабленное лицо и изредка порхающие ресницы. Ему так хотелось провести пальцами по гладкой коже любимой, прочувствовать всю ее нежность, вдохнуть запах снова и снова, и окунуться в пучину страсти. Только с ней, единственной, он смог прочувствовать истинную любовь, которая крылась в нем до последнего, не желая растрачиваться на ненужных женщин. Сейчас существовала только одна, которая лежит рядом и тихонько сопит во сне. Потом делает глубокий вдох и немного, совсем чуть-чуть поворачивается к Максиму, предоставляя ему обзор на тонкую шейку и призывно торчащие соски, видневшиеся из-под темной ткани. Не сдержавшись, он наклонился и осторожно коснулся губами плеча, оставляя легкий поцелуй, а потом переместился к шее, вдохнул запах, присущий только его девочке, и снова коснулся губами. Горячая, расслабленная и красивая, сейчас она выглядела по-особенному, казалась наивной и маленькой, совсем девочкой, и даже улыбка проскочила на ее губах.

Губы мужчины переместились на скулы, потом он слегка прикусил зубами и, отстранившись, уткнулся носом в белокурые волосы, так приятно пахнущие цветами.

— Уммм, — довольно простонала Рита, а потом попой потерлась о его пах.

— Цветочек проснулся? — приподняв голову, спросил Макс и улыбнулся, увидев счастливое личико малышки.

— Тигр-р-р-р разбудил, — протянула она и, повернувшись к нему, лицом уткнулась в крепкую шею.

— Прости, я должен был, как истинный мужчина, аккуратно выбраться из постели и отправиться готовить завтрак.

— Ничего ты не должен, я и так ни разу тебе не готовила, все время ты. А я тоже хочу тебя радовать.

— Это чем, например?

— Ну, вот сейчас пойду и приготовлю завтрак, — Рита откинула одеяло, прикрывавшее ноги, и уже собиралась встать из постели.

— Подожди, побудь еще со мной, — Макс остановил ее и прижал к себе крепче. — Не убегай, не получится у тебя скрыться от меня.

— С чего ты взял, что я хочу скрыться? — спросила, немного оборачиваясь.

— Просто знаю, — ответил, и ладонями сжал аккуратную грудь, поцеловал в висок и переместил руки на живот. — Однажды наступит самый замечательный день в нашей жизни, и вот здесь обязательно будет маленькая кроха, которая...

— Максим, — девушка резко развернулась в его руках и с отчаянием посмотрела в глаза, намереваясь что-то произнести.

— Тшшш... — он положил палец на мягкие губы, а потом рукой уложил Риту на грудь. — Не надо ничего, милая, я и так все знаю. Обещаю тебе, что сделаю все, чтобы ты была счастлива.

Девушка приподняла голову, ее глаза были наполнены слезами, готовыми вот-вот

вырваться на волю, сорваться с ресниц и скатиться по щекам. Ей было тяжело, не знала, как собраться с силами, как перестать винить себя в том, что не может родить ребенка, как позволить себе быть счастливой. А Макс все это чувствовал, и желал вселить в любимую веру только в хорошее, и собирался это сделать, несмотря ни на что.

— Ты должна верить так же, как верю я, и тогда наша мечта сбудется.

— Максим, ты уверен, что тебе нужна женщина, у которой прошлое такое мерзкое и ничтожное?

— Рита, мне неважно, что ты не из богатой семьи, что не рождена в любви и счастье, я горжусь тобой, горжусь тем, какая ты сильная. Ты не сломалась, понимаешь?

— Я не сломалась только благодаря твоему отцу.

— Значит, Богу было так нужно, чтобы мой отец тебе помог. Ты особенная, понимаешь, и заслуживаешь быть счастливой.

Рита рукой провела по его накачанной груди, подняла взгляд и едва заметно улыбнулась, тем самым посылая ему благодарность за такие важные для нее слова. Быстро чмокнула в ключицу и все же поднялась с кровати, поправляя черный пеньюар.

— Только не бросай меня, пожалуйста, — неожиданно прошептала она, скорее говоря в пустоту, нежели Макс.

А вот мужчина прекрасно все услышал, приподнялся, размещаясь за ее спиной, руками убрал в сторону слегка растрепанные волосы, нежно коснулся оголенного плечика, и так же тихо прошептал на ухо:

— Тебе от меня не отделаться, — и обняв за плечи, со смехом повалил любимую обратно на кровать.

После сытного завтрака Рита принялась мыть посуду, а Макс расположился за барным столиком, изучая документы по новым заказам. В офисе их обоих замечал Глеб, но мужчина не хотел забрасывать свои дела и дома, поэтому решил немного времени уделить бумагам.

Когда Маргарита освободилась, решила приготовить чай, дабы занять чем-то трясущиеся руки, но тут неожиданно со звоном чашка упала на пол, разлетаясь на десятки осколков. Мужчина тут же подскочил и, подхватив Цветочек, переставил ее за пределы осколков и лужи, которая образовалась из чая, уже налитого в эту чашку.

— Прости...

— За что? — непонимающе уточнил Макс и прошел за веником.

— Я переживаю. Не знаю, что скажет Константин Вениаминович, и так боюсь услышать что-то плохое, — в ее взгляде читался страх, и, опустив голову, она начала заламывать пальцы.

— Цветочек, а давай я ему позвоню, приглашу на чай, и вы дома спокойно поговорите. И если хочешь, я буду рядом? — предложил он, отложив уборку и подойдя к растерянной девушке.

Рита согласно кивнула, и угодила в его объятия, благодаря за понимание и поддержку, которую он заботливо ей предоставлял.

Константин Вениаминович пообещал приехать как раз к обеду, и когда Рита уже накрывала на стол, прозвучал звонок, от которого она вздрогнула и тяжело сглотнула. Для себя решила, что постарается вести себя так, как и прежде, до неожиданной новости, ну а остальное зависит от того, как пойдет разговор.

— Я открою, Цветочек, — предложил Максим, и уже собирался идти в прихожую, но девушка его остановила.

— Нет, я сама, иначе так и буду сидеть и бояться.

Мужчина согласно кивнул, одоблив ее решение, и когда девушка проходила мимо него, остановил на секунду, придерживая за локоть:

— Все будет хорошо, моя девочка, — и, не дожидаясь ответа, легонько поцеловал в уголок губ и сам подтолкнул к выходу.

Рита, не собираясь медлить, быстро прошла к двери и, щелкнув замком, отворила ее, тут же натываясь взглядом на такую добрую и уже родную улыбку. Отошла в сторону, пропуская гостя в дом, и, прикрыв дверь, обернулась к нему — смущенная, милая и немного скованная. Вениаминыч протянул роскошный букет роз, который все это время держал в руках и, приблизившись, отдал его дочери. Знал, что ей нравятся эти цветы, и дарил их постоянно, то присылая с курьером, то сам лично привозил. И сегодня не сдержался, да и посчитал, что повод подходящий.

Маргарита приняла букет, носом припала к одному бордовому бутону, вдыхая его аромат и, подняв глаза, тихо прошептала:

— Привет, — а в глазах — слезы, которые она так тщательно пыталась скрыть, но не смогла, в этом и проявилась ее маленькая слабость.

— Привет, дочка, — негромко, с любовью в голосе ответил мужчина, а Рита не смогла проглотить подступивший ком в горле. Не выдержав, всхлипнула, и была тут же притянута в отцовские объятия.

Как долго она мечтала, чтобы ее называли дочкой, чтобы обнимали, когда становилось совсем плохо, поддерживали, не давая утонуть в проблемах, и просто любили, именно вот так, как должны любить родители. Всю свою жизнь она ждала, а потом вроде и перестала надеяться, но снова ждала, верила, что однажды ее мечта сбудется, и она сможет хоть на минутку окунуться в детство, которого у нее никогда не было.

Цветы, еще секунду назад мешавшие ближе прильнуть к отцу, в один момент исчезли, скорее всего, Макс забрал их и отнес в кухню, и Рита смогла наконец-то ощутить, как крепко мужские руки сжали ее спину. От этого жеста рыдания стали громче, девушка носиком уткнулась в сильное плечо, а Вениаминыч, переместив одну руку, стал медленно поглаживать дочь по голове. Ему было не менее больно от произошедшего, а еще он винил себя в том, что был так глуп, поверив словам Натальи. Ведь если бы он потребовал тогда показать ему ребенка, то все сложилось бы иначе, и сейчас его девочка не стояла бы и не плакала, сжимаясь от боли, а давно была бы счастлива. Уж об этом бы он позаботился. Но сколько этих «если бы», которые, к сожалению, нельзя убрать в сторону по одному простому желанию.

— Хватит сырость разводить, бегом в кухню, обедать будем, — решил все-таки немного разрядить обстановку Максим, не имея сил смотреть, как его любимая плачет. — Вениаминыч, давай, Цветочек такие галушки сварила, закачаешься.

На последней фразе отец с дочерью вместе засмеялись, а Рита, шмыгнув носом, вытерла слезы платочком, который мужчина достал для нее из пиджака и, кивнув, они вместе отправились в кухню поглощать приготовленную стряпню.

Вишневыский уже успел разлить по тарелкам парующий ароматный суп, достал поджаренные тосты и, положив рядом с маслом и свежим хлебом, пожелал всем приятного аппетита.

Обед проходил в непринужденной обстановке, все наконец-то были расслаблены и, можно даже сказать — довольны. Болтали то о погоде, то о работе, но за столом никто не

касаясь темы прошлого, просто старались насладиться едой. Макс изредка поглядывал на Риту, переживая за ее настроение и самочувствие. После вчерашнего, конечно, не было повторных головокружений, но волновался он не меньше.

После плотного обеда девушка сварила кофе, и они удобно обосновались в гостиной — Вениаминыч в большом кресле, а Макс, приобняв Риту, на диване напротив. Девушка снова начала нервничать. Максим слышал, как дрожало ее тело, и принялся поглаживать по руке, ободряя и согревая.

— Даже не знаю, с чего лучше начать, — заговорил Константин, отпивая обжигающую жидкость и переводя взгляд на дочь.

— Лучше начать с самого начала. Почему мать отказалась от меня... и вы... — запнулась вдруг Рита, не зная, что еще произнести.

— Если бы я был в те годы гораздо умнее и смелее, ты бы всю жизнь была со мной, — отчаянно ответил Вениаминыч и с болью в глазах посмотрел на Риту.

— Что вы... ты имеешь в виду?

— Я так часто думал о той малышке, что умерла при родах...

— Ч-что? — не веря своим ушам, переспросила девушка.

— Наталья сказала, что ребенок родился мертвым. Я всю жизнь считал тебя мертвой, Господи, если бы я только знал.

Рита смотрела в одну точку, ее тело было словно каменное изваяние, руки холодные, глаза наполнены слезами. Боль снова сковала ее душу от непонимания — за что ее так ненавидит собственная мать, что даже лишила маленькую девочку отца.

— Законченная тварь! — не выдержал Макс и ругнулся, а потом крепче прижал к себе любимую. — Почему вы расстались? — решил поинтересоваться он, чтобы немного отвлечь Риту.

— Я не был интересен ее родителям, тогда у меня еще ничего не было. В общем, неподходящая партия. Но я попросил ее оставить ребенка, родить для меня и... хотел забрать малыша, чтобы дать ему все, что могу. Уже тогда я любил ту кроху. Господи, я должен был посмотреть, убедиться, что... уффф, убедиться, а я... ушел, расстроенный.

— При каждой встрече, — вдруг начала Рита, — она мне твердила, как я испортила ей жизнь, как она ненавидит меня за то, что я родилась, и лучше бы она сделала аборт, чем дарить мне жизнь, — сказала девушка ледяным голосом, смотря перед собой, а по щекам уже катились слезы. — Теперь мне не хочется ее объятий, теперь остался только интерес — откуда в этой женщине столько ненависти?

— К сожалению, такие люди есть, и их много, — сказал Максим и сделал глоток кофе.

— Зачем же Бог позволяет им рожать?

Мужчина резко развернулся к Рите и, серьезно глянув в голубые глаза, произнес стальным голосом:

— Никогда так не говори, ты рождена для нас, поняла? Рита, скажи, что ты поняла!

— Я... я... если бы... — заикаясь, хотела что-то сказать, а в ее глазах Макс видел пелену, застилающую ее взор.

— Никаких «если бы»! — он встряхнул девушку, пытаясь вразумить. — Тебя ноги привели к нам, понимаешь? Значит, кто-то свыше знал, что мой отец тебя не оставит! Теперь мы — твоя семья! — и так же порывисто обнял ее, крепко прижимая любимую к себе.

— Максим, позволишь нам поговорить наедине? — поинтересовался Вениаминыч, желая побыть вдвоем с дочерью.

Мужчина посмотрел на девушку, Рита согласно кивнула, и, поцеловав ее, он удалился в свой кабинет, давая им возможность пообщаться наедине.

Константин пересел к дочери и нежно притянул ее ладошку к себе, руками пряча в кокон, нежно поглаживая и сжимая. Маргарита внимательно следила за отцом, стараясь запомнить каждое его движение и опасаясь что-то упустить, ведь все казалось призрачным, ненастоящим. Словно она моргнет, и все исчезнет, а ей так этого не хотелось, ведь, кажется, она только сейчас стала обретать счастье.

— Прости меня, дочка, — тихо произнес мужчина и заглянул в грустные глаза белокурой девушки. — Прости меня за то, что лишил тебя детства, что не был рядом, когда так нужно было быть, когда ты росла и нуждалась во мне. Прости меня.

Спокойно заправил прядки волос за уши, и не переставал смотреть в глаза, а Рита, в свою очередь, видела в таких же глазах отчаяние и боль, и попыталась слегка улыбнуться. А ведь действительно, у них совершенно одинаковый разрез глаз, и их цвет, да даже ресницы, а раньше ведь она не замечала этого, да и смысл? Не заглядывать же каждому мужчине в глаза, выискивая в нем отца.

— Я совершенно тебя не виню, и уверена, знай правду — ты бы меня не бросил, — конечно, она это знала, ведь этот мужчина в свое время тоже так много для нее сделал — для человека, который был для него совершенно чужим.

— Никогда.

Маргарита сама потянулась к отцу, прижимаясь к его груди, и, прикрыв глаза, тихонько выдохнула, так, словно секунду назад ее сжимали тиски.

— Мне будет нелегко, — прошептала, сидя все в том же положении. — Но я постараюсь, потому что в любом случае я счастлива, что моим отцом оказался именно ты.

— Значит, так было угодно судьбе — отправить тебя к нам.

— Да, за что я очень благодарна.

Еще немного они сидели в обнимку, просто молча, а потом болтали на разные темы, и Рита с удовольствием осознала, что ее подруга — теперь еще и племянница. Позже, собрав чашки со столика, они отправились вместе готовить ужин. Один раз Рита забежала к любимому с чашкой кофе и, быстро чмокнув, тут же исчезала, снова возвращаясь в кухню. Ей было настолько здорово готовить еду с папой, и она так увлеклась, что не заметила Макса, который уже стоял в дверях кухни, подпирая плечом косяк.

— Попрошу заметить, Константин Вениаминович, для меня Ваша дочь так не старается, — наигранно грозно произнес он и тут же двинулся в сторону своей девочки.

— Ритуль, правильно делаешь, пусть этот охламон тебя радует, нечего перед ним скакать, — ответил отец, а девушка звонко рассмеялась, уже находясь в руках Макса.

— Вот так вот, в моем же доме меня и не любят, — обиженно посетовал он и протянул руку к нарезке на столе.

— Неправда! Я люблю тебя, — последние слова произнесла очень тихо и, быстро чмокнув Максима, прошла к духовке, где запекалась фаршированная утка.

— Это меня очень радует. Послушай, Вениаминыч!

— Да-да! — серьезно отозвался мужчина.

— Хочешь, буду тебе зятем? — его голос был бодр и очень весел, потому что Цветочек уже не плакала.

Рита, которая еще не успела открыть духовку, мгновенно обернулась и застыла, глядя на Макса ошарашенным взглядом.

— И то верно — будешь, нечего жить в грехе.

— Отлично, завтра, значит, в ЗАГС с Цветочком махнем.

— Эй, а ничего, что я здесь? Никто не хочет спросить мое мнение? — пощелкав пальцами, отозвалась обсуждаемая.

— Любимая, Вениаминыч велел радовать, вот я и радую!

Девушка, склонив голову, прищурилась, отложила прихватки и, подойдя к мужчинам, которые уже держали в руках стаканы с виски, четко отчеканила:

— Замуж не хочу!

— Ритуль, тебя спрашивать не будем, раз ты здесь, значит, уже не против, — ответил отец и выпил за здоровье будущих молодоженов.

— Ой, жареным запахло, — нараспев произнесла она и, резко спохватившись, прикрикнула: — Уточка моя пригорает!

В понедельник Максим и Марго вышли на работу, посчитав, что четыре дня и так слишком большой срок для отдыха. Макс тут же организовал едва ли не семейное собрание, закрывшись у себя в кабинете в мужской компании. Вишневский старший, Женька и Константин Вениаминович собрались для того, чтобы обсудить план мести Ржевскому, которому оставалось шиковать от силы до завтрашнего вечера. А потом он поймет, как его легко и абсолютно без усилий обставили, лишив самого ценного в жизни — бизнеса.

— Как у нас обстоят дела? — голос Максима звучит негромко, ибо за стеной в своем кабинете работает Рита, которой нежелательно знать об их планах.

— Мужик оказался хуже, чем мы думали, он, практически не глядя, подписал контракт. Вообще удивляюсь, как такого лоха давно не облапошили, оставив с носом. Про адвоката я вообще молчу, открыл первую страницу, мельком глянул и, сказав Ржевскому — подписывай, свалил при первой же возможности, — отчитался брат о проделанной работе, и с удовольствием отпил терпкий кофе, приготовленный красавицей Катюшей.

— Да уж, идиот, он и в Африке идиот, все самое ценное в своей жизни профукал, — как-то двусмысленно проговорил Иван Сергеевич с легкой ухмылкой.

— Он профукал самое главное, чему я сейчас бесконечно рад, — уточнил Максим и закурил, переживая, чтобы задуманное прошло по плану.

— А что у нас с имуществом? — поинтересовался Константин Вениаминович, не меньше желающий наказать Ржевского за причиненную боль его дочери.

— У него в центре есть двухкомнатная квартира, недавно купил с*чоньш, как чувствовал своим собачьим носом. Что касается дома, дачи и двух машин — это все имущество фирмы, и, соответственно, мы изымаем это. Он гол, как сокол. Будет побираться, нищая шавка, — зло выплюнул Евгений.

— Не думал, что мой сын такой жестокий, но на данный момент мне это нравится, — благодарно кивнул отец и озвучил следующий интересовавший пункт: — Что с Алисой?

— Дамочка сейчас в Египте, и пробудет там еще неделю, но это уже не имеет значения, завтра она узнает о запрете въезда на территорию Украины.

— Отлично, еще бы в пустыню к пирамидам отправить ее, чтоб там и жила, — с отвращением выплюнул Вениаминыч.

— Ну, этого не понадобится, она долго не протянет, если на работу не устроится, потому что все карты я заблокировал, — ответил Макс, выпуская дым.

— Хорошо, теперь остается у нас еще одна личность, — начинает говорить Иван Сергеевич, но Максим его тут же перебивает.

— Долматову я трогать не буду, Бог сам ее накажет, ему виднее, что с ней сделать.

— Почему, Макс? — не понимает отец.

— Чтобы ни произошло, она всегда будет матерью Риты, и я не посмею ее тронуть.

— Тебе решать, конечно, но может, все же...

— Максим, я принесла документы... Иванович, — в конце добавила Рита, войдя в кабинет и совершенно не ожидая там застать кого-то, кроме шефа. — Извините, я позже зайду.

Мужчина поднялся из кресла и, выгнав Женьку с насиженного места, усадил туда любимую и, нажав кнопку на селекторе, попросил Катерину принести чашку чая.

— Девушкам нужно уступать, иди, вон, на диване посиди, — пояснил Макс и, наклонившись, поцеловал Риту в щеку.

— Да чего сидеть-то, я лучше постою, посмотрю, с высоты виднее красота такая...

— Я бы на вашем месте, молодой человек, после таких слов убежала подальше, — вежливо произнесла Марго, бросая мимолетный взгляд на Евгения.

— Это еще почему?

— А потому, что это и есть мой Цветочек. Марго, познакомься — это мой младший брат Евгений.

— Очень приятно.

— А мне вдвойне, — ответил парень и тут же сдулся, когда дверь в кабинет открылась, и на пороге показалась Катерина с чашкой чая в руках, — Катя-Катерина, маков цвет, — пропел он знаменитую песню.

— Жаль, что молотка с собою нет, — в тон ему ответила девушка и поставила чашку около подруги.

— Вениаминыч, вот что она у вас такая колючая?

— А ты бы гулять прекращал, гляди, и Катюша подобрает, — ответил за друга Иван Сергеевич и одним глотком допил свой кофе.

— Так, а я чего, батя, я весь ее, — тут же подобрался он и, взяв Катю за руку, усадил ее на диванчик.

— Знаем мы, чей ты, лучше, вон, пример с брата возьми, порядочный семьянин.

— Ага, только без штампа.

— А вот это братец, ненадолго, — довольно пропел Макс и с любовью посмотрел на Риту.

Но вот сама девушка не особо разделяла его позитив и, поднявшись, прихватила с собой чашку и бросила взгляд на подругу:

— Катюш, а погнажи, у меня посекуетничаем, скучно с этими мужиками.

— С удовольствием, — ответила девушка и, отбившись от навязчивой руки Евгения, скрылась с подругой за дверью кабинета.

— Вениаминыч, отдайте за меня Катюху! — попросил сын Ивана, очень серьезно смотря на мужчину.

— Я тебе могу только за нее по ушам дать.

— Пап, а чего это он? — наигранно обиженно надул щеки младшенький и даже склонил от «отчаяния» голову.

— А я добавлю, — был ответ отца.

— Ой, ладно, — махнул рукой на них и поинтересовался: — Макс, а куда ты деньги пустишь с бизнеса этого козла?

— Все деньги пойдут в детские дома, все до последней копейки, — строго отчеканил брат и, поднявшись с кресла, прошел к окну с видом на город.

— Почему именно такое решение?

— А какое? Дети в детдомах больше всего нуждаются в деньгах, поверь мне.

— Ты ради своей Риты готов горы свернуть...

— Нет, ради Риты я готов остановить эту планету!

Больше никто не нуждался в объяснениях, все и так прекрасно понимали чувства Максима, и ни в коем случае не решились бы оспорить его решение. Да и незачем, любой из них поступил бы точно так же, чтобы хоть немного помочь деткам сиротам.

После обеда Марго неожиданно услышала крик, и тут же поспешила выбежать в приемную, дабы понять, что произошло с их шефом. Максим стоял около Катинной стойки весь грозный, насупленный и серьезный, такой, каким она еще ни разу не видела. Он что-то доступно пытался объяснить своим подчиненным из отдела логистики, а те только кивали и очень задорно краснели. Но было видно, что все боятся злого Тигра, и девушке просто крайне необходимо его утихомирить, чтобы он не разнес весь офис в щепки.

Рукой она начала махать в сторону лифта, давая понять подчиненным, чтобы исчезали из поля зрения грозного шефа. А уже через минуту в приемной наступила невероятная тишина, и даже Катюша, казалось, забралась под стол, чтобы только не попасть под горячую руку Максима Ивановича.

Маргарита подошла к любимому и, положив левую руку ему на затылок, правой коснулась груди и пальчиком провела по лацкану пиджака:

— Мой Тигр-р-р разозлился и громко р-р-рычит, — шепотом протянула она, склоняясь к его уху.

— Цветочек, что ты делаешь? Возбуждаешь меня? — уже более спокойно поинтересовался он и немного сощурил глаза, пряча свою игривость.

— Именно! Я хочу страстного Тигра.

— Малышка, мы на работе.

— Я помню, — и девушка начала продвигаться с Максом к кабинету, ведя его спиной вперед.

Мельком она глянула на подругу и подмигнула ей, а та, в свою очередь, понятливо кивнула, и Рита смогла захлопнуть дверь, прежде чем Макс передумает.

— Любимая, ты сводишь меня с ума, — прорычал мужчина, когда оказался практически сидящим за своим столом.

— Я только чуть-чуть...

Проворные пальчики распахнули пиджак и стянули его с плеч, плотная ткань упала позади Максима, и девушка принялась вытаскивать рубашку из брюк, а потом и вовсе расстегивать кожаный ремень. Она слышала, как тяжело дышит ее мужчина, и сама была на грани, но собиралась воплотить задуманное и, быстро справившись с ремнем, уселась в кресло шефа, удобно разместившись между его ног.

— Цветочек, что ты делаешь? — хрипло спросил Макс, упираясь руками в стол.

— Собираюсь воплотить в жизнь задуманное, так что попрошу мне не мешать, — пальчики уже расстегнули молнию, и Рита потянула брюки вниз, насколько это было возможно, а потом отодвинула в сторону трусы и наконец-то коснулась твердой, возбужденной плоти.

— Я тебя накажу за это, — он вздрогнул, едва почувствовав ее язычок на самой головке.

Девушка не собиралась пасовать и, слизнув выступившую каплю, ласково поцеловала нежную плоть, а потом снова провела язычком вокруг и негромко застонала от удовольствия. Ей тоже было хорошо, и возбуждалась она от этих ласк не меньше, сама чувствовала, что уже на грани, но не спешила, хотела порадовать любимого. Ручкой сжав член, провела от основания до конца, ощущая, как он пульсирует, и, склонившись, вобрала в рот, насколько смогла. Почувствовала на языке его терпкий вкус, блаженно прикрыла глаза и, довольно вздохнув, начала медленные посасывающие движения, с каждым разом все больше и больше ускоряя темп.

А Максим так возбудился, что, не сдержавшись, положил руку на белокурые волосы, то

ли пытаюсь отстранить от себя проказницу, то ли наоборот, притянуть ближе. Ему было очень хорошо ощущать ее ротик на своем члене, хоть он и говорил, что никогда не позволит делать ему минет, но не смог остановить, не смог помешать юрким пальчикам, которые по-хозяйски полезли ему в штаны.

Но когда почувствовал, что вот-вот кончит, мгновенно отстранил от себя Риту, вскочив, усадил ее на насиженное место и, не желая отвлекаться, просто сдвинул кружево в сторону и полностью погрузился в горячее влажное тело. Марго протяжно застонала, и сама ногами обхватила крепкие бедра, желая чувствовать его еще глубже, а мужчина и не собирался расслабляться, а начал глубоко и мощно вбиваться, чувствуя, как его женщина дрожит от подступающего оргазма. Он двумя руками держался за ее бедра, а горячая ладонь крепко прижала его голову к хрупкому плечу. Для них перестал существовать окружающий мир, они забыли, где находятся, и полностью растворились друг в друге, разлетаясь на миллионы частиц, даря телам легкость, и освобождаясь от оков напряженности и скованности, которые, казалось, все это время не давали свободно дышать.

— Глеб Николаевич, к шефу нельзя, — поспешила перекрыть дорогу Катерина и, выставив руки вперед, постаралась задержать замдиректора.

— Почему нет? Насколько мне известно, у Максима нет сегодня переговоров, — произнес Варшавский и снова хотел обойти секретаршу.

— Максим Иванович не один там, — сквозь зубы прошипела она, начиная раздражаться от глупости мужчины.

— Чего??? А ну, отойди, — и, не дожидаясь ответа, быстро подвинул Катерину и едва ли не с разбега залетел в кабинет. — Макс, ты чего, ох*ел? Ой...

— Нет, это ты ох*ел, мой друг, — уже зло порычал Вишневецкий, подбирая со стола свой пиджак и прикрывая голую спину Риты, — Вали на х*р отсюда, или я тебя уволю к чертовой матери.

Он прижал девушку грудью к своей груди, желая скрыть ее всю, до последнего миллиметра от этого кобеля, а потом, немного позже, разобраться с ним, и с его дерзостью врываться в кабинет шефа без стука. Хорошо, что они с Цветочком уже собирались одеваться, иначе бы Макс вообще всех прибил за такое вторжение.

— Да я подумал, что ты с какой-то левой бабой, прошу прощение за вторжение, — и, быстро закрыв дверь, испарился из приемной, словно и не он тут минуту назад хотел поругать грозного шефа.

— Прости, моя девочка, он у меня еще получит за эту выходку, — расстроено проговорил Макс и принялся натягивать на девушку ее блузку.

— Не наказывай его, он нам не помешал, — и, отмахнувшись от шелка, она пальчиками прошлась по его груди и носиком уткнулась в могучую шею, вдыхая уже такой родной и любимый запах.

— Пора одеваться, иначе замерзнешь, — сказал Макс, и уже сам застегивал ей маленькие пуговички, которые чудом не оторвал во время оргазма.

— Не хочу, так хорошо, тепло с твоим телом, — щечкой потерлась там, где стучит его сердце, и расслабленно прикрыла глаза.

А его крепкие руки переместились к голове, поглаживая и массируя так, что Рита едва не замурчала от удовольствия.

— Что может быть круче секса с шефом на рабочем столе? — прошептала Рита в район груди и руками обняла за поясницу, наслаждаясь крепким телом.

— Ты — моя шаловливая девочка, я тебе покажу, что, накажу тебя дома за проделки, — ответил он, и они вместе рассмеялись — задорно и весело.

— Максим Иванович, сильно не наказывайте, я все отработаю, — сама отстранилась и, схватившись за полы рубашки, чмокнула его быстро в губы и продолжила застегивать блузу, которую Макс так и не смог застегнуть.

— Отработаешь, отработаешь, — пропел он и сам принялся одеваться.

— Мне на четыре часа на педикюр,пустишь?

— Нет, — одно слово, и никаких объяснений.

— Так я, вроде как, отработаю, — лукаво добавила она, и снова ручками скользнула к шее, притягивая мужчину к себе.

— Вместе поедem, не хочу здесь сидеть без тебя, — тут же ответил Макс и руками обвил тонкую талию, и носом потерся о нос, а потом снова звонко чмокнул в губы. — Там есть какие-нибудь магазины?

— Да, это торговый центр.

— Тогда беги приводить себя в порядок. — Рита кивнула и, развернувшись, почувствовала шлепок по попе, снова обернулась и совсем по-детски показала язык, после чего мгновенно скрылась в кабинете, звонко хохоча от радости.

Оказавшись в торговом центре, Максим проводил Риту до салона, а сам отправился по своим делам, в поисках нужного бутика. Да, он несколько раз в неделю дарил Маргарите цветы, но они вяли, и выбрасывались, а ему так хотелось, чтобы что-то значимое всегда было при ней, вот и придумал, что лучше подойдет.

Как только мужчина оказался в нужном месте, тут же выбрал то, что именно пришлось по душе, быстро и безоговорочно, о чем и сообщил девушке за стойкой. Она все указанное показала ему поближе, потом упаковала и ушла пробивать оплату через компьютер:

— С вас сто тридцать пять тысяч гривен, — вежливо проговорила продавец и, приняв карту, рассчитала красивого высокого мужчину, при этом не забыв ему мило улыбнуться.

— Благодарю, — он спрятал покупку в нагрудный карман, а карту убрал в портмоне. Попрощавшись, Макс покинул бутик, совершенно не обращая внимания на порхающие ресницы девушки.

Еще некоторое время прогуливался по этажам, рассматривал сияющие витрины, блуждающих людей, а соскучившись по Цветочку, тут же вернулся к ней в салон. Только вот подошел совсем тихо и, протянув руки, осторожно надел на изящную шейку золотую цепочку с кулоном резного тигра в кольце, на котором были рассыпаны бриллиантовые камешки.

Рита сразу охнула, потом пальчиками приподняла металл и, увидев изображение, крепко сжала в кулачок, переводя взгляд на Макса. А он, подойдя совсем близко, склонился к уху и очень тихо прошептал, так, чтобы слышала только она:

— Ты сама назвала меня Тигром, так что теперь ты под моей защитой. Не снимай его никогда, прошу.

Она кивнула, не в силах что-то произнести, и свободной рукой потянулась к своему мужчине, поцеловала нежно, но быстро, а Макс заметил в ее глазах слезы нежности. Сейчас, в данный момент, его девочка счастлива, что может быть лучше?

Все оставшееся время, что Рита просидела в кресле, она ни на минуту не выпускала из руки свой оберег, именно так мысленно прозвала подарок Максима. А мужчина, в свою очередь, не сводил глаз с профиля девушки, наслаждаясь ее легкой улыбкой на губах.

Сегодня вечером они обязательно поговорят о свадьбе, а сейчас пойдут, поужинают в ресторане, а потом просто погуляют по осеннему вечернему городу.

Уже выйдя на улицу и остановившись на ступенях, Маргарита плотно прильнула к любимому, который постоянно дарил ей заботу и тепло, а теперь еще и такой дорожный подарок сделал. Она голыми ладошками обхватила его лицо и, приблизившись, нежно посмотрела в глаза, сама не понимая, что пытается в них разглядеть. Но его взгляд отразился в душе, и она тут же припала к губам в сладком благодарном поцелуе.

— Вот так встреча, да еще и интимного характера... Сколько лет... Надо же, а у меня было время по тебе соскучиться.

Максим уже и не ожидал когда-то увидеть человека, перевернувшего его жизнь — наверное, даже в прямом смысле этого слова, ведь если бы не она, то сейчас он не был бы так счастлив.

— Не могу сказать, что встреча приятная, мы спешим, — мужчина приобнял Риту и начал отходить в сторону, желая поскорее удалиться от неприятной компании.

— Боишься, что твоя дама узнает о тебе правду? — зло выплюнула барышня, продолжая стоять на том же месте.

— Максим, давай уйдем, с этой девушкой, видимо, не все в порядке, — попросила Марго, на что он кивнул, но ответил:

— А чего мне бояться? Я чист — как перед Богом, так и перед законом. Нам пора прощай, — и они снова собрались уходить, как услышали следующие слова девушки, вид которой источал злобу.

— Ее ты так же бросишь, как и меня?

— Не ровняй мою женщину с собой! — и больше не обращая внимания на слова девушки, они сели в автомобиль и вырулили с парковки на дорогу.

— Ты не против, если мы в ресторане поужинаем? — предложил Вишневецкий, пребывая далеко не в радужном настроении.

— Максим, останови, пожалуйста, машину.

— Тебе плохо? Ты бледная! — бросил быстрый взгляд на Риту и начал уменьшать скорость.

— Да. Мне что-то нехорошо.

После того, как Макс припарковался у обочины, Рита тут же вышла на улицу, чтобы поскорее глотнуть свежего воздуха и распрощаться с удушающей тошнотой. Она не понимала, что с ней происходит. Головокружение, слабость — эти симптомы начали преследовать ее каждый день, но Максиму старалась не показывать свое состояние, ибо он мог придумать то, чего быть не может.

— Как ты? — мужчина оббежал машину и, оказавшись около девушки, крепко обнял ее, прижимая к своему телу.

— Сейчас пройдет, просто перенервничала, — Максим посмотрел в глаза Риты, в которых отображался блеск фар проезжающих мимо машин.

Не нравилось ему в последнее время ее самочувствие, и были предположения на счет этого, только не знал, как убедить Цветочка сделать тест.

— Не нужно переживать из-за всякого дерьма, хорошо? — Рита неуверенно кивнула и снова прильнула к его груди.

— Ты расскажешь мне?

— Конечно, только сначала вернемся в машину.

Когда они оказались в уютном и теплом салоне, Рита скинула полусапожки и с ногами забралась в кресло, повернувшись к водительскому сидению.

— Мне кусок в горло не ползет, пока я не успокоюсь.

— Ладно, Цветочек, только не нервничай, — он пальцами убрал прядку волос за ухо девушки и, погладив по уже розовой щеке, начал свой рассказ. — Это моя бывшая девушка, мы с ней около двух лет встречались, а потом наши дороги очень сильно разошлись. Я тогда

адвокатом был, вел дело по изнасилованию, обвиняли ни в чем не повинного парня, во всем искали свою выгоду, в общем, истец был тот еще зверь. А мне очень хотелось помочь обвиняемому, потому что всем известно, что насильников ожидает в тюрьме, а он ведь не такой. — Макс смотрел на дорогу, углубляясь в свои воспоминания, сжимая до боли руки на руле, и снова переживая ужасную ситуацию в своей голове. — Я собирал все до единой крупинки, главное — его оправдать, а Жанна была секретарем судьи и человеком, который всегда пытался доказать всем, что он лучше всех. Только, наверное, не тот путь выбрала, решив мне насолить. Парню я так и не смог тогда помочь, выдвинули еще какие-то обвинения, и ему дали срок восемь лет, а на следующий день узнал, что моя избранница легла под судью, и тем самым утерла мне нос, — он тяжело вздохнул и сильно ударил ладонями по рулю, а потом сжал его и продолжил. — С тех пор я покинул адвокатскую деятельность, попросил отца помочь мне с бизнесом, и когда смог заработать первую приличную сумму, подключил всех знакомых и помог парню выйти из того ада, в который, в принципе, сам его и отправил. Вот так как-то...

— Сколько он просидел? — негромко спросила Марго, боясь задеть чувства Макса еще больше.

— Полтора года. Полтора гребанных года, — зло выплюнул он, зажмуриваясь и сжимая переносицу.

Девушка, не выдержав такого напряжения, руками повернула его голову к себе лицом и, посмотрев в голубые глаза, четко проговорила, чтобы он мог слышать ее слова:

— Ты ни в чем не виноват! Вина только на ней, верь мне.

— Да, только у парня психика все равно пошатнулась...

— Бог накажет эту... Жанну.

Максим внимательно посмотрел на свою любимую и, благодарно кивнув за поддержку, нежно прижал к себе, целуя висок и вдыхая приятный аромат ее духов.

— Скажи, ты поэтому не приветствуешь женщин в офисе?

— Да, иначе бы моя компания давно разлетелась в пух и прах. Не хочу этих склок, слухов, постоянных скандалов, ревности, в чем я совершенно не сомневаюсь, сама помнишь Льва, который ручки к тебе протягивал. Катерина была нашим исключением — внучка Вениаминыча, на нее даже дунуть боялись, все старичка уважают, а потом появилась ты.

— Я, да, Вениаминыч меня прислал от твоего отца, говорит, дюже его шефу помощник молодой нужен.

— Да, только шеф не в курсе. А тут еще и шикарная блондинка со стервозным характером, ох, мне та неделя тяжело далась, все эти твои откровенные наряды напрочь лишали меня сна.

— Я это специально, для тебя.

— Я так и понял, решила проверить здоровье моего сердца, прежде чем приручить.

— Максим, я тебя не приручала, просто ты сам повелся на мое обаяние, — довольно промолвила Маргарита.

— Да, как устоять-то можно? Ты вон, какая у меня, самая лучшая, — она прильнула щекой к его груди и ощутила теплые поглаживания по руке.

— Жаль, что мы с тобой раньше не встретились, возможно, все было бы иначе...

— Ни о чем не жалею, малышка, если бы не было прошлого, скорее, не было бы и нас.

— Точно. Максим...

— Ммм?

— А ты когда-то думал о маме, о той, которая тебя родила? — неожиданно спросила девушка, пока не прошло время откровений.

— Она всегда в моем сердце, и пусть я ее совсем не знал, я тоже ее люблю, ведь она подарила мне жизнь, пожертвовав собой. И уверен, что где-то там, на небе, она знает о моих чувствах к ней, а еще — что она точно бы благословила нас с тобой.

— Я думаю, она была хорошей женщиной, ведь Иван Сергеевич не зря ее выбрал.

— Да, отец так и говорил, очень хорошей.

— Макс, — снова позвала Марго, так и продолжая полулежать на мужчине.

— Что?

— Почему ты тогда порвал мой наряд, в кабинете, ну, когда мы с тобой в первый раз занимались сексом?

— Это чтобы никто не посмел тебя увидеть в нем. С самого первого дня появления в моем офисе ты принадлежишь мне, вся моя, и я не хочу, чтобы какие-то похотливые мужики пялились на тебя.

— Ты мой собственник, — замурчала она.

— Да, и так будет всегда. Цветочек, а помнишь, когда тебе было плохо, и я готовил тебе кушать, ты не ответила на один вопрос — почему ты не покупала дорогие продукты, если могла себе это позволить?

— В моем детстве не было всего этого, и я пыталась в простом находить что-то особенное, сама создавала себе счастье.

— Теперь я буду тебя радовать, и ты будешь самой счастливой, — все это время девушка лежала с прикрытыми глазами, но едва ощутив на пальце прохладный металл, тут же распахнула их в удивлении.

— Максим, — на выдохе прошептала она и, резко развернувшись, припала к его губам в благодарном поцелуе.

Нежно целовала, ласково, без напора, просто чтобы ощущать его твердые, но нежные губы, влажный язык, любимый вкус — она просто упивалась его вкусом.

— Ты выйдешь за меня, любимая? — отстранившись, произнес он и увидел счастливую улыбку на ее губах и мокрые от слез щеки.

— Ты такой замечательный, — говорила Рита сквозь рыдания и качала головой из стороны в сторону, не веря в реальность происходящего.

— Не нужно мне это рассказывать, я делаю только то, чего желаю тебе...

— Максим, прошу, дай мне время.

— Ты мне не доверяешь?

— Как раз таки наоборот, очень доверяю, но... Я так боюсь.

— Тебе нечего бояться со мной, — прошептал мужчина в губы, продолжая смотреть ей в глаза.

— Максим, умоляю тебя, не торопи меня, очень прошу.

— Ладно, но только недолго думай, иначе я свихнусь.

— Глупенький, мне и думать не надо, просто не хочу торопиться, — теперь она перевела взгляд на кольцо и едва не ахнула от его красоты. — Это же большие деньги, кулон и кольцо...

— О деньгах и слышать не хочу. Закрыли разговор.

— Но...

— Никаких «но», тебе нравится?

— Ты шутишь, разве такое может не нравиться?

Кольцо было действительно очень красивым, в центре на подъеме возвышался рубиновый камень, а по бокам от него была россыпь бриллиантов. Никаких витиеватых узоров и прочего пафоса, только профессионально уложенные камни придавали драгоценность этому украшению.

— Тогда прими его как подарок, и ни о чем не думай, потому что, милая, это только начало, ведь у нас вся жизнь впереди.

— Я люблю тебя, Макс, — снова дрогнувшим голосом произнесла Рита и прильнула к теплым губам.

— А как я тебя люблю, — ответил он после короткого поцелуя, усадил любимую в кресло, пристегнув ее ремнем, и тронул машину в сторону своего дома. А поужинают они лучше в домашней обстановке, он сам позаботится о еде.

— Максим, что ты придумал? Зачем мне это делать? — возмущалась блондинка, едва успев выйти из душа.

Утро так прекрасно начиналось! Они занимались любовью, потом Рита ушла принимать душ, а Максим, как обычно, готовить завтрак. Все было хорошо до того момента, пока мужчина не протянул ей тест и, практически впихнув его ей в руки, сказал:

— Не выйдешь, пока не сделаешь.

— Я не буду ничего делать, Максим! Я не беременна! — строго сказала она и направилась в сторону двери, но тут же была перехвачена крепкими руками.

— Ты сделаешь, со мной или наедине. Тебе решать!

Рита зависла на нем взглядом, Макс видел, что она обижается, но не собирался отступать от своего, ведь очень переживал за самочувствие любимой. А Рите было больно, потому что она знала, какой будет результат, знала, и все равно боялась, слишком большой приговор, который она никак не в силах преодолеть.

— Максим, пожалуйста, — сдалась она и вся поникла — не просто душой, а телом, словно стала ватной и вот-вот могла упасть.

Мужчина уселся на край ванны, притянул любимую к себе за руку и, уткнувшись носом, негромко проговорил, практически неразборчиво:

— Почему ты не веришь, что у нас может быть ребенок, почему не веришь в чудеса? Вдруг сейчас, именно в этот момент там зарождается наш малыш! — он нежно провел рукой по животу, облаченному в шелковую рубашку, и еще ближе придвинул к себе девушку.

— Я всегда так хотела ребенка, хотела подарить ему всю свою любовь, которой не было у меня, но постоянные вердикты врачей...

— Любимая, прошу, не думай об этом. Мы должны верить!

— Хорошо, я сделаю тест, но не буду его смотреть.

— Как скажешь, — согласился Макс и, выйдя из ванной, оставил ее одну.

И Рита сделала тест, а потом покинула ванную, оставив тонкую палочку на стиральной машине, собираясь переодеться и позавтракать. Больше в этот день никто не заводил тему беременности, и все шло своим чередом. И девушке не нужно было спрашивать, каков был результат, ведь она и так все понимала. Да и Максим глупцом не был, чтобы говорить любимой лишний раз «нет», он решил подождать, ведь не может же быть, чтобы совсем никак.

Не может, это он понял через две недели, когда сам был измотан до неузнаваемости от переживания за Маргариту из-за ее постоянной слабости, которая в особенности

проявлялась по утрам. А еще в начале этого месяца у нее не было месячных, уж это он точно знал, и ему очень хотелось верить, что тесты просто их обманывают.

А когда он уговорил ее посетить гинеколога, их тут же отправили в кабинет УЗИ с какими-то справками и направлениями с привычно непонятным почерком врачей.

— Вишневские, проходите, — сказал врач, выглянув из-за двери.

— Вишневские?

— Да, так проще, это мамыны врачи, которые примут нас на высшем уровне.

Когда Рита вошла в кабинет, ей сказали прилечь на кушетку и оголить живот, что она незамедлительно и сделала. Мужчина в белом халате нанес прохладный гель на кожу живота и принялся водить по нему прибором, смотря на черный экран с непонятным изображением. Кивал сам себе, приглядывался, тщательно рассматривал, а потом, найдя нужную точку, переместил аппарат, повергнув девушку в шок от услышанного звука.

— Уже четыре недели бьется сердечко вашего малыша...

И Рита замерла, словно перестала дышать от услышанного звука, звука, который четко передавал биение сердечка их с Максом ребенка. Спокойное размеренное «тук-тук-тук», мгновенно мокрое лицо от слез, ее рука в крепкой руке и двенадцать отрицательных тестов, спрятанных дома в комод. И словно планета завертелась по новому, с еще одной зародившейся жизнью совершенно маленького крохи, находящегося внутри нее.

Из больницы пара вышла, находясь все еще в некой прострации, но их лица выглядели более, чем счастливо. Максим просто улыбался, как безумный, придерживая любимую за локоть и спускаясь по ступеням, а вот в Рите бушевал целый спектр эмоций, начиная от банального страха и заканчивая невообразимым счастьем. В первые секунды, когда она услышала биение сердца, и что главное, не свое, а новой жизни, просто впала в ступор, а слезы сами залили ее лицо, непроизвольно покотившись из глаз. Сколько она мечтала о ребенке, сколько плакала, зная, что никогда не сможет его родить, плакала и кусала губы, а теперь, сейчас, в данный момент внутри нее находится маленькая, совсем крохотная жизнь и ее полное и безграничное счастье. Больше двух недель Максим терзал ее этими тестами, и все, как один, показывали отрицательный результат. И как же здорово, что ее мужчина настоял на посещении гинеколога. Теперь Маргарита будет более осторожной, чтобы ни в коем случае не навредить малышу, который уже месяц проживает в ее животе.

Медленно спустившись по заснеженной дорожке, не спеша прошли к машине. Мужчина помог ей забраться в салон, после чего сам разместился на водительском сиденье. Заведя мотор, несколько минут сидели в ожидании, пока прогреется авто, и все это время Макс нежно сжимал маленькую ладошку своей девочки, у которой в глазах до сих пор были слезы счастья. Рита свободную руку держала на животе, и все не могла поверить в свое счастье, еще утром казавшееся невозможным. Вишневецкий склонился к ее губам, и прошептал: «Спасибо тебе», запечатлел нежный поцелуй, такой, который не вызывает страсти, а лишь ласку и заботу этого сильного мужчины.

А оказавшись дома, и едва прикрыв за собой двери, он распахнул Ритину шубу и, встав на колени, щекой примкнул к плоскому животу, представляя своего ребеночка, маленького и такого желанного. Мечтая, как совсем скоро вырастет животик, и он будет разговаривать с чудом, поселившимся в его любимой, а потом и качать на руках, давая маме возможность поспать. Но это будет позже, а сейчас он был просто счастлив, и благодарен судьбе за такой драгоценный подарок.

— Спасибо тебе, Господи. Спасибо.

Неожиданно он почувствовал, как Цветочек вздрогнула и, подняв взгляд, увидел, что она снова плачет. Он точно мог сказать, что это слезы счастья. Поднявшись, снял с нее шубу, помог разуться и, подхватив на руки, отнес в спальню. Уложив на кровать, раздел, протянул халат, и сам пошел переодеваться. Просто безумно захотелось домашней обстановки, да и настроение располагало.

— Катя, мы с Марго не приедем сегодня. Ничего не случилось, просто передай Варшавскому, что он замещает.

Рита поняла, что Макс звонил в офис, и они сегодня будут весь день дома, чему она была несказанно рада, потому что ехать больше никуда не хотелось.

— Любимая, иди пока ручки помой, а я — в кухню.

— Максим, сваришь мне кофе, — попросила она и скрылась в ванной, мгновенно прислонившись спиной к двери.

Не верит, до сих пор не верит, но ведь это действительно правда, скоро их будет трое, настоящая семья, как девушка и мечтала всю жизнь. Прикрыла глаза и еще несколько минут стояла и улыбалась, а потом все-таки прошла к умывальнику, бросая мимолетный взгляд в

зеркало. Она и раньше замечала, как ее глаза изменились после встречи с Максом, но сейчас голубые омуты просто сияли, и еще вызывали радость. Да, она счастлива, очень счастлива!

— Малышка, ты скоро? — громко поинтересовался Максим через дверь, и она, быстро вымыв руки, уже вытирала их, когда вспомнила про тесты, лежавшие в спальне в комод.

— Уже иду, — выйдя к мужчине, сразу же прильнула к его телу, наслаждаясь теплом и нежностью.

— Идем, немного полежим.

— Сейчас, только кое-что сделаю, — девушка прошла к комоду и, открыв верхний ящик, достала оттуда белые палочки, буквально сгребая в руку, — Маленькие обманщики, — словно пожурила их и, пройдя в ванную, выбросила в мусор. — Теперь можно и полежать.

Макс улыбнулся и помог ей удобно устроиться на подушках, укрывая одеялом и вручая в руки чашку.

— Фу, что это? — спросила девушка недовольным голосом, когда Вишневский уже усаживался рядом с ней и, протянув руки, обнял за талию.

— Это чай, Цветочек.

— Макс, ну зачем ты в последнее время мне его подсовываешь? Ты же знаешь, что я не люблю чай.

— Потому что, родная, кофе вредно для малыша.

— Но ты ведь еще раньше...

— Я все чувствовал, верил, — пояснил он, убирая прядку волос с розовой щеки.

— Спасибо тебе, — она обняла Макса в знак благодарности, а потом все же глотнула чай, так любезно приготовленный заботливым мужчиной. — Только у меня просьба, давай будем пить какао?

— На это я согласен, можно и какао.

— Макс, я до сих пор не понимаю, как это возможно.

— Тебе наглядно показать? — он опустил руку, лежавшую на животе, ниже, и уже хотел пробраться под кружевные трусики, но девушка его остановила.

— Нет, ну я серьезно...

— Я тебе всегда говорил — надо верить, и вот, пожалуйста, Бог послал нам чудо, — рука снова скользнула вверх. Склонившись, мужчина поцеловал живот, немного отодвигая махровую ткань халата.

— Я так счастлива, Макс, так счастлива.

— И я, любимая, счастлив вместе с тобой.

Некоторое время они молча наслаждались тишиной, Рита продолжала пить чай и пыталась представить, как через несколько месяцев кроха будет пинать ее, а Макс продолжал гладить животик, что-то нашептывая малышу.

— Макс, а ты кого хочешь? — шепотом спросила Рита, находясь в расслабленном состоянии.

— Того, кто родится, — сказал Максим и губами снова прижался к голой коже. — Но уверен — будет девочка.

— А я вот думаю — мальчик.

— Вот и думай, а мы, как родимся, утрем мамке нос.

От услышанного она захохотала и потрепала Макса по волосам, которые были у нее под рукой.

— Буду соседнюю комнату для малышки готовить.

— А не рано еще?

— Я бы сказал, что поздно. Месяц уже! Представляешь — месяц! — восторженно пропел, вдобавок приподнимая указательный палец.

— Ты был прав, вот из-за чего у меня головокружение, слабость и тошнота.

— Теперь я хоть немного спокоен, ну их, эти мысли, я же столько всего могу напридумать, пока не буду знать ответа.

— Макс, а можно одну просьбу?

— Конечно, — он едва не мурчал от легких поглаживаний ее рук.

— Давай купим новую кровать. Обычную.

— А чем тебе трон не угодил, моя королева?

— Я хочу проще, без этой глупой обивки, чтобы, как у людей, у обычных людей.

— Будет тебе проще. Чего еще хочет мой Цветочек? — рука уже пробралась к груди и нежно сжала полушарие.

— Эм... Очень хочу суши.

— Вычеркиваем, лучше яблочко съешь или банан.

— Тогдааа... — задумчиво протянула Рита и шлепнула его по руке, — говядину, запеченную с картошечкой и майонезом.

— Сейчас?

— Нет, можно на ужин. Кстати, давай родителей пригласим?

— Точно, такое событие надо отметить, — и он тут же потянулся за телефоном, собираясь набрать отца. — Предупреждаю, я напьюсь. Алло, папа, привет, — проговорил он уже в трубку, так и продолжая лежать возле животика, но руки прибрал к себе, чтобы не отбили ненароком, — Сегодня в семь ждем вас на ужин, Цветочку цветы, Вишенке ликерчик. Шучу, бать, коньяк. Повод есть! Ждем вас, и Вениаминычу сообщу. Все, пока.

— Ты наглая Вишенка, — пожурела девушка Максима за быстрый разговор с отцом и отставила пустую чашку.

— Цветочек, а может, ну ее, эту работу? Дома чем-то интересным займешься, да и нервничать меньше будешь.

— Я не буду дома сидеть, и тема закрыта.

— Значит, завтра идем в ЗАГС.

— Максим, — девушка снова поникла, представляя, что придется связывать себя узами брака.

Ее пугал не штамп, а именно то, что снова все может повториться, хотя в Максе она была более чем уверена.

— Макс, я хочу свадьбу, нормальную.

— Будет тебе свадьба, я тебе такой пир устрою.

— Пир не надо, просто хочу платье, музыку, шампанское. А какое шампанское сейчас?

— Рита, на что ты намекаешь?

— Давай после рождения малыша? Как раз лето будет...

— Мда... Приплыл. А если я откажу беременной женщине, это будет плохо?

— Очень плохо...

— Ну, Цветочееек!

А Рита в ответ лишь похлопала глазками и юркнула под одеяла, прячась от негодующего Тигра. Она знала, Макс согласится, не мог не согласиться, ведь сам хотел видеть ее счастливую, и готов был подождать еще восемь месяцев, а может, и больше.

— Вениаминыч, вот чего так хреново с утра после попойки?

Макс сидел в своем рабочем кресле и, скривившись, потирал виски, негодуя на то, что вчера решился напиться, но, вспомнив повод, улыбнулся и поднял взгляд на будущего тестя.

— Не, все-таки нормально, оно того стоило.

— Стоило, еще и как! У меня самого голова болит, хорошо девчонкам — по соку ударили, и нормально, — довольно проговорил отец Риты.

— Цветочку большего и нельзя, а мама, видимо, решила ее поддержать.

— Женская солидарность, друг мой.

— Вениаминыч, так ты о чем поговорить хотел-то?

Мужчина как-то уже безрадостно вздохнул, отпивая горький кофе, принесенный его внучкой, и с печалью посмотрев на Макса, заговорил:

— Сегодня утром возле ворот я столкнулся с Долматовой.

— Что? У нее еще и совесть позволяет явиться к тебе?

— Даже понятия не имею, как она нашла меня.

— И чего же хотела?

— Изначально полила грязью, мол, вон, как я живу, что имею, а ее с Ритой не забрал к себе. В общем, лепет ненормальной женщины, но потом она рассказала о цели своего визита. Неделю назад ей поставили диагноз. — Макс прищурил глаза, внимательно слушая рассказ. — У нее опухоль головного мозга, и если не поспешить, то будет поздно.

— Приплыли, да мы и так давно знаем, что у нее с мозгами.

— Да, и что первое, что второе — неизлечимо.

— Денег просила, — догадался Максим и тоже отпил кофе.

— Рассчитывает, что Бог даст ей шанс на жизнь.

— Тогда причем здесь ты и Бог?

Это был риторический вопрос. Мужчины понимали, что деньги в наше время творят если не все, то многое, и именно они нужны для операции.

— Мы наказали Ржевских так, как они того заслуживают, а Наталью — ее и наказать нечем было...

— Скажи, Вениаминыч, тебе ее жаль?

— Зверя, который буквально выбросил мою дочь? — вопросом на вопрос удивленно ответил мужчина.

— Вот и мне нет, но Рита...

— Мы должны сказать ей.

— Черт, и именно сейчас, когда я хочу убереечь ее от любых переживаний! — чуть громче произнес Макс и осекся, вспоминая, что любимая находится за дверью.

— Как бы нам не хотелось этого, Макс, но нужно.

Вишневский не хотел затягивать с этой ситуацией, поэтому, поднявшись, подошел к двери, открыл ее и, глянув на любимую, у которой одна рука лежала на животе, а второй она писала, тяжело вздохнул, но все же произнес:

— Любимая, зайди к нам, пожалуйста, — Рита кивнула и сразу подошла к Максиму, утопая в его объятиях.

А Константин с нежностью смотрел на счастливых детей и сам был рад, что они обрели друг друга, ведь дочери не найти лучшего мужчину, чем Макс.

— О чем вы хотели, поговорить? — спросила девушка, усаживаясь в предложенное кресло.

— Ритуль, у нас для тебя есть одно известие, — начал мужчина, но Максим его перебил.

— Вениаминыч, давай без предисловий, — попросил он и продолжил. — Рита, у Натальи опухоль, она просит денег на операцию.

Маргарита тут же застыла от услышанного и инстинктивно прикрыла руками живот, словно ее хотели ударить, а закрыв на секунду глаза, она тяжело сглотнула и тряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение.

— Откуда вы... Откуда вы знаете? — взяв себя в руки, негромко спросила блондинка.

— Она каким-то образом узнала, где я живу, и сегодня утром мы разговаривали...

— Дорогая, только от тебя зависит ее жизнь, вернее, то, сколько ей осталось, — снова поспешил пояснить Макс.

— Я не могу сказать «нет», — ответила девушка холодным тоном, в котором слышались нотки горечи.

— Цветочек, вот откуда в тебе это? Даже Вениаминыч не такой добрый, как ты.

— Просто давайте поможем ей?

— Ты же знаешь, мы сделаем это ради тебя.

— Знаю, только у меня одна просьба.

— Какая?

— Я больше никогда не хочу ее видеть. Никогда.

Девушка поднялась с кресла и подошла к окну — с высоты этажа заснеженный город казался еще красивее и более сказочный, наполненный разными событиями и людьми. Сейчас Рита зажила совсем другой жизнью, светлой и доброй, где нет места злу, тем более сейчас, в таком прекрасном положении, в котором она находилась. Теперь нет места прошлому, постоянно очернявшему ее жизнь, теперь только чистое и любимое, только реальное и действительно возможное, то, о чем и мечтать нельзя было. И она не позволит людям, которые причинили ей боль, вмешиваться в ее реальность, и уж тем более — приближаться к ребенку, который вскоре родится.

— Мой сын достоин только вас, — добавила она и, обернувшись, улыбнулась своей семье.

В жизни Маргариты настали счастливые дни, дни, когда совершенно не хочется думать о прошлом, или гадать, почему произошло так, а не иначе. Сейчас она понимала, что все именно так, по-другому ведь она бы уже и не захотела, предложи ей сейчас вернуться вспять и переписать судьбу. Нет, ни за что не откажется от того, что есть теперь в ее жизни. Теперь она обрела семью, отца, любимого мужчину, племянницу и всех родных Макса, а совсем скоро у нее родится крохотное чудо, которое так уютно расположилось у нее под сердцем.

С новостью о скором рождении ребенка Рита очень изменилась, стала более женственной, нежной, а также капризной, что, в принципе, свойственно беременным. Что касалось ее мужчины, так здесь все было идеально, и пусть, может, кто-то в такое не верит, но Макс был именно таким. Где нужно, он мог приструнить ее, если это касалось, например, такого: хочу бокал красного вина, или обуть сапоги на каблуках. Ведь после его серьезного взгляда всё «хочу» тут же исчезало. В остальном же он очень бережно и заботливо относился к желаниям Риты, учитывая, что это желание и его маленькой Вишенки внутри нее.

Также Макс чаще оставлял ее дома под предлогом приготовления ужина, или того, что на улице скользко — не дай Бог, упадет, и тому подобное. В ответ девушка недовольно фыркала, но после страстного поцелуя соглашалась, и просила, чтобы скорее возвращался. А он так и делал, раздавал указания, проверял необходимые документы, смотрел отчеты и возвращался к любимой, и каждый раз не с пустыми руками. Поначалу это были цветы, фрукты или то, что при очередном звонке пожелает сама девушка, но вот позже, когда животик понемногу начал округляться, Максим принялся покупать игрушки, одежду, и размещать это все в детской комнатке, где уже были наклеены обои. Детская кроватка, манеж, комод и даже столик для пеленания малыша, а вернее — малышки, для которой все было устроено в нежно-розовых оттенках. Также будущий папа позаботился, чтобы в детской были оборудованы теплые полы, в первую очередь, переживая за здоровье своих любимых, которые будут проводить там ближайшие годы. Цветочек вздыхала на такое его поведение, ведь пол ребенка решили не узнавать, а устроить самим себе сюрприз при родах, вот только их заботливый мужчина накупил абсолютно все, что нужно для ребенка, кроме коляски.

Еще после нового года Макс через начальника отдела безопасности узнал о Ржевском, тот устроился на оптовый склад грузчиком, а насобирав денег, уехал, убитый горем, к матери в Египет. Что было с женщиной, его совершенно не интересовало, главное, эта семейка больше никогда не будет отравлять жизнь его девочке. Что касалось Натальи, то через два месяца после операции она все же умерла, организм оказался не в силах перебороть страшную болезнь. Вишневному абсолютно не было жаль Долматову, но ему было страшно сообщать Рите о случившемся, понимая, что печальное известие принесет ей боль. Но он должен был сделать это, и как можно быстрее, а поэтому тянуть не стал и тем же вечером, сидя у камина на теплом ковре, он рассказал ей о случившемся, при этом продолжая все время держать ее ладонь в своей руке. Но реакция девушки его удивила, она только тяжело вздохнула и крепче сжала мужскую руку, а потом и вовсе прошептала: «Мы больше ничего поделать не могли, Бог сам выбирает, кого забрать к себе». И после этой фразы больше в их доме никогда не было разговоров о прошлом, о Наталье и семье Ржевских. Все исчезло, как страшный сон, который по утрам оставляет после себя неприятные воспоминания, а ближе к

обеду и вовсе выветривается из памяти.

Одним прекрасным утром Макс проснулся раньше своих девочек, но, не имея желаний покидать постель, аккуратно положил руку на круглый живот, и тут же почувствовал пинок своей дочурки. Улыбнулся, понимая, что там уже сформировавшийся человечек, и чуть сполз вниз, оказавшись лицом на уровне живота:

— Привет, моя маленькая, привет, моя доченька, ты почему так рано проснулась, мамочке спать не даешь? — он разговаривал и одновременно поглаживал живот, упиваясь такой нежностью и счастьем, и ликуя, что может делать это втайне от Цветочка, но с ее же животиком. — Давай еще немножко полежим спокойно, чтобы мама выспалась, а то в последнее время ей стало уже тяжелее ходить, ты ведь, наша кнопочка, растешь.

Макс почувствовал довольно ощутимый толчок как раз там, где находились его пальцы и, в этот момент Рита вздохнула и немного склонила голову, а малышка снова толкнулась, после чего девушка издала что-то, вроде «умм».

— Ну, ты чего бушуешь, маленькая моя, решила у мамы в животике танцы устроить? — он улыбнулся, до сих пор не веря, что там, внутри, его дочь, любимая дочь от любимой женщины. — Уже скоро ты будешь с нами, мы тебя очень ждем, я тебе даже комнату приготовил, там будет все, что ты захочешь, — продолжал шептать и нежно поглаживать голый живот. — Вишенка моя, девочка любимая, если бы ты знала, как мы тебя ждем... О, а я тебе рассказывал, какая красивая наша мама? Нет? Она у нас блондинка, с отросшими корнями, — засмеялся он в кулак и, вдруг став серьезным, добавил. — Ты только маме об этом не говори, ну, про корни, а то она меня быстро в бараний рог скрутит, а оно нам надо? — спросил он, словно кроха могла ответить, и тут же продолжил. — А еще у мамочки голубые глазки и красивый носик, а знаешь, какая она смелая...

— Знает-знает, и папу за отросшие корни накажет, — послышался хриплый женский голос, и Макс, подняв голову, увидел сонное, довольное личико любимой, которая, протянув правую руку, коснулась волос на его макушке.

— Упс, крошка, папка спалился, — добавил он, бросая взгляд на животик, а потом, приподнявшись, коснулся горячих губ Риты в нежном поцелуе. — Доброе утро, любимая, а я так хотел, чтобы ты еще поспала.

— Поспишь тут, когда внутри тебя пинается человечек, — наигранно пожурела она малыша, с нежностью погладив живот.

— Вот проказница, а я уговаривал ее дать тебе поспать, — мужчина пробрался рукой под маечку к пышной груди и пальцами аккуратно сжал сосок, тут же свернувшийся в тугую горошину. — Ты стала еще красивее...

— Не ври, так и скажи, что тебе нравится моя грудь почти четвертого размера, но огорчу тебя, любимый — это ненадолго.

— Там сейчас молоко?

— Да, для нашего малыша.

— Я, конечно, не дурак, о многом слышал, но когда вот так, сам через это проходишь, эмоции просто зашкаливают.

— Верю, Макс, верю. А ты мне говоришь «хотел, чтобы ты поспала». Как я могу спать, когда малыш внутри меня танцует? — счастливо говорила Рита, смотря в глаза мужчины, который подарил ей любовь.

— Да, я могу только представлять, каковы твои ощущения, ибо сам кайфую, когда рукой чувствую толчок.

— Максим, — как-то совсем тихо позвала девушка и рукой коснулась крепкого плеча...

— Да?

Маргарита взяла его руку и приложила к животу, где именно сейчас ее уже несколько раз ребеночек знатно пнул ножкой.

— Боже, — радостно вздохнул Макс и носом уткнулся в бок любимой, ощущая то же самое под своей рукой. — Родная, мне иногда кажется, что я заплачу...

— Ради такого и мужчине не грех плакать, — ответила она и довольно потянулась, наслаждаясь приятными поглаживаниями мужчины по животу. — Ты сегодня не едешь на работу?

— Еще не знаю, не хочу пропускать и минуты того, что может учудить наша кроха.

— Эх, папочка, — снова взлохматила ему волосы на макушке. — А мы ведь даже еще не родились. Помоги, — попросила она, намереваясь встать с кровати.

Максим поспешил на помощь, придерживая девушку за поясицу, и поднялся вместе с ней, помогая надеть шелковый халат, который едва мог сойтись на животе.

— Когда родится, я вообще не смогу отойти от вас, — ответил он и надел спортивные штаны. — Тебе помочь в ванной?

— Нет, спасибо, душ попозже примем, я пока сама справлюсь.

— Хорошо, а я вам блинчиков приготовлю, только быстро умоюсь внизу.

— А можно мне с брусничным вареньем?

— Будет исполнено, — и, улыбнувшись, Макс открыл дверь, собираясь выйти из спальни.

— Максим, — остановила его Рита, и он оглянулся. — Мы любим тебя.

— И я вас люблю, — они глянули друг на друга с улыбкой и скрылись каждый за своей дверью.

А уже через полчаса Цветочек удобно устроилась в кресле на излюбленной террасе, подложив под спину маленькую подушечку и с удовольствием откусывая блинчик, политый брусничным вареньем, и запивая ароматным чаем. Еще с середины апреля они встречают каждое утро на свежем воздухе. Только если еще зябко, тогда они кутались в плед, но сейчас свободно наслаждались теплом в короткой одежде, что, в принципе, не было удивительным. Жаркая пора в Украине наступала еще в мае, и могла продлиться едва ли не до конца сентября, поэтому сейчас пара могла вообще не думать о погоде, середина июня радовала, как нельзя кстати. Только вот днем здесь уже не посидишь, иначе можно получить солнечный удар от сорокаградусной жары.

— Любимый, снова помоги, — попросила девушка, протягивая свою тарелочку и чашку, а Макс, быстро отставив чашку с кофе, забрал из ее рук посуду, а потом снова помог встать на ноги. — Я сейчас... Ой, малышочек, подожди, мамочка же не добежит... — услышал мужчина издали, и только улыбнулся, понимая, куда сбежала Маргарита. В последнее время ребенок давил ей на мочевоy, и она часто бегала в туалет, а вот возвращалась довольная и счастливая, но иногда ненадолго. Бывало так, что она могла раза три сбежать, а по возвращению опустить глазки в пол и смущенно улыбнуться, мол «это не я, все вопросы к Максимычу».

Как же Вишнеvский любил эти моменты, да он вообще любил каждый момент, связанный с его Цветочком. Все так круто поменялось в его жизни, и он был безмерно благодарен Богу за такой невероятный подарок в виде его любимой и малыша, который скоро родится.

А еще Макс удивлялся, как Рита может выглядеть так сексуально, будучи в положении, ему казалось, что она ни капельки не поправилась, не считая необъятного живота. Да, грудь стала больше, по понятным причинам, а вот ноги по-прежнему стройные и красивые, единственное — она жалуется на их усталость, и мужчина старается каждый день делать массаж.

И вот сейчас она осторожно ступает этими самыми ножками в тапочках, в коротеньких шортиках и, довольная, буквально плывет к нему, а точнее сказать — к своим блинчикам, которые она ест практически через день.

— Что? — спросила девушка, оказавшись рядом, и не понимая причину его улыбки.

— Любуюсь, — довольно пропел в ответ.

— Фи, я тут, как колобок, качусь, а он любит, — ответила, осторожно присаживаясь обратно в кресло.

— Ничего ты не понимаешь, женщина, — наигранно грозно произнес он и допил свой кофе, отставляя чашку в сторону.

Вот так проходило практически каждое утро — весело, нежно, счастливо и непринужденно. Все было отлично, они часто выходили гулять, ездили к родителям, к отцу Риты, или те заезжали к ним на пикник. С каким-то особым благоговением ожидали рождения ребенка все родственники Вишневых, одаривая девушку любовью и заботой и таки, наконец, дождались этого события.

В конце июля, за день до назначенного срока, Максим отвез Риту в роддом, объяснив ей, что ему будет так намного спокойнее. К тому же, палата была платная, VIP, и он мог спокойно там находиться, сколько пожелает, тем более — учитывая ту сумму, что он отвалил больнице. И мужчина не прогадал со своими переживаниями, потому что к вечеру, когда Марго отдыхала, у нее отошли воды, и уже через три минуты ее отвезли в родзал.

Одному Богу известно, как переживал Макс только от одного вида, когда Рита морщилась от схваток, он хотел забрать себе хоть каплю боли. А вот во время родов крепко держал за руку и вытирал пот с лица — своего, ибо волновался, как мальчишка. Ему было так жалко свою девочку — она сжималась, кричала от боли, а он ничего не мог с этим поделать, да и прежде знал, на что шел. Им, главное, сейчас родить, а потом он будет благодарить любимую всю жизнь за такой ценный подарок, который она ему преподнесет вскоре.

Еще с самого начала он решил, что будет присутствовать при родах, и всеми мыслями поддерживать Цветочку, ведь ей так важна была его рука в ее ладони, она сильно сжимала ее, но чувствовала себя спокойнее. А когда они услышали первый крик малыша, Рита, казалось, сжала руку еще сильнее, просто не веря в реальность происходящего, и уже через несколько минут на ее грудь положили крохотный теплый комочек, который негромко возмущался и дергал ручками и ножками в разные стороны.

А буквально через один миг лицо молодой мамочки стало мокрым от слез, которые покатались, едва она почувствовала свое дитя. Ее плоть, ее жизнь, их жизнь с Максом.

— Господи, ты только посмотри, Максим, какой же он прекрасный, родной, самый желанный, — сквозь слезы шептала Рита и рукой осторожно поглаживала головку крошечного малыша. — Это наш, Макс, наш ребенок. — А новоиспеченный папаша смотрел на маленький комочек, и не в силах был произнести ни слова, и да, он таки заплакал от счастья, понимая, что теперь в его жизни нет ничего дороже его семьи.

— Наш, — хрипло ответит он, осторожно коснувшись маленьких пальчиков крохи. —

Только наш.

— Теперь папочка будет сам спать в девчачьей комнате, правда, Иван Максимович? — посетовала Рита на Макса, и они оба засмеялись сквозь слезы.

Пока их сыночка обмеряли и взвешивали, Максим покинул палату, чтобы сообщить наверняка собравшимся внизу родственникам о пополнении в их семье. Еще перед тем, как девушку отвезли рожать, он позвонил Вениаминычу и сказал, чтобы он брал родителей и выдвигался к роддому. Мужчина знал, что все близкие переживают, и хотел, чтобы они тоже были рядом, а потому, спустившись в зал ожидания, совершенно не удивился, увидев там и Катерину с Женькой. Заприметив счастливого папашу, вошедшего в комнату, все сразу облегченно выдохнули и подошли к нему.

— Пацан, — довольно выдохнул он. — Ванька! По ходу, в честь бати, — также добавил он и крепко обнял подошедшую маму.

Вся семья тут же принялась поздравлять, обнимать, что-то нашептывать, а Максим никак не мог спрятать свою улыбку, да и не хотел он этого делать, ведь все так замечательно складывалось, что даже до конца не верилось.

— Я и не думал, что стану второй раз дедом, — так же счастливо произнес Константин, крепко пожимая руку зятю. — Очень рад за вас.

— Спасибо вам всем, — ответил Макс. — Спасибо, что все это время были рядом. Не сейчас я хочу вернуться, они меня ждут, — мужчина видел, как Ласточка заплакала, и снова обнял ее, понимая весь спектр эмоций этой женщины. — Ну, все, родные, правда, пора. Мама, потом придешь к нам, попозже. Жека, а у вас с Катей три дня, чтобы перестроить комнаты. Все, я убежал...

— Чего? — еще не отойдя от эмоций, переспросила Катя. — Да не собираюсь я с этим... с этим... с Женей ничего делать!

— Захлопнись, Белочка, ты мне не интересна, — шепотом проговорил мужчина ей на ухо, не подозревая, что этими словами принес невыносимую боль девушке.

Позже Риту с Ванечкой перевезли в их палату, и Макс с умилением наблюдал, как их сыночек уснул под боком у своей мамы, а девушка, удобнее повернувшись, не отводя глаз, любовалась даром, который преподнес им Бог. Она выглядела уставшей, но все никак не могла оторваться от созерцания сына, который мило причмокивал губками, а потом, скривившись, проснулся и заплакал, видимо, от того, что чмокать было нечего. Максим поднял на руки малыша и принялся покачивать, а молодая мамочка приподнялась на удобной кровати, упираясь спиной в подушку и, тут же приняла сына на руки, размещая около груди. Ванечка продолжал плакать, а в палату так вовремя вошла Дарья, которая вызвалась помочь молодой маме при первой же необходимости. И сейчас женщина сидела на краю кровати и с гордостью наблюдала, как Рита, проворно отодвинув ночную рубашку, помогает своему ребенку обхватить маленькими губами сосок, чтобы он мог впервые в жизни поужинать.

Сама девушка с щемящей нежностью смотрела на сыночка, а по ее щекам снова катились слезы счастья. Максим видел, как она довольна, и сам мог наконец-то расслабиться, хоть и понимал, что все еще впереди — и колики в животе, и первые зубки, но это потом, а сейчас — все хорошо. Он точно это знал.

А Дарья мимолетно смахнула слезу и, глянув сначала на сына, а потом и на Риту с внуком, тихо прошептала, чтобы не потревожить только начавшего засыпать Ванечку:

— Будьте счастливы, дети мои.

Приняв душ, Макс, в одном халате, разместился в гостиной на диване, ожидая любимую, которая в данный момент укачивала их двухмесячного сыночка. Сегодня он задержался на работе, давая последние указания Глебу и разгребая важные документы, которые предназначены для подписи его рукой. А с завтрашнего дня он будет с огромным удовольствием посвящать все время своей семье — любимой жене и не менее любимому Ванечке. Он взял отпуск, и сам не зная, сможет ли через месяц выйти на работу, ведь и так с трудом по утрам покидал дом, боясь пропустить даже малейшее важное событие в жизни своего ребенка.

На ступеньках послышались тихие шаги, и, повернув голову, Макс увидел Цветочка, спускающуюся вниз и направляющуюся к нему. Все такая же красивая и стройная, со счастливой улыбкой на губах она остановилась около дивана, поставила на журнальном столике радио-няню, и тут же почувствовала легкое скольжение пальцев по бедру. Мужская рука медленно пробралась под пеньюар к кружевным трусикам и жадно сжала округлую ягодицу, отчего Рита охнула и прикусила губу:

— А что это господин Тигр разлегся здесь?

— Ожидает свою Тигрицу, — он рукой притянул ее ближе, и девушка уселась на крепкие бедра мужчины.

— Ооо...ох, да вы в полной боевой готовности...

— Дааа... — толкается бедрами ей навстречу, и руки перемещает с бедер на грудь.

— Тигренок уснул, такой смешной, кушал и причмокивал, — счастливо пропела Рита и снова почувствовала толчок.

— Еще бы, я бы тоже причмокивал, — чуть сильнее сжал грудь.

— Мааакс...

— Ммм...

— Мне спираль поставили, помнишь? — мужчина кивнул, соглашаясь. — И у меня месячные закончились.

— Правда? — решил переспросить, ведь использовать презервативы он жуть как не любил. Всегда хотел чувствовать свою девочку.

— Дааа.

И Макс, не медля, наклонил Риту к себе, впиваясь в губы в страстном поцелуе. Балдел всегда от нее, а сейчас — особенно, потому что она пахла их ребенком — его сыном. И он никогда не перестанет любить ту, которая так внезапно когда-то ворвалась к нему в кабинет, и навсегда перевернула его жизнь, изменила взгляды на те, или иные вещи, и просто подарила счастье.

— Как же я соскучился, — простонал, и снова сжал ее попку.

— Мы это оба знаем, давай без лишних разговоров, — попросила Рита и, приподнявшись, быстро отодвинула его халат, сместила в сторону трусики и аккуратно села на возбужденный член, медленно впуская его в себя.

Ахнула, когда полностью почувствовала плоть в себе, и скинула бретели пеньюара с плеч, позволяя ткани упасть к бедрам. А сама, упершись руками в грудь Макса, начала двигаться вверх и вниз, а мужчина, не медля, подстроился под ритм любимой. В этот раз они не занимались любовью, а буквально вколачивались друг в друга, безумно изголодавшись по

страсти, которая преследовала их с самого начала отношений.

— Наконец-то я могу чувствовать тело своей жены без этого отвратительного и уже надоевшего латекса, — хрипло проговорил Макс, едва отдышавшись после наступившего их оргазма.

— Я бы попросила — без пяти минут жены, — вяло ответила блондинка, удобно разместившись на его груди.

— Если бы кто-то не выделялся, то был бы моей женой уже почти год.

— Но...

— Никаких «но», шампанского все равно тебе не достанется.

— Ооо, я об этом даже и не думаю, пока кормлю Ванечку. Хм, — вдруг задумалась Рита. — Может, тогда перенесем свадьбу?

— Чего? — находясь в шоке, переспросил Макс.

— Я просто пошутила, — и, чтобы избежать расплаты, впила поцелуем в губы любимого мужчины.

Свадьбу решили отпраздновать дома, чтобы Рита могла спокойно отдыхать, зная — с сыночком все в порядке, ведь Дарья едва ли не каждые пятнадцать минут бегала к нему, а когда возвращалась, на ее лице блуждала счастливая улыбка. Так же к Ванечке уходила и сама Рита, чтобы покормить сына, да и лично удостовериться, что все с ним в порядке, ведь она мама, и так хотелось своими глазами увидеть любимое личико.

На заднем дворе царила поистине красота, организаторы свадьбы украсили все светлыми тканями, белыми розами и фиолетово-розовыми шарами, и поэтому то, что творилось на улице, можно было смело назвать волшебством. Церемония бракосочетания также была проведена здесь, и для этого установили в два ряда красивые белые стулья, перевязанные нежно-фиолетового цвета бантом на спинке, и красивую арку, переплетенную цветами. С другой стороны террасы установили столики со стульями и небольшой подиум с музыкальной аппаратурой для прибывших музыкантов.

Все вокруг были счастливыми, задорными и умиротворенными, Глеб пришел на свадьбу со своей невестой Леной, которая стала ему и землей, и небом, Катерина заявила с парнем, и это было удивительно, ведь ранее она никогда ни с кем не появлялась. Что касается Жени, он единственный, кто был не так счастлив, как остальные, и кажется, Макс знал причину этого, но сейчас ему было не до выяснения отношений между братом и Катериной. Они молодые ребята, и, он уверен, обязательно во всем разберутся.

Брат Денис подошел, поприветствовал его и тут же удалился к отцу, который о чем-то весело беседовал с Вениаминычем. Потом подошла и Соня с мужем и детьми, что-то рассказывала про малыша, который резво бегал по поляне, желала брату удачи и просто поздравляла с прекрасным днем свадьбы.

И вот наступил тот момент, когда, сверкая белоснежной улыбкой и слегка покачивая чуть более округлыми, чем прежде, бедрами, словно выплывая, к нему направилась та, которая так прочно засела в сердца, поселившись там навсегда. Рита, его Цветочек, его маленькая хрупкая девочка, такая нежная снаружи и безумно сильная внутри, она шла к нему в нежно-розовом платье в пол. Оно не было свадебным, но так прекрасно сидело на стройной фигурке, подчеркивая сексуальность ее плеч, которые были полностью открыты. Благо день выдался теплым, сентябрь решил порадовать молодоженов прекрасной погодой и всю светил теплыми лучами солнца. Даже Максим, облаченный в шикарный темно-синий костюм, изредка снимал свой пиджак, чтобы совсем не упариться в дорогой ткани.

Едва все собравшиеся заметили красивую невесту, как в саду резко стало тихо, казалось, даже музыка перестала играть, а Макс с замиранием сердца сделал пару шагов к девушке и, оказавшись рядом, руками перехватил ее руки. Глаза в глаза, сердце к сердцу, одно дыхание на двоих, они словно одно целое, словно одна вселенная, которую никто не в силах разрушить. Его девочка была настолько красива и воздушна, что мужчина, наплевав на помаду, мгновенно прильнул к любимым губам, утопая в сладком поцелуе и наслаждаясь ее нежностью и теплом.

— Я так тебя люблю, — прошептал ей на ухо, когда наконец-то смог оторваться от губ, вспоминая, где они находятся.

— И я тебя люблю, родной мой, тебя и Ванечку, — ответила девушка, и Макс улыбнулся, понимая, что все в жизни происходит именно так, как и должно быть.

Дальше была церемония, которая прошла для них почти незамеченной, молодые были полностью поглощены друг другом, и ни на миг не отводили взгляды. Казалось, они слышали только «Объявляю вас мужем и женой, можете поздравить друг друга», после чего тут же снова прильнули к губам друг друга, не желая останавливаться, но им таки пришлось остановиться. Ведь продолжить начатое можно и ночью.

Потом все родные принялась поздравлять молодую семью, веселиться, танцевать, а Макс с Ритой уехали в церковь вместе со своими свидетелями. Еще будучи беременными, они успели обсудить свои желания, и Рита сказала, что очень бы хотела обвенчаться, с чем Вишневский и не стал спорить, сам считая это очень неплохой идеей.

Когда перед выездом девушка ушла кормить сына, Макс уже стоял возле авто вместе с братом, курил и обсуждал дальнейшие планы на жизнь, как к ним подошла Катерина, просто светящаяся от счастья.

— Слушай, может, тебе дать лимон откусить? — недовольно предложил Евгений, затягиваясь второй сигаретой.

— Чего? — не поняла девушка и, поставив ножку, облаченную в туфельки на высоком каблуке, на колесо, принялась сексуально поправлять чулок, при этом приподнимая край платья повыше.

— Чего счастливая такая? Уже погуляла со своим кобелем? — все тем же тоном произнес парень, сверкая недовольным взглядом.

— Придурок, — обиженно ответила Катя. — Смотри, не укурись, а то рак к тридцати годам настигнет.

— Стручок, ну, чего ты такая вредина?

— Так ты уже определись — Белочка я или Стручок?

— Белочка — оттого что мордашка красивая, да и фамилия под стать, а Стручок — ну, доска — она и в Африке доска...

— Что?.. — едва не плача, произнесла Катерина и отвернулась, чтобы вернуться и подождать подругу во дворе, в компании своего друга. Но этого не пришлось делать, Рита уже шла к ним, а брюнетка все пыталась успокоиться, ведь так были неприятны его слова, прям до боли. Это она то, с округлой попкой и грудью третьего размера, была доской? Ну, ничего, она ему еще покажет, где раки зимуют.

Больше Катя старалась не обращать внимания на зарвавшегося парня. Обвенчавшиеся в церкви молодожены и молодежь поехали на набережную, весело проводя время, фотографируясь, болтая, и просто наслаждаясь прекрасным днем. А через два часа поспешили домой, чтобы и гостей не огорчать, и Тигренка покормить, который наверняка

уже истосковался по мамочке.

В общем и целом праздник проходил просто изумительно, не считая еще нескольких перепалок между Катериной и Евгением, но это лишь придавало настроения свадьбе. Ребята постоянно что-то выясняли, предъявляли друг другу претензии, а гости только смеялись над их поведением, которое со стороны выглядело именно детским. И вот когда они снова начали спорить, и все отвлеклись на парочку, Макс утащил любимую на террасу и, усадив в большое плетеное кресло, сам присел на корточки около женских ножек.

— Любимая, — тепло произнес он, держа в руках маленькую ладошку Риты, а он, в свою очередь, поглаживала свободной рукой его щеку. — Помнишь, мы разговаривали насчет подарка?

— Помню...

— И ты сказала, чтобы я ничего такого не выдумывал, и не тратил деньги...

— Да, и я надеюсь, ты так и поступил.

— Да. Однажды ты мне сказала, что ни разу не была в кино, — начал он, а девушка только нежно улыбнулась ему в ответ. — Так вот, я купил нам билеты на завтра, там правда мультфильм, но ты же именно этого и хотела.

— Макс, ты настоящее чудо, — счастливо ответила она, и в уголках глаз девушки появились слезы. — Спасибо тебе, это действительно стоящий подарок.

— Угу, — совсем невинно ответил он и тут же продолжил, уже поднимаясь во весь рост. — И маленький домик в Ялте на берегу Черного моря.

— Что? — уже громче переспросила Рита, не веря в услышанное.

— Ничего, дом, говорю, купил, двухэтажный, — начал отходить подальше, переходя маленький мостик, который был перекинут через разбитый пруд.

— Я тебя прибью, Максим! — начала семенить за мужем.

— Не прибьешь, это я тебе за Тигренка подарок сделал, а то придумала, ничего серьезного ей, — произнес голосом, похожим на Ритин.

— Вернись быстро!

— А за Вишенку вообще город подарю! Поняла? — сказал он уже громче и практически убежал к гостям.

— Будет тебе такая Вишенка, вместе с Черешенкой, я тебе выпишу люлей, что вообще о подарках забудешь!

Макс остановился на минуту, обернулся, глядя, как жена задорно злится и в то же время скрывает свою улыбку, и сам, улыбнувшись, произнес:

— А за Черешенку планету куплю...

Услышав веселую перепалку молодоженов, гости громко рассмеялись. Маргарита, потеряв мужа из вида, только махнула рукой, как тут же почувствовала теплые объятия со спины, и вмиг перестала ругаться.

— Я для Цветочка все в этом мире переверну.

Часов в семь вечера молодожены покинули гостей и вернулись в дом, наконец-то посвятив себя двухмесячной крохе. И пока Рита принимала душ, Макс развлекал сына погремушками, удобно развалившись на огромной кровати и весело щебеча с ребенком. Ванечка что-то пытался ему доказать, постоянно хватал папу за запонки на рукавах рубашки, а когда те ускользали от него, весело улыбался беззубой улыбкой, отчего у Макса загорались глаза еще большим счастьем.

Но когда Рита вернулась, он скрылся в ванной, предварительно укрыв любимых

простыней, а девушка, отодвинув рубашку, приложила сына к груди, одной рукой перебирая короткие волосики на его головке. Маленькие губки плотно обхватили сосок, и сын, прикрыв глазки, смачно причмокивал, вызывая у мамы счастливую улыбку. Крохотная ручка лежала на груди, иногда шевеля пальчиками, а Цветочек, переместив руку, положила ее на животик малыша и просто наслаждалась запахом сына, который превратил ее жизнь в сплошной праздник.

Да, ей было тяжело с новорожденным, как и любой другой маме, но она никогда не жаловалась, потому что уже просто не могла представить свою жизнь другой. Теперь не существовало жизни без Макса и Ванечки, не существовало жизни без отца и родителей мужа. Теперь только вместе, и это навсегда!

Выйдя из ванной, мужчина застал занимательную картину — его любимая женщина, лежа на боку, обхватив сына одной рукой под попку, а другой — за бочок, носом уткнувшись в его головку, сладко спала. А вот сам Иван Максимович, глядя на отца, бодрствовал, пальчиками держась за приподнятые ножки. Макс улыбнулся, удивляясь ситуации, ведь, по идее, мама должна была уложить ребенка, но не наоборот. Присев рядом, осторожно провел пальцами по щеке жены, поцеловал ее в висок и, аккуратно вытащив сына из объятий Риты, уже плотнее прикрыл ее одеялом.

— Ну что, Тигренок, будем сами засыпать? — с улыбкой произнес папа, выходя из спальни в детскую комнату. — Пусть мамочка отдыхает, она и так слишком мало спит, но когда ты немного подрастешь, мы уговорим ее на Вишенку.

Рита почувствовав, что рядом нет сыночка, проснулась и услышала слова любимого, хмыкнула в подушку и мысленно поблагодарила Бога за неопишное счастье, которое она испытывает рядом с этим невероятным мужчиной, подарившим ей новую жизнь.

ЧАСТЬ — БОНУС

Спустя три года.

Расположившись на теплом полу в гостиной, Макс с Тигренком наблюдали, как паровоз с вагонами движется по пластмассовым рельсам, издавая гудок и распространяя звук крутящихся колес. Вишневские о чем-то переговаривались, а Рита, готовя ужин, с любопытством наблюдала за любимыми мужчинами из кухни. Она была безумно счастлива просыпаться каждое утро от приятных поглаживаний детской ручки по щеке, а открыв веки, видеть две пары одинаковых голубых глаз. Макс всегда приносил к ней в постель Ванечку, а теперь сын вырос, и сам прибежал к маме, чтобы разбудить ее и обнять, сказав слово «люблю».

Снова глянув на веселящихся мужчин, молодая женщина улыбнулась и принялась перемешивать салат, а потом неожиданно на ее лице появилась необъяснимая грусть. Макс, заметив перемены в любимой, чмокнул сына в макушку и, оставив его наслаждаться новой игрушкой, поспешил развеять сомнения любимой жены.

— Почему мой Цветочек грустит? — подойдя к ней, обнял со спины, руками сжимая плечи.

— Макс, у нас больше не будет детей? — как-то обреченно спросила Рита, продолжая перемешивать салат с кальмарами.

— Почему не будет? — сдвинув руки, начал массировать хрупкие плечи.

— Ты же знаешь, что я уже полтора года не могу забеременеть.

— У нас еще есть время, родная.

— Не знаю, мне уже даже не тридцать, Макс.

— Да, ты Тигренка родила почти в тридцать четыре, и сейчас только прекраснее становишься с каждым днем. — Рите были приятны слова мужа, и она перевела взгляд в сторону хохочущего сына, который по энному кругу запустил паровоз.

— Максим, я тут подумала...

— Дааа?

— Может, мы с тобой в детдом съездим? — неуверенно спросила она, отставляя миску с салатом в сторону.

— Ты хочешь?.. — начал Макс, и Цветочек тут же повернулась в его объятиях, отчаянно посмотрела в любимые глаза и грустно улыбнулась. — С радостью, милая.

Спустя еще некоторое время.

Все счастливое семейство Вишневских собралось сегодня дома у Макса и Риты, чтобы отпраздновать прекрасное событие. Теперь у серьезного шефа Максима Ивановича появились две прекрасные, невероятно похожие друг на друга принцессы. Конечно, он с самого начала рассчитывал на Вишенку, а тут сразу две ягодки, да еще и такие замечательные. Он до сих пор не мог нарадоваться своему счастью, и ни на минуту не желал отходить от своих малышей — Вари и Евы.

— Ох, Макс, как ты на такое решился? — до сих пор не веря в происходящее, шепотом спросил Евгений, смотря на две абсолютно одинаковые мордашки.

— Они часть меня, такие же родные, как и Тигренок, — счастливо ответил мужчина, осторожно поглаживая крохотную ручку Вари.

— Это все творит любовь к нашим женщинам, — не отрывая глаз от девочек, продолжил младший брат.

— Это точно. Но и от тебя я не слышал, как ты решился, когда узнал, что у вас будет два мальчика.

— Да ты что, я от них ни на шаг не отхожу, за что иногда получаю от жены.

— Это правильно, пока дети маленькие, нужно ловить каждый момент их жизни.

Ева зашевелилась, очевидно, разбуженная тихим шепотом, сжала кулачок и тут же открыла карие глазки, внимательно смотря на нарушителей ее покоя.

— Вот умничка, — похвалил парень, наблюдая, как малышка молча любит их физиономиями. — У нас, если один проснется, то вой сирены начинается.

— Нет, наши крошки более спокойные.

— Тук-тук, не помешаю? — со стороны двери послышался тихий шепот, и, обернувшись, Макс увидел улыбающуюся жену.

— Как ты можешь помешать? — раскинув руки, принял любимую женщину в объятия, и теперь уже три пары глаз молча любовались девчонками.

Спустя несколько минут Евгений оставил молодых родителей наедине с их детьми и поспешил присоединиться к всеобщему веселью. Рита, счастливо вздохнув, повернулась к мужу и, обняв его, щекой улеглась на крепкую накачанную грудь.

— Максим...

— Ммм?..

— Я так счастлива, — прошептала она, пряча свою милую улыбку.

— И я очень счастлив с вами.

Приподняв за подбородок лицо жены, нежно коснулся ее губ в легком поцелуе, после чего перевел взгляд на Еву, которая уже начала кривиться от того, что ей не уделяют внимание.

— Надо покормить Евочку, — все тем же тоном произнесла Цветочек и снова обернулась к доченькам.

— Молоко рассосала?

— Да, сегодня уже нормально кушали.

— Ну и отлично, — довольно ответил Макс и, осторожно взяв Еву на руки, отнес Рите, уже усевшейся в кресло, а сам вернулся к Вареньке, которая вот-вот должна была проснуться.

Все огромной дружной компанией праздновали появление малышей в семье. И хоть Макс с Ритой удочерили малышей еще месяц назад, отпраздновать договорились немного позже, чтобы хоть немного освоиться с новыми приятными хлопотами.

Все взрослые выпивали, весело болтали, дети играли в углу на большом ковре в разные игры и игрушки, а Рита, с теплой улыбкой на губах и счастливым блеском в глазах, сжала в руке радио-няню и глянула на уже подросшего Ванечку. Она любила сына больше жизни, и никогда ему ни в чем не отказывала, в принципе, как и дорогому сердцу мужу, а теперь ее любовь выросла, и женщина не менее крепко полюбила своих маленьких девочек.

Пройдя к окну, устремила свой взор на пожелтевшие листья деревьев, и тут же почувствовала родные объятия и нежный поцелуй в шею, даривший миллионы мурашек по всему телу.

— Любимый мой, — довольно прошептала Рита, свободной рукой касаясь сильной мужской руки.

— Точно он? — наиграно шутливо спросил Макс.

— Точнее не бывает.

— Тогда я счастлив, — спокойно вздохнул он в ответ.

— Мааакс...

— Да?

— Ты очень нас любишь?

— Очень-очень. Больше жизни.

После этих слов Рита сделала вдох и, взяв руку мужа, положила ее к себе на живот, сверху накрывая своей.

— А теперь?

Вишневатый замер в не понимании, зажмурился, и еще крепче обнял свою любимую, самую дорогую жену.

— Теперь еще больше, — прошептал довольно, не в силах поверить в свое счастье.

— Мы справимся? — неуверенно спросила Цветочек, поворачиваясь лицом к Максиму.

— Безусловно, родная.

— И ты не в обиде?

— За то, что в твоём животике наш малыш? Конечно, нет!

— Нам точно нужна няня, — совсем свободно ответила она и улыбнулась, заглядывая в голубые омуты.

— Ну, уж, нет, никаких чужих женщин в нашем доме.

— Но это, все же, четверо детей, — пояснила Рита, чтобы муж точно понял всю ответственность.

— Я помогу, — довольно выкрикнула Дарья Борисовна, и тут же потрепала макушку мимо пробегающего Тигренка.

— У меня будет блатик? — неожиданно спросил сын, подбегая к маме с папой

— Ванечка, молись, чтобы не два сразу, — произнес Женя, держа на руках одного из сынишек, и тут же получил по шее от жены, у которой на коленях удобно уместился второй близнец.

Все засмеялись от слов мужчины и обычной реакции его жены, а Макс, улыбнувшись, поднял Тигренка, усадив его на локоть, а второй рукой обнял жену, прижимая к себе и счастливо улыбаясь:

— Да хоть трое, главное — здоровые!

Конец.

Как вам книга? Оставьте свой отзыв на странице — <https://knigolub.net/link/v7> это поможет другим читателям понять, стоит ли книга их внимания или нет.